

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ



Политология



Филология



Психология

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 1 / 2020

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN MRSU

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н.С. – д.псих.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения); Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Феофанов К.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Штоль В.В. – д.пол.н., проф., Центрально-Европейский университет в Скалице (Словакия).

Раздел «Психология»

Бауэр Елена Анатольевна – д. псих. н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д. псих. н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Носс И.Н. – д.псих.н., проф., Московский государственный областной университет;

Скрипкина Т.П. – д.псих.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд. псих.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псих.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Толстикова С.Н. – д.псих.н., доц., Московский городской педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псих.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Сипко Йосеф – к.филол.н., доктор, проф., Прешовский университет (Словакия);

УДК 323.22/.28

Денильханов А. Х.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

АННОТАЦИЯ

Целью работы являются анализ эволюции политической модернизации и выявление особенностей становления конституционного строя в России.

Процедура и методы исследования. В ракурсе общенаучных методов (историзма, анализа и синтеза) в работе исследована политическая ситуация в Российской империи, которая нашла отражение в дискуссиях депутатов первых четырёх Государственных Дум относительно политического устройства России и формирования высшего нормативного акта – Конституции – в условиях сложной общественно-политической ситуации в стране.

Результаты проведённого исследования. Автор приходит к выводу, что запоздалость реформ, разноректорность политических сил, отсутствие консенсуса между самодержавием и либерально настроенной частью населения привели к трагическим событиям революции 1917 г.

Теоретическая и/или практическая значимость работы заключается в том, что обращение к историческому опыту страны позволит выявить ошибки и недостатки, допущенные как представителями власти, так и политически активной частью социума в процессе построения конституционного строя, и определить перспективы модернизации российской государственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конституция октроированная, либерализм, реформы, Свод Законов Российской империи, Государственная Дума

СТРУКТУРА

Введение

Предпосылки конституционализма в России

Первая российская октроированная Конституция

Государственные Думы в Российской империи

Закключение

A. Denil'khanov

Lomonosov Moscow State University

27 str. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119991, Russian Federation

SOCIO-POLITICAL AND LEGAL PREREQUISITES OF CONSTITUTIONAL MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY ABSTRACT

ABSTRACT

Purpose. The aim of the article is to analyze the evolution of political modernization and identify the features of the formation of the constitutional system in Russia.

Methodology and Approach. From the point of view of General scientific methods (historicism, analysis and synthesis), the paper investigates the political situation in the Russian Empire, which is reflected in the discussions of the deputies of the first four State Duma on the political structure of Russia and the formation of the Supreme normative act-the Constitution-in a complex socio-political situation in the country.

Results. The author comes to the conclusion that the lateness of the reforms, the vectors of political forces, the lack of consensus between the autocracy and the liberals-but the configured part of the population has led to the tragic events of re-involution of 1917.

The practical implication of the article is that the appeal to the historical experience of the country will allow to reveal mistakes and shortcomings of the government and politically active part of society in the process of building a constitutional order, and to determine the prospects for modernization of the Russian state.

KEYWORDS

the Constitution, liberalism, reform, Code of Laws of the Russian Empire, the State Duma

ВВЕДЕНИЕ

В политической истории России, как и в истории многих стран мира, периодически происходили изменения формы государства, которые во многом определяли её дальнейшую судьбу, а также роль в глобальном мировом процессе. Безусловно, каждому такому изменению предшествовала воля государя, которая оформлялась в виде отдельных нормативных актов, затрагивающих определённые сферы общественного бытия, а с начала XX в. и в виде системообразующего документа – Конституции, которая занимает особое место в иерархии законов и определяет базовые принципы всех других правовых актов государства.

Конституция как высший закон государства закрепляет неотчуждаемые права гражданина, устанавливает баланс сил и интересов верховной государственной власти и её граждан. Необходимость такого основополагающего закона в жизни социума обусловлена, по справедливому утверждению выдающегося представителя школы философии права П. И. Новгородцева, тем, что человеческая жизнь постоянно развивается и опережает консервативные нормы положительного права. В конфликтах между новыми про-

грессивными устремлениями общества и устаревшими законами зарождается, по его мнению, право естественное «как требование реформ и изменений в существующем строе» [12, с. 112]. Естественное право для П. И. Новгородцева – это нравственное начало, заимствованное им у Г. В. Ф. Гегеля, который отмечал, что «абсолютная нравственная тотальность есть ни что другое, как народ» [23, S. 368]. Народ должен быть источником власти, активным субъектом права и правотворчества в конституционной модернизации государства. Речь идёт о качественных изменениях практически всех сфер общественного бытия – экономики, политики и права – в соответствии с общечеловеческими ценностями, нормами международного права, в том числе и духовной жизни граждан, включая правовую культуру и правовое сознание. «Цель конституционной модернизации, – утверждает профессор А. Н. Медушевский, – устранение системных деформаций, представленных в реализации основных конституционных принципов» [11, с. 52]. Это означает, «что конституционно значимые по своей правовой природе ценности (демократии, прав и свобод человека и гражданина, правового государства, верховенства права, равенства всех перед законом и т. п.) должны стать ориентиром для осуществления модернизации во всех сферах государственной и общественной жизни, а сама стратегия и конкретная программа модернизации приобретают конституционный характер» [1, с. 12].

Обращение к истокам конституционализма и проблеме его модернизации в России обусловлено тем, что, несмотря на уже более чем столетнюю его историю, сохраняется диссонанс между теоретическими положениями практически всех конституций¹ и правоприменительной практикой. Сегодня вновь и в теоретической, и практической плоскостях остро обозначились проблемы сочетания гражданских свобод и сильной государственной власти. «При всём многообразии возможных подходов к анализу проблем модернизации, в том числе в конституционно-правовом аспекте, – считает судья Конституционного суда РФ профессор Н. С. Бондарь, – важно учитывать, что в основе содержательных характеристик современного понятия конституционной модернизации России лежит выработанная в последние годы стратегия обновления всех сторон жизни общества и государства в соответствии с демократическими ценностями современного конституционализма, распространяющаяся в первую очередь на экономику и на этой основе – на социальную сферу, а также на политическую составляющую нашей государственности» [1, с. 11].

Обозначенная проблематика обусловила постановку цели данной работы: проанализировать эволюцию социально-политической модернизации и выявить специфику становления конституционного строя в России. Ме-

¹ Основные законы Российской империи – 1906 г., которые именуются октроированной Конституцией; Конституция РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924, 1936, 1977 гг.; Конституция РФ 1993 г.

тодологическую основу составили диалектический метод, системный подход, анализ исторических документов, а также современных исследований. В ракурсе общенаучных методов (историзма, анализа, синтеза) поставлены следующие задачи: определены предпосылки конституционализма в Российской империи и сущность первой российской октроированной Конституции; проанализирована проблема эволюции российского конституционализма в контексте общей политической модернизации страны в начале XX в.; интерпретированы дискуссии депутатов первых четырёх Государственных Дум относительно политического устройства России и составления высшего нормативного акта – Конституции – в условиях сложной общественно-политической ситуации и формирования института парламентаризма в стране, дана оценка уровню их политической зрелости.

Политологический взгляд на данную проблематику в ракурсе исторического опыта страны позволит выработать перспективы модернизации российской государственности.

ПРЕДПОСЫЛКИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Становление конституционализма – длительный исторический процесс. Социум всегда нуждался в ясных артикулированных правилах, на которых строится его жизнь. По мере усложнения общественных отношений появилась необходимость в формализации основополагающих принципов взаимоотношений субъектов и функционирования государства. В этой связи некоторые историки и политологи полагают, что протоконституции появились ещё в древности, апеллируя к таким правовым памятникам как Законы Хаммурапи (1750-е гг. до н. э.), Русская Правда (1016 г.), Великая хартия вольностей (1215 г.).

В конце XVIII в. в разных странах в результате буржуазных революций и влияния эпохи Просвещения появляются конституции, выстроенные на утверждении неотчуждаемых прав личности. В понятийную европейскую социально-культурную систему входит универсалия «гражданин», опровергающая понятие «подданный»; создаётся новая конструкция внутренних взаимоотношений членов общества, исчезает жёсткая иерархическая вертикаль, усложняются горизонтальные социальные связи, регламентируемые не обычным, но юридическим формализованным правом (Конституция Французской республики (Монтаньярская Конституция 1793 г.), Конституция Боливии 1826 г. и др.). Немногим ранее была принята первая писаная Конституция США (1787 г.). «Есть великий, глубокий смысл в том, чтобы создать конституцию, тем более великий и глубокий, чем в большей степени в современной Германии правят и действуют безо всякой конституции, и это считают не только возможным, но даже более предпочтительным!», – писал Г. В. Ф. Гегель в письме Нитхаммеру в ноябре 1807 г., связывая прогресс Германии напрямую со свободой народа в управлении государством, его участием в вы-

борах, наличием общественного мнения, определёнными в высшем законе государства обязанностями и ответственностью правительства и предлагая перенять опыт Франции [3, с. 281].

В России в конце XVIII в. тоже появляются конституционные проекты именно западноевропейского типа, т. е. построенные на идеях ограничения самодержавия в пользу расширения законодательных прав коллективного органа правления. Естественно, в этот орган должен входить только узкий круг аристократической верхушки. Проблемы свободы и прав личности в юридическом ключе не ставились, но это были основные темы русской публицистики и литературы, т. е. общество активно их обсуждало.

В ранних конституционных проектах преимущественно решались проблемы государственно-политического устройства. Так, в 1730 г. появляются «Кондиции», в которых предполагалось ограничить власть монарха в пользу Верховного тайного совета. К значительным этапам развития конституционной мысли относятся проект 1754 г. графа П. И. Шувалова «О разных государственной пользы способах», проект 1762 г. графа Н. И. Панина о реформе Сената и создании Императорского Совета при монархе. Особое место в формировании подходов к трансформации государственного устройства России занимает деятельность М. М. Сперанского, в частности, его труды «Об образе правления» и «О духе правительства», написанные им в 1804 г. Исторически выразительны поиски путей переустройства страны в теоретических построениях декабристов в 1825 г. (конституционный проект Н. М. Муравьева и «Русская правда» П. И. Пестеля). И уже на подступах не только в осмыслении возможностей ограничения самодержавия, но и в демократизации принципов управления были «Записка великого князя Константина Николаевича о проекте реформ государственного управления» и проект реформ, известный как «Конституция» М. Т. Лорис-Меликова, появившиеся в 1880–1881 гг. Однако все эти усилия оставались в сфере теоретических разработок и не получили практического завершения.

Новые предпосылки конституционализма в России были вызваны революционной ситуацией, которая сложилась в конце XIX – начале XX вв. и была обусловлена необходимостью радикальных изменений в экономике Российского государства, так как в ряде европейских стран (Англия, Германия, Франция), а также в США к этому времени уже сформировался класс буржуазии как собственник средств производства, применялись капиталистические методы хозяйствования (частная собственность, юридическое равенство и свобода предпринимательства, свободный рынок и т. п.), что способствовало быстрому накоплению капитала и доминированию этих стран на мировом рынке.

Несмотря на пёструю палитру общественно-политических взглядов того времени, ясным оставалось одно – архаичное устройство России тормозило её внутреннее и внешнее развитие. В экономике необходимы были реформы

в аграрном секторе, в котором преобладали ещё феодальные пережитки, а в политике – замена неограниченной монархии на конституционную, чему противилось дворянство, которое как правящий класс отстаивало интересы самодержавия и выступало за сохранение сословности и своей доминирующей роли в государственном управлении.

Центральная власть также понимала насущную необходимость реформ. В соответствующих кругах – Министерства внутренних дел, Министерства юстиции – шла работа по составлению «осторожных» реформ. Результатом её был Высочайший Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., который предусматривал проведение комплекса мер по расширению прав земств, страхованию рабочих, усовершенствованию судебной системы. В п. 6 Указа также выражалось «...неуклонное душевное желание охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям...»². Особое внимание следует обратить на то, что в преамбуле к документу ставится один из самых насущных вопросов того времени – крестьянский: «Во главе забот Наших поставляя мысль о наилучшем устройстве быта многочисленного у Нас крестьянского сословия...»³. Выдвигается задача если не решения крестьянского вопроса, то поиска подходов к созданию условий для модернизации жизни и труда сельского населения⁴. Однако события 1905 г. серьёзно изменили общую политическую ситуацию в стране. «Кровавое воскресенье»⁵ положило начало всё усилива-

² Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 12.12.1904 «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского. 3-е изд., пересм. и доп. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 5.

³ Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 12.12.1904 «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского. 3-е изд., пересм. и доп. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 3.

⁴ Крестьянский вопрос с начала XX в. стоял в правительственной повестке. В 1902 г. было создано Особое совещание о нуждах сельского хозяйства. В результате была лишь ослаблена круговая порука, но не отменена община, хотя эта проблема была особенно острой в селе.

⁵ Трагические события 9 января неоднократно рассматривались как в советской, так и в современной российской историографии. Разобраться в смуте этого дня сложно. Но очевидно, что кровавое развитие событий не было спонтанным, а было подготовлено, во-первых, недовольством, связанным с увольнением рабочих Путиловского завода в 1904 г., которое активно подогревалось умелой пропагандой, а, во-вторых, цепочкой действий по возбуждению агрессивности в рядах идущих в колонне людей вплоть до провокационных выстрелов в правительственные войска. Для придания теперь уже политического акцента событиям нужна была кровь, и она пролилась. События этого дня по часам тщательно воссозданы в монографии М. С. Пазина [13].

ющемуся стачечному движению, волнениям в армии и на флоте. Положение усугубляли неудачи в Русско-японской войне. Развернулся невиданный террор⁶. Социальные проблемы, накопившееся недовольство экономическим положением, разогреваемое активной агитацией социал-демократических сил, привели к кровавым столкновениям, которые подавлялись правительственными войсками.

Крестьянские волнения пошли резко на спад только после опубликования 27 августа 1906 г. указа императора «О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения»⁷, предусматривающего программу реформ правительства в аграрном секторе. С ноября началась реализация программы – разрешался выход из общины с наделом, объединённым в отруб. Это окончательно успокоило аграрное население.

Социальный взрыв 1905 г. показал, что долго готовящиеся реформы уже опоздали и требуется незамедлительная административная и правовая реакция: необходимы скорейшее уточнение и модернизация общественно-политической структуры страны⁸. По инициативе С. Ю. Витте – основного идеолога, вырабатывавшего концепцию развития страны, – появился Манифест 17 октября 1905 г., даровавший гражданские свободы совести, слова, собраний и союзов, учреждался парламент, состоящий из Государственного совета и Государственной Думы. Манифест явился важнейшей вехой на пути конституционного строительства в Российской империи. Во Всеподданнейшем докладе относительно событий 1905–1906 гг. С. Ю. Витте писал: «Корни этого волнения, несомненно, лежат глубже. Они – в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы»⁹. Его взгляд на российское общество был ограничен мизерным слоем европейски образованной буржуазной интеллигенции, какие бы демократические лозунги им ни декларировались. Социал-демократические деятели, сколь угодно интеллектуально изощрённые, относились в это время к маргиналам.

⁶ О российском терроризме, его сущности, исторических истоках, развитии и связи с революцией см. [4; 5; 9; 19; 21].

⁷ См.: Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 27 августа 1906 г. «О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского. 3-е изд., пересм. и доп. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 404–408.

⁸ Указанный период нашёл свою интерпретацию также в трудах зарубежных мыслителей: Fitzpatrick S. “The Russian Revolution” (1994), MacDaniel T. “Autocracy, capitalism, and revolution in Russia”. (1988) [22; 25].

⁹ Высочайшее повеление и Всеподданнейший доклад статс-секретаря графа Витте // Церковные ведомости. 1905. 22 октября. С. 484.

Понимание неразгаданной ещё сложности российского общества зрело как раз в правящих кругах. С. Е. Крыжановский, говоря о начале острого кризиса в стране, замечает: «Положение было тем более трудное, что все рассуждения шли, в сущности, вслепую. При отсутствии политической жизни самая физиономия населения, направления и взгляды его отдельных слоев никому, в сущности, известны не были, на какой слой следовало опереть. Думаю, никто не знал, и, как только сходили с дорожки земских выборов, попадали в дремучий лес» [14, с. 126]. А в этом «дремучем лесу» коренилась большая часть населения России, интересы и нужды которой были неведомы столичным интеллектуалам, воспитанным западными мыслителями. Огромная часть этого «неучтенного» населения принадлежала к старообрядчеству, у которого были свои особые отношения к государственной власти. Крупный знаток русской истории, представитель крупнейшего старообрядческого купеческого рода В. П. Рябушинский писал: «Старообрядчество есть организованное выражение древнего русского благочестия, сохранившееся в русских народных низах» [17, с. 101]. Но это ещё и тесное взаимоотношенное отношение «народных низов» и высших деловых кругов, объединённых единством духа людей, интересы которых порой весьма значительно расходились с общим направлением политики как официальной верховной власти, так и оппозиционеров¹⁰, что, кстати, В. П. Рябушинский убедительно показал в литературных портретах предпринимателей-старообрядцев.

В России сложилась парадоксальная ситуация: вопросы освобождения человека, облегчения экономического гнёта и равноправия разрабатывались и ставились верховной властью, даже при участии царя, а носители либеральных идей в теории, высшие культурные круги аристократического общества, препятствовали их реализации.

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ ОКТРОИРОВАННАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Государственная власть искала пути консенсуса с растревоженным обществом на исторически традиционных путях, осторожно продвигаясь в сторону демократических преобразований. 23 апреля 1906 г. императорским указом была введена новая редакция Основных государственных законов (издавались с 1832 г.)¹¹, которые принято называть первой российской октроированной Конституцией (прототипом её явилась Конституция Пруссии 1850 г.). «По своему содержанию, определяющему общий порядок

¹⁰ Роль старообрядцев в исторических событиях как до, так и после 1917 г. выявлена и основательно проанализирована также А. В. Пыжиковым в монографиях [15; 16].

¹¹ См.: Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 23 апреля 1906 г. «Об утверждении Основных Государственных Законов» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского. 3-е изд., пересм. и доп. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 372.

государственной власти, – отмечал Н. А. Захаров, – наши Основные законы, несомненно, могут именоваться тем именем, которое присвоено наукой для законов, устанавливающих внутреннюю организацию в стране – конституцией» [7, с. 123]. Данный нормативно-правовой акт состоял из одиннадцати глав и ста двадцати четырёх статей, которые охватывали практически все важнейшие институты власти и управления. Первые пять статей акта определяли фундаментальные основы государства: Российское государство объявлялось «единым и нераздельным» (ст. 1); «Великое княжество Финляндское» признавалось субъектом Российского государства (ст. 2); русский язык провозглашался общегосударственным и «обязательным в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях...» (ст. 3); «Верховная Самодержавная» власть принадлежала императору (ст. 4), «особа Государя императора» по-прежнему была «священна и неприкосновенна» (ст. 5). Далее шли статьи о неприкосновенности собственности, жилища, свободе выбора места жительства, свободе собраний и печати (которые, конечно, были ограничены законами), свободе образования обществ и союзов, свободе веры (ст.ст. 30–39)¹². Все статьи новой редакции Основных законов были выдержаны в демократических рамках, юридическая сила которых не позволяла их изменять даже императору без согласия Государственной Думы.

В результате долгих споров и сомнений была сделана основная уступка: царская власть уже не определялась как «неограниченная», как это было в исторической традиции, но оставалась «самодержавной» и со времени Иоанна III понималась как суверенная, независимая в своей внутренней и внешней политике. Отныне форма правления именовалась как дуалистическая монархия: законодательная власть принадлежала императору и парламенту, правительство оставалось подотчётно главе государства. Регионы тоже получили относительную самостоятельность в лице органов общественного самоуправления.

Эти осторожные, но всё-таки явные шаги государственной власти на встречу требованиям общества не были приняты оппозиционными силами. Определение самодержавности власти было воспринято как отстранение от власти народа (в лице его интеллектуальной элиты). «Конституция» явилась своеобразным итогом преобразований, произошедших в верховной власти. Главным её достижением было провозглашение гражданских прав и свобод. Это был прогресс на пути установления практического конституционализма.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Через три дня после опубликования Основных государственных законов – 27 апреля 1906 г. – открылась Первая Государственная Дума. Большинство мест в ней заняли кадеты (176), второе место – «Трудовой союз» (107).

¹² См.: Основные государственные законы Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Основные_Законы_Российской_Империи/Часть_первая (дата обращения: 02.10.2019).

Вошли в Думу также эсеры, представители Партии свободомыслеащих, польского коло, мирнообновленцы, социал-демократы (меньшевики) и др.

По новому положению за императором оставалось право созывать и распускать Думу, которая оставалась в пределах законосовещательных функций. Дума могла контролировать бюджет (в том числе и бюджет силовых министерств).

С первого же заседания возник острый вопрос места Думы в структуре государственной власти. С. А. Муромцев, председатель Первой Государственной Думы, и в своих речах, и своими действиями требовал уважительного отношения к Думе. Он отказался сделать первый визит к председателю Совета министров И. Л. Горемыкину. Но при этом оставался на взвешенной позиции: «Дума должна, во-первых, уважать преимущества конституционного монарха и, во-вторых, пользоваться теми правами, которые должны быть присущи всякому народному представительству» [10, с. 12]. Но его усилия не могли изменить нацеленность на конфликт представителей практически всех партий.

Конфронтационными были и положения, которые отстаивали представители Конституционно-демократической партии: они требовали полной политической амнистии, ликвидации Государственного совета (с 1810 г. высшего законосовещательного органа Российской империи), отчуждения помещичьих земель и др. «Либералы приветствовали “друзей слева” и считали революционный террор той мерой, которая поможет самим либералам добиться смены политического строя» [2, с. 5]. По мнению российского историка Ф. Ф. Смирнова, «Дума потеряла чувство реальности и попыталась, используя революционный фактор, немедленно ввести парламентарный строй... Она поставила себя вне и выше политического строя, открыто с вызовом нарушала Основные законы...» [18, с. 238].

Просуществовала Дума 72 дня и была распущена 9 июля 1906 г., к чему население отнеслось спокойно и даже равнодушно. Ограниченность социальной среды не давала возможности реализоваться либеральной концепции. В этом и была причина того, что идеи так и остались идеями. Соизмерять же идеи и возможности отклика среды либеральные мыслители не находили нужным. Назначенный премьер-министром П. А. Столыпин пытался установить деловые отношения с оппозиционными деятелями, приглашая их для работы в формирующееся правительство. Ему отказывали даже умеренные либералы, как будто демонстративно выстраивая дистанцию по отношению к существующему строю¹³.

Вторая Дума также заняла позицию резкой конфронтации с Советом министров. Она открылась 20 февраля 1907 г. и была распущена 2 июня, т. е. проработала 102 дня. Выборы в Думу происходили в обстановке эмоцио-

¹³ Подробно события этого периода представлены в работе заслуженного профессора российской истории Дж. Хоскинга: Hosking G. A. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. [24].

нального подъёма в рядах всех партий: во всей стране (во всяком случае в европейской её части) проходили шумные предвыборные собрания, диспуты между кадетами, социалистами и др. В результате политические силы этой Думы были сфокусированы на полюсах: на одном – социалисты, т. е. левые, на другом – представители правых, и между ними – кадеты и октябристы. Естественно, эта Дума расходилась в острых внутрипартийных конфликтах, сближались позиции лишь в неизменном противоборстве правительству. А. В. Тыркова-Вильямс вспоминала: «В думские времена между правыми и левыми щетинилась колючая проволока взаимного недружелюбия и недоверия» [20, с. 336]. Находившиеся же в центре кадеты явно дрейфовали влево.

За те восемь месяцев, которые прошли между роспуском Первой Думы и началом работы Второй Думы, в правительстве шла работа по подготовке законопроектов по аграрно-крестьянскому вопросу. Указ о раскрепощении общины 9 ноября 1906 г. открывал путь развитию частной земельной собственности¹⁴. Но это было только началом процесса. По данному вопросу сложились две концепции: П. А. Столыпин предлагал развивать фермерские хозяйства, С. Н. Булгаков – поддерживать кооперативные начала, которые возникли и стали крепнуть в аграрном секторе. Это был важнейший вопрос, требовавший глубокого обсуждения. Но основным предметом дебатов в Думе весной 1907 г. стал вопрос о принятии чрезвычайных мер против революционеров, террористическая деятельность которых приобрела массовый характер. Дума 17 мая 1907 г. проголосовала против «незаконных действий» полиции, признав, по сути, право на крайние меры в отстаивании политических взглядов. Это и решило судьбу Второй Думы.

Третья Дума – единственная проработавшая весь пятилетний, законом определённый, срок – с 1 ноября 1907 г. по 12 августа 1912 г. Внесённые 3 июня 1907 г. поправки в избирательный закон помогли созданию вполне рабочего большинства депутатского корпуса, способного профессионально разобраться в экономических проблемах страны. Большинство составили правые и октябристы (А. И. Гучков), кадеты получили 50 мест (П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, А. Ф. Керенский). Серьёзный блок составили прогрессисты – московские предприниматели (П. П. Рябушинский, П. А. Бурыйкин, С. А. Смирнов, А. И. Коновалов). На этом фоне происходили бесконечные студенческие волнения, начинавшиеся с бытовых неурядиц и заканчивавшиеся непременно вопросом о свободе от самодержавия. На стороне студентов оказывались многие «прогрессивные» профессора, ведущие учёные в своей области.

¹⁴ Столыпинская аграрная реформа не могла решить острые земельные проблемы. «Кампания по насаждению хуторов и отрубов, сопровождавшаяся чиновничьим произволом и грубым давлением, вызывала со стороны крестьян многочисленные жалобы и протесты. Именно с выделением на хутора и отруба связана основная масса крестьянских выступлений против аграрной реформы» [8, с. 16].

Работа Третьей Думы также началась с дискуссии о характере власти в России, развернувшейся на первых же заседаниях. Дебатировался вопрос, какой посыл должен содержаться в благодарственном адресе императору в ответ на его приветственное послание: должно звучать слово «самодержец» или «конституция». Первоначальный вариант, представленный группой юристов во главе с Ф. Н. Плевако, опирался на слова приветствия Государя: «Верьте нам, Государь, мы приложим все наши силы, все наши познания, весь наш опыт, чтобы укрепить обновлённый манифестом 17 октября Вашею Монаршею волею государственный строй, успокоить отечество, утвердить в нём законный порядок, развить народное просвещение, поднять всеобщее благосостояние, упрочить величие и мощь нераздельной России»¹⁵. Этот текст вызвал бурные, яростные обсуждения. Прения продолжались два дня и завершились после речи Ф. Н. Плевако, в которой он ёмко показал суть конфликта, заключавшегося не в терминологических разногласиях, даже не в различии политических устремлений ряда депутатов, а в глубоком непонимании ими исторической реальности: «Мы здесь со стороны представителей народной свободы слышали желание внести в адрес, который здесь был представлен комиссией, термин “конституция” или “конституционный строй”. В адресе не найдено это слово, но между тем изложен наш взгляд на права, которые нам даны, которые соответствуют широкому государственному учреждению, именующемуся конституцией. Чего же вам ещё нужно? Вы хотите непременно слова, которое ещё не сделалось народным»¹⁶. Далее оратор едко заметил, что сами члены партии конституционных демократов неспроста добавили в название «Партия Народной Свободы», понимая, что для народа их основное наименование чуждо и непонятно. Он показал, что депутаты не хотят видеть наличные демократические инструменты, которые можно с успехом использовать для насущных эволюционных реформ, предпочитая бороться за абстракции, время воплощения которых ещё не пришло.

Четвёртая Дума, избранная 15 ноября 1912 г., проработала почти полный срок в кризисных обстоятельствах. Председатель Думы М. В. Родзянко, ставший одним из лидеров Февральской революции 1917 г., был ярким противником самодержавия. С думской трибуны звучали речи, косвенно, а то и напрямую призывавшие к изменению существующего строя. Антиправительственная деятельность была несколько, на короткий период, замедлена начавшейся 1 августа 1914 г. войной, вызвавшей взрыв патриотизма. Но неудачи кампании 1915 г. вновь активизировали резкую критику внутренней политики. В это время на квартирах разных промышленников – А. И. Коно-

¹⁵ Государственная дума. 3-й созыв. Сессия 1-я: стенографические отчеты 1907–1908. Ч. 1. Заседания 1–30 (с 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). СПб.: Государственная Типография, 1908. Стлб. 136.

¹⁶ Государственная дума. 3-й созыв. Сессия 1-я: стенографические отчеты 1907–1908. Ч. 1. Заседания 1–30 (с 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). СПб.: Государственная Типография, 1908. Стлб. 241.

валова, С. П. Рябушинского – собирались совещания по поводу мер, которые надо было принять для исправления тяжёлого положения в стране. Сам М. В. Родзянко совместно с А. И. Гучковым и П. Н. Милюковым принимал участие в подобных закрытых совещаниях на квартире кадета М. М. Федорова, где обсуждалась идея дворцового переворота, в результате которого в России должна была установиться конституционная монархия.

На практике оказалось, что высокоодарённые образованные люди, получившие депутатские мандаты, много лет боровшиеся за победу либеральных принципов в устройении страны, за Конституцию, не знали решения глубинных проблем страны. Они не смогли предложить способы и механизмы урегулирования конкретных конфликтов, тратя силы и время на дискуссии с властью, отстаивая право на признание преобладающего значения парламентского органа в управлении страной. Непреодолимым препятствием встал момент личных амбиций. С думской трибуны для демонстрации собственного красноречия и оппозиционного бесстрашия часто звучали безответственные речи и призывы, производившие разрушающий эффект в стране. Конечно, нельзя сказать, что к революционным разломам привели выступления думских депутатов, но они способствовали усилению и развитию разрушительных тенденций. После октябрьских событий 1917 г. о либеральных формах развития в стране пришлось забыть на долгие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отречением Николая II от престола 2 марта 1917 г. неподалёку от г. Пскова завершилась борьба против самодержавия. Открылся путь к созданию давно ожидаемой парламентской свободной республики в России. Это событие было встречено с ликованием. Дума была официально распущена указом Временного правительства 6 октября 1917 г. в связи с назначением выборов во Всероссийское учредительное собрание¹⁷. Но, как хорошо известно, история пошла совершенно другим путём. Временное правительство, в большинстве своём состоявшее из представителей кадетской партии, приняв полноту власти, не смогло справиться с множеством неожиданных для него проблем. 25 октября (7 ноября) 1917 г. оно было свергнуто. Из 17 членов Временного правительства – 4 были расстреляны, 8 эмигрировали, оставшимся в стране предстояли тюрьмы и ссылки. Но главное – вместо ожидаемого и в умозрительных построениях замечательных мыслителей неотвратимого свободного расцвета всех творческих сил спусковой крючок разрушения исторической власти запустил механизм кровавого хаоса, в котором оказались миллионы людей. Для того чтобы остановить тотальное разрушение, понадобились жестокие и даже кровавые меры, предпринятые уже больше-

¹⁷ События периода работы первых четырёх Дум (1906–1917 гг.) более подробно изложены в другом исследовании автора данной статьи [6].

виками. Позиция власти, отказавшейся от сотрудничества с либерально настроенной частью населения, а также ошибки в расставлении приоритетов при решении первоочередных потребностей общества предопределили события 1917 г. и историческую миссию новой власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 198 с. (Библиотечка судебного конституционализма. Вып. 5).
2. Гайда Ф. Манифест 17 октября: как граф Витте Россию спасал // Живая история. Нет ничего современнее истории. 2015. № 5. С. 4–8.
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Институт философии АН СССР: Мысль, 1971. 630 с.
4. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Терроризм и революция // Przegląd Strategiczny. 2018. № 11. С. 243–255.
5. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54.
6. Денильханов А. Х. Зарождение российского парламентаризма: к вопросу о выборах в I – IV Государственные думы Российской Империи // Власть. 2018. Т. 26. № 4. С. 116–128.
7. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск: Электротип. Ф. Туникова, 1912. 324 с.
8. Зырянов П. Н. Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1994. 31 с.
9. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 570 с.
10. Кизеветтер А. А. Сергей Андреевич Муромцев. Председатель Первой Государственной Думы. 2-е изд. М.: Задруга, 1918. 16 с.
11. Медушевский А. Н. Конституционная модернизация России: стратегия, направления, методы // Закон. 2013. № 12. С. 41–52.
12. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. 3-е изд. М.: Изд. кн. магазина «Высшая школа», 1914. 236 с.
13. Пазин М. С. «Кровавое воскресенье». За кулисами трагедии: [1905]. М.: Яуза: ЭКСМО, 2009. 379 с.
14. Пронкин С. В. Крыжановский С. Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 115–130.
15. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2018. 528 с.
16. Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015. 382 с.
17. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим: Мосты, 1994. 240 с.
18. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи: 1906–1917: историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 665 с.

19. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / В. Ю. Бельский, А. Н. Бороздин, Н. Н. Гусев и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
20. Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.
21. Ширинянц А. А. Интеллигенция, нигилизм и терроризм в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 28–32.
22. Fitzpatrick S. The Russian Revolution. 2nd ed. Oxford, New York: Oxford University Press, 1994. 199 p.
23. Hegel G. W. F. Über die wissenschaftlichen Behandlungen des Naturrechts, seine Stelle in der praktischen Philosophie und sein Verhältnis zu den positiven Rechtswissenschaften // Hegel G. W. F. Sämtliche Werke. Bd. VII / Hrsg. G. Lasson. Leipzig, 1923. S. 325–411.
24. Hosking G. A. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. New York, London: Cambridge University Press, 1973. 281 p.
25. MacDaniel T. Autocracy, capitalism, and revolution in Russia. Berkeley: University of California Press, 1988. 500 p.

REFERENCES

1. Bondar' N. S. *Konstitutsionnaya modernizatsiya rossiiskoi gosudarstvennosti: v svete praktiki konstitutsionnogo pravosudiya* [Constitutional modernization of the Russian state: the aspect of constitutional justice practice]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2014. 198 p.
2. Gaida F. [The Manifest of October 17: how Count Witte was saving Russia]. In: *Zhivaya istoriya. Net nichego sovremennee istorii* [Living story. There is nothing more modern than history], 2015, no. 5, pp. 4–8.
3. Hegel G. W. F. *Raboty raznykh let. T. 2* [Works of different years. Vol. 2]. Moscow, Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences Publ., Mysl' Publ., 1971. 630 p.
4. Gutorov V. A., Shirinyants A. A. [Terrorism and revolution]. In: *Przeglad Strategiczny*, 2018, no. 11, pp. 243–255.
5. Gutorov V. A., Shirinyants A. A. [Terrorism as a theoretical and historical problem: some aspects of the interpretation]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research], 2017, no. 3, pp. 30–54.
6. Denil'khanov A. Kh. [The origin of Russian parliamentarism: the question of elections in the I – IV State Duma of the Russian Empire]. In: *Vlast' [Power]*, 2018, vol. 26, no. 4, pp. 116–128.
7. Zakharov N. A. *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti. Yuridicheskoe issledovanie* [The system of Russian state power. Juridical research]. Novocherkassk, Electrotap. F. Tunikova, 1912. 324 p.
8. Zyryanov P. N. *Krest'yanskaya obshchina evropeiskoi Rossii, 1907–1914 gg.: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [The peasant community of European Russia, 1907–1914: abstract of D. thesis in Historical sciences]. Moscow, 1994. 31 p.
9. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh* [The history of terrorism in Russia in documents, biographies, research]. Rostov-on-don, Feniks Publ., 1996. 570 p.

10. Kizevetter A. A. *Sergei Andreevich Muromtsev. Predsedatel' Pervoi Gosudarstvennoi Dumi* [Sergei Andreevich Muromtsev. The President of The First State Duma]. Moscow, Zadruga Publ., 1918. 16 p.
11. Medushevsky A. N. [Constitutional modernization of Russia: strategy, direction and methods]. In: *Zakon* [Law], 2013, no. 12, pp. 41–52.
12. Novgorodtsev P. I. *Lektsii po istorii filosofii prava. Ucheniya Novogo vremeni. XVI–XIX vv.* [Lectures on the history of the philosophy of law. Doctrines of New time. XVI–XIX centuries]. Moscow, Bookstore publishing house “High school” Publ., 1914. 236 p.
13. Pazin M. S. «Krovavoe voskresen'e». *Za kulisami tragedii: [1905]* [“Bloody Sunday”. Behind the scenes of the tragedy: [1905]]. Moscow, Yauza Publ., EKSMO Publ., 2009. 379 p.
14. Pronkin S. V. [Kryzhanovsky S. E. Notes of a Russian conservative]. In: *Voprosy istorii* [History issues], 1997, no. 2, pp. 115–130.
15. Pyzhikov A. V. *Grani russkogo raskola. Tainaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda* [Facets of Russian schism. The secret role of the old believers from the 17th century to 1917]. Moscow, Kontseptual Publ., 2018. 528 p.
16. Pyzhikov A. V. *Korni stalinskogo bol'shevizma* [The roots of Stalinist Bolshevism]. Moscow, Argumenty nedeli Publ., 2015. 382 p.
17. Ryabushinsky V. P. *Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo* [Old belief and the Russian religious feeling]. Moscow, Jerusalem, Mosty Publ., 1994. 240 p.
18. Smirnov A. F. *Gosudarstvennaya Duma Rossiiskoi imperii: 1906–1917: istoriko-pravovoi ocherk* [The state Duma of the Russian Empire: 1906–1917: Historical and legal essay]. Moscow, Kniga and business Publ., 1998. 665 p.
19. Belsky V. Yu., Borozdin A. N., Gusev N. N. et al. *Terrorizm v istoricheskoi retrospektive i sovremennykh usloviyakh* [Terrorism in historical retrospective and modern conditions]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2017. 479 p.
20. Tyrkova-Vil'yams A. V. *Na putyakh k svobode* [On the way to freedom]. Moscow, Moscow School of Political Studies Publ., 2007. 392 p.
21. Shirinyants A. A. [Intellectuals, nihilism and terrorism in Russia in the second half of XIX – early XX centuries]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 9, pp. 28–32.
22. Fitzpatrick S. *The Russian Revolution*. Oxford, New York, Oxford University Press, 1994. 199 p.
23. Hegel G. W. F. *Über die wissenschaftlichen Behandlungen des Naturrechts, seine Stelle in der praktischen Philosophie und sein Verhältnis zu den positiven Rechtswissenschaften*. In: Hegel G. W. F. *Sämtliche Werke. Bd. VII*. Leipzig, 1923, ss. 325–411.
24. Hosking G. A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914*. New York, London, Cambridge University Press, 1973. 281 p.
25. MacDaniel T. *Autocracy, capitalism, and revolution in Russia*. Berkeley, University of California Press, 1988. 500 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.10.2019

Статья размещена на сайте: 16.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денильханов Асланбек Хаважович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

Aslanbek Kh. Denil'khanov – PhD in Political Science, associate professor at the Department of Philosophy of Language and communication of the Philosophy Faculty, associate professor at the Higher School of Business, Lomonosov Moscow State University; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Денильханов А. Х. Социально-политические и правовые предпосылки конституционной модернизации России в начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Denil'khanov A. Kh. Socio-political and legal prerequisites of constitutional modernization of Russia in the early XX century. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 94(5) 294.321

Дудин П. Н.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, Российская Федерация

БУДДИЗМ ТХЕРАВАДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Целью исследования являются определение роли буддизма в формировании политического порядка и моделирование этого процесса в государствах течения Тхеравады Юго-Восточной Азии.

Процедура и методы исследования. Автором с помощью системного метода, инвентаризации и генеалогического метода в интерпретации М. Фуко исследован генезис и обобщён опыт становления института монархии в буддийских государствах, а также проанализированы формы взаимодействия главы государства с буддийской общиной (сангхой). В ходе исследования буддизм представлялся не столько как религиозная (сакральная), сколько как ценностно-философская категория, что позволило рассмотреть его в качестве идеологической основы изучаемых национальных государств. Это же, в свою очередь, подвигло нас соотнести декларируемые в буддизме постулаты с их практическим воплощением в государственном и национальном строительстве на примере Таиланда, Камбоджи, Мьянмы / Бирмы и Лаоса.

Результаты исследования. Автором предложено обоснование устойчивости монархической государственности в ряде стран региона с опорой на буддизм и его ценности, что позволяет в целом вести речь о его эффективности в качестве идеологической установки. Предложен индикатор успешности буддийской государственности и его главы – благополучие сангхи, обусловленное экономическим потенциалом монастырей, что, в свою очередь, обеспечивало политическую стабильность.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что впервые в отечественной науке категория регионального политического порядка рассмотрена сквозь призму буддизма, а сам буддизм рассматривается в качестве одного из комплексных и определяющих факторов становления государственности исследуемого региона.

Практическая значимость выражается в потенциальной возможности внешнеполитического ведомства и других государственных и негосударственных организаций, осуществляющих свою деятельность в регионе корректировать свою политику с учетом выявленных закономерностей и представленных данных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический порядок, национальное государство, буддизм, идеология, монархия, Юго-Восточная Азия

СТРУКТУРА

Введение

Моделирование политического порядка государств региона в ракурсе буддийской традиции

Практическое воплощение буддийской традиции в формировании политического порядка государств региона

Заключение

P. Dudin

*East Siberia State University of Technology and Management
40B Klyuchevskaya ul., Ulan-Ude 670013, Russian Federation*

THERAVADA BUDDHISM AND THE REGIONAL POLITICAL ORDER OF SOUTHEAST ASIA

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article is to define the role of Buddhism in shaping the political order and to model this process in the states of the Theravada school of thought of Southeast Asia.

Methodology and Approach. Using the systemic method, the event analysis and the genealogical method in the interpretation of M. Foucault, the author investigated the genesis and generalized the experience of the establishment of the institution of the monarchy in Buddhist states, as well as analyzed the forms of interaction between the head of state and the Buddhist community (sangha). In the course of the research Buddhism was presented not as religious (sacral), but as a value-philosophical category, which allowed to consider it as an ideological basis of the studied national states. This, in turn, led us to relate the postulates declared in Buddhism to their practical embodiment in state and national construction, using the example of Thailand, Cambodia, Myanmar/Burma, and Laos.

Results. The author proposes a justification for the sustainability of monarchist statehood in several countries of the region based on Buddhism and its values, which allows speaking generally about its effectiveness as an ideological setting. An indicator of the success of Buddhist statehood and its head - the well-being of sangha, due to the economic potential of monasteries, which in turn provided political stability, has been proposed.

The theoretical significance of the study lies in the fact that for the first time in domestic science the category of regional political order is examined through the prism of Buddhism, and Buddhism itself is considered as one of the complex and determining factors in the formation of statehood in the region under study.

Practical significance is expressed in the potential ability of the foreign ministry and other state and non-state organizations operating in the region to adjust their policies taking into account the identified patterns and the data provided.

KEYWORDS

political order; nation state; Buddhism; ideology; monarchy; Southeast Asia

ВВЕДЕНИЕ

Региональный политический порядок, выстраиваемый в Восточной Азии в первой половине XX в., имел ряд специфических особенностей. Во-первых, он формировался с участием ведущих держав в лице в первую очередь Российской империи / СССР и Японии. Во-вторых, этот процесс происходил не без участия идеологической конкуренции [7], выступающей одним из главных контекстов политического присутствия упомянутых держав. И, наконец, в-третьих, практическое воплощение этой конкуренции не ограничивалось только борьбой социалистических идеалов и «экспорта революции», с одной стороны, и конструированием «Великой Восточно-Азиатской сферы взаимного процветания» – с другой. В регионе имелась третья сила, которая по своим

масштабам, пространственному охвату и влиянию не уступала первым двум – буддизм с его разнообразием школ и практик, но универсальными взглядами в отношении многих позиций, касающихся политического устройства региона.

Месту и роли буддизма в развитии государственных, правовых и социальных институтов посвящено множество работ, но нам интересны лишь те, которые привлекают внимание учёных при конструировании политического порядка. Например, масштабное издание «Buddhism in the Modern World» [11] под редакцией крупного специалиста в этой области, исследователя Колледжа Франклина и Маршалла (Пенсильвания, США) Дэвида Л. Макмаха-на посвящено месту буддизма в глобальном мире, работы тайского учёного Сомпонга Сучариткуля [28] исследуют его взаимосвязь с другими верованиями, а непальский учёный Тина Мамандар пишет о соотношении буддизма и индуизма [22]. Достойное место в сфере наших научных интересов отведено индийскому историку и культурологу Балкришеа Говинд Гохале [14], французскому дипломату и исследователю Тьерри Мату, изучающему политические реформы в современном Бутане [23], специалисту по государственным и политическим системам Юго-Восточной Азии Тони Дэю [12], почётному профессору Вашингтонского университета Чарльзу Кейсу [19], доценту Школы английского и международных исследований Пекинского университета международных исследований Дону Чжао [13]. Эти и другие учёные рассматривают буддизм с разных позиций, в том числе и как идеологическую канву государственной политики, но нам они интересны исключительно в том аспекте, который так или иначе затрагивает концепт государственной власти на более обширном, региональном уровне.

С сожалением приходится констатировать невысокий (относительно зарубежных коллег) исследовательский интерес среди российских учёных именно к представленному региону, изучению процессов формирования его политического порядка, места и роли буддизма в этом процессе. Данный интерес проявляется в первую очередь к северной части континента и распространённому в его пределах течению Махаяны: либо к китайской имперской традиции и развитию буддизма в этот период [10]; либо к взаимоотношениям цинских императоров с тибетским [3] и монгольскими [6] народами; либо к теократическим тенденциям и их воплощению в регионах, получивших самостоятельность после распада империи Цин [5]; либо в современном Китае [8]. Вместе с тем пусть немногочисленные, но содержательные научные изыскания затрагивают и интересующий нас регион: как с позиций глобального развития [1], так и в ракурсе возникающих в связи с этим вызовов для отдельных стран (например, Камбоджи [2] или Мьянмы [9]) и угроз для всей Восточной Азии [4]. Поскольку данное пространство представляет собой разнообразие культур и народов с таким же разнообразным историческим прошлым и наследием государственного строительства, не становятся исключением и философско-религиозные взгляды на этот процесс приверженцев буддизма, оформившиеся

в сохранившихся и по сей день двух наиболее крупных и влиятельных течений-учениях буддийских школ: Тхераваде – на юге (кроме Вьетнама) и Махаяне – на севере (включая Вьетнам). И поскольку в годы Второй мировой войны под японским влиянием оказались почти все страны (кроме Шри-Ланки), чьё население придерживалось традиции Тхеравады (Лаос и Таиланд – в 1941 г., Бирма и Камбоджа – в 1942 г.), мы обратимся к взглядам этой школы на категорию государства, государственную власть и политический порядок. Таким образом, необходимыми задачами настоящей работы являются: определить статус и место монарха в структуре политического порядка буддийских государств (поскольку именно с фигурой монарха связаны воплощение власти в буддийской традиции, его положительные и отрицательные черты); а также определить взаимоотношения монарха и сангхи как основных акторов политического порядка в буддийских государствах.

Исследование мы построили с помощью: 1) системного метода, который позволил рассмотреть совокупность региональных политических режимов в их взаимоотношении с сангхой не только как религиозным, но и как политическим единством; 2) ивент-анализа, который послужил основой для моделирования политических процессов в Юго-Восточной Азии путём систематизации комплекса политических ситуаций, выделенных по хронологическому принципу; 3) генеалогического метода в интерпретации М. Фуко, с помощью которого нам удалось проследить идеологические основания регионально-го политического порядка и выявить линии преемственности идей, сформировавших этот порядок в Юго-Восточной Азии.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА В РАКУРСЕ БУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Британский учёный, основатель Ассоциации буддийских исследований Великобритании Ян Чарльз Харрис считал, что едва ли не с момента своего возникновения буддизм демонстрировал явное предпочтение монархической формы правления, однако традиции передачи власти и добродетелей в различных странах течений Тхеравады разнились [18, р. 2]. Так, принцип первородства не был однозначным, что приводило к кровавым конфликтам среди претендентов на престол, а победитель компенсировал совершённые при этом грехи выполнением сложных буддийских обрядов и крупными пожертвованиями. Поэтому первой особенностью буддизма Тхеравады была поддержка монархии.

Второй особенностью был этнонационализм. Как утверждает американский исследователь Джерри Мюллер, есть два основных способа восприятия национальной идентичности. Во-первых, все люди, которые живут в пределах границ конкретной страны, являются частью нации независимо от их этнической, расовой или религиозной принадлежности. Этот либеральный, или гражданский национализм, воплощающийся в концепции, благодаря ко-

торой сформировалась и существует американская нация. Но ему противостоят этнонационалистические идеи, которые заключаются в том, что нация определяется общим наследием, обычно включающим в себя общий язык, общую веру и общую этническую родословную [24]. Таковым, например, выступает тайский буддийский этнонационализм, в ряде случаев весьма агрессивный [25, р. 13], или национализм в других государствах Юго-Восточной Азии, например в Мьянме, Шри-Ланке и др.

Что касается основных субъектов, воплощающих власть, это монахи и цари, которые строят (или не строят) идеальное буддийское государство. Обращаясь к источникам, новозеландский исследователь Бенджамин Шонталь выделяет четыре модели их взаимоотношения, каждая из которых и определяла политический порядок в конкретной стране.

Первая модель предполагает сильную фигуру монарха, определяющего положение сангхи, а вместе с ними – и других своих подданных. Так, Виная, или Свод буддийских правил для монашеской общины, сангхи, в интерпретации Тхеравады требует от монахов соблюдать царские указы. Б. Шонталь пишет, что палийская версия Винаи, используемая буддистами Тхеравады, ограничивает доступ к монашеству должникам, призывникам на военную службу, заключённым, рабам, осуждённым и другим лицам, имеющим и не погасившим обязательства перед царём (и, соответственно, перед государством). Им запрещено принимать монашеский обет. Следует также отметить, что особое положение царя было изначально продиктовано отводимой ему ролью в начале времён: он был поставлен для искоренения насилия среди первых в мире людей. Не без иронии автор отмечает, что, измученное гоббсовской войной всех против всех и хаосом, население собирается вместе, чтобы выбрать наиболее достойного и харизматичного человека: ему-то и суждено стать «Великим Избранным», вершить правосудие и за это получать часть урожая. Постепенно эта легенда стала инструментом легитимации правящих монархов Южной Азии, которые объявляли себя потомками Махасамматы, первого царя рода Шакья, предка Шакьямуни (Гаутамы), чьи указы и действия соответствовали дхамме Будды. Отдельные монархи объявляли себя живыми бодхисаттвами, существами, которым благодаря их добродетелям в прошлых жизнях и заслугам суждено было возродиться в роли Будды будущего. Сохранились каменные столбы времён индийского императора Ашоки, где упоминается право царей периодически очищать сангху от нечестивцев и раскольников, грозя монахам и мирянам суровым наказанием [26, р. 710], что возлагало на монарха и ответственность за праведность монахов и истинность веры.

Вторая модель – сильная сангха, направляющая и поддерживающая царя, при которой монахи выступали олицетворением и защитниками порядка, установленного Буддой, в связи с чем должны были иметь власть над царями. Б. Шонталь и тут иронизирует, говоря, что подобный посыл вполне понятен в свете того, что, хоть и при царской поддержке, именно монахи пи-

сали и расшифровывали ранние буддийские тексты и не могли, таким образом, обойти своё положение в системе политического порядка своей страны, придавая ему больше веса и влияния. Вместе с тем имеется значительный ряд источников, восхваляющих идею, что монахи должны были контролировать деятельность царей и определять, какие правители соответствовали буддийским канонам и чья власть была в связи с этим легитимной. Так, в буддийских текстах образ правителя зачастую идеализировался, ему приписывался определённый набор добродетелей: мудрость, справедливость, милосердие, нравственность, щедрость, честность, терпение, благочестие, сдержанность, ненасилие, терпение, отсутствие агрессивности и способность обеспечить законность и правопорядок, что создавало вполне осязаемую рамку соответствия / несоответствия религиозным стандартам. Эти же тексты возводили монахов в положение своеобразных судей праведности правителей. Имеющиеся сюжетные линии священных текстов, когда цари падали ниц перед обычным буддийским монахом, подкреплялись неординарными практиками. Например, в Древнем Китае при почти сакральном статусе вана (царя) и других правителей буддийские монахи были освобождены от коленопреклонения и других демонстраций уважения монарху [26, р. 711]. Имелись стандарты праведности царей в ракурсе благополучия монахов, согласно которым процветающая и богатая сангха свидетельствовала о праведности, законности и благочестии правителя. Подобные практики приводили к тому, что сангха получала не только уважение, но также землю и рабочую силу, увеличивая своё влияние и богатство. Так, в Шри-Ланке, Таиланде, Бирме и других буддийских государствах с сильными правителями во главе сангха в период своего расцвета контролировала огромное количество обрабатываемых земель и имела ряд других льгот и привилегий в отношении воинской повинности, торговли и т. д. Это, в свою очередь, обеспечивало альтернативные способы влияния и покровительство людям, живущим вдали от столиц.

Третья модель, при которой царь и сангха существуют во взаимной поддержке и согласии, предполагала создание институтов, способных обеспечить гармонию между царской властью и сангхой. По мнению Б. Шонталя, наиболее распространённая для этого стратегия заключалась в уточнении границ между обязанностями и доменами царей и сангхи. Так, в ранних буддийских текстах эти сферы рассматриваются как взаимодополняющие друг друга. Поздние тексты предлагают более подробно проработанную юрисдикцию разделения между двумя «колесами»: колесом силы и колесом учения Будды. Создавались так называемые альтернативные светская и духовная бюрократические иерархии: на вершине первой был царь (раджа) с властью над делами государства, а на вершине второй был «духовный царь» (сангха-раджа) с властью над делами монахов и юрисдикцией в отношении учения Будды [26, р. 712]. Таким образом, отношения между царями и сангхой строились на принципах взаимной выгоды и поддержки. Монахи помогали

царям, освящая их правление, выполняя государственные ритуалы, действуя в качестве советников и выступая в качестве пропагандистов (в Шри-Ланке имелось значительное количество текстов с подобными примерами), а цари обеспечивали монахам средства для существования, защиту и не вмешивались во внутренние дела сангхи.

И, наконец, четвёртая модель, при которой эти субъекты представляют собой антагонистический симбиоз. Переходя к ней, Б. Шонталь предлагает не идеализировать взаимоотношения между светской и духовной властью в древних южно-азиатских государствах, в которых в чистом виде ни одна из приведённых выше моделей не воплощалась в жизнь, всегда это был симбиоз приёмов и практик, при котором имели место и взаимозависимость, и политическая борьба, причём не просто борьба за идеалы, а за землю, налоги и автономию. Учёный пишет, что даже без больших ресурсов буддийские монахи могли сплотить своих сторонников, используя харизму и моральное убеждение, а восстания под руководством монахов были обычным явлением в материковой части Юго-Восточной Азии, особенно в периоды консолидации королевской власти и колонизаторов.

В Южной Азии до XVIII в. отношения между сангхой и светской властью характеризовались как взаимностью, так и борьбой, что было подробно описано заслуженным профессором истории в Параденийском университете Шри-Ланки Ранавирой Гунаварданой [16], охарактеризовавшим это процесс как «антагонистический симбиоз». Под этим термином ланкийский учёный понимал динамичную взаимозависимость и соперничество между политическими элитами и сангхой, что явилось одной из ключевых дилемм оживления буддийского нормативного регулирования (Б. Шонталь называет это конституционализмом, что, по нашему мнению, не отражает сути явления) в XX в. [26, р. 713]. В результате формы буддийского нормативного регулирования, которые сегодня можно увидеть в Южной Азии, обрели очертания в XIX – начале XX вв. при участии колониальных властей на почве противостояния между монахами и светскими властями, использующими инструменты современного права и бюрократического управления. При разработке и развёртывании этих формальных институтов законодатели стран данного региона разработали и утвердили две нормативные стратегии, заимствованные из буддийской истории: одна из стратегий заключалась в обеспечении баланса при противостоянии между гражданской и монашеской властью путём расширения государственного контроля над сангхой, а вторая стратегия предполагала юрисдикционный водораздел между гражданской и монашеской властью, определив для каждой сферы конкретную зону влияния и соответствующий круг полномочий. Подобная схема взаимоотношений утвердилась в Шри-Ланке, Таиланде, Мьянме, Камбодже и Лаосе, что подпитывается особой правовой и институциональной средой современного национального государства.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ БУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА

Ведя речь о конкретных примерах, необходимо начать с Таиланда, воспринявшего форму буддийского нормативного регулирования, которая вобрала в себя максимальное количество инструментов для реализации первой модели [26, р. 714]. Монарх всегда стремился предстать перед своими подданными в образе бодхисаттвы. Так, монарх Сукотайского царства Литхай (1347–1368 гг.) публично в настенных надписях объявил о своём стремлении к состоянию Будды, о стремлении вывести всех существ из круга страданий, а в других надписях восхвалялись его мудрость и нравственность. Правители Аютии также придерживались идеалов бодхисаттвы. Преамбула к закону 1433 г. гласила, что царь прилагает усилия к тому, чтобы привести всех существ к свободе от страха циклического бытия и страданий. Эпитеты Будды регулярно использовались в прозвищах, даваемых царям [27, р. 192], а их образ чакравартина с присущими ему «семью сокровищами» присутствовал во многих царских трактатах [27, р. 193]. Поскольку монарх должен был обладать пятью регалиями (большая (или великая) корона, меч победы, плащ из красной шерсти, великий зонтик и золотые туфли), король Рама V ввёл практику дарения мечей губернаторам провинций. Недавно скончавшийся Рама IX положил начало новому обычаю дарить губернаторам образы Будды. В Аютии цари представляли себя в виде божества, был установлен священный набор терминов в царской титулатуре для обозначения их статуса, рождение короля представлялось как спуск или вхождение в мир живых, а его смерть – как возвращение на небеса. Идеалы королевской политики были прописаны в самых разных текстах, в том числе заимствованных из Шри-Ланки, например, своеобразным кодексом поведения были т. н. «Десять обязанностей царя» [27, р. 195]. Подобный набор характеристик праведной монаршей власти присутствовал и в других государствах региона, а образ идеального правителя в связи с использованием одних и тех же религиозных текстов и активным взаимодействием между государствами, стал практически универсальным.

В 1977–1978 гг. на страницах кембриджского «Журнала азиатских исследований» развернулась полемика между американскими антропологами Милфордом Элиотом Спиро и профессором Гарвардского университета Стэнли Джерардом Тамбией [30]. Поводом для полемики послужили объёмная работа С. Дж. Тамбии «Завоеватель мира и отречение от мирского: изучение буддизма и политики в Таиланде на историческом фоне» [31] и рецензия на неё со стороны М. Э. Спиро «Буддийская концепция царствования и ее исторические проявления: ответ профессору Тамбии» [29]. Опустив детали и перипетии, отметим, что в своей работе профессор Тамбия подробно анализирует героические образы в буддизме, связывая их с концепцией власти и управления. Используя обширный труднодоступный широкому кругу учё-

ных материал, автор в первой части своего труда исследует генезис власти буддийских правителей, раскрывает брахманическую теорию общества и царствования, раннюю буддийскую концепцию мирового порядка, дхармы и окружения монарха, исследует природу и сущность власти правителя государства Маурьев Ашоки и постепенно переводит ракурс повествования на Тайское королевство и его государственность в исторической ретроспективе. Акцентируя внимание на образе монарха и тайской королевской традиции, С. Дж. Тамбия анализирует законодательные акты XX в. и постепенно переходит к раскрытию природы королевской власти в современный период. Несмотря на неоднозначную реакцию научной общественности, ситуативно весьма жёсткую [21], работа представляет для нас значительный научный интерес. Так, заслуживает внимание попытка концептуализации авторской модели политического (или социально-политического) порядка, в основе которой было особое положение сангхи и царя. С. Дж. Тамбия пишет, что тайские представления о государстве и политической организации родились во времена первого независимого тайского государства Сукотай в XI в., развивались в периоды расцвета другого государства Аютя в XIV–XVIII вв. и окончательно оформились к концу XVIII в. после формирования единого государства Сиам под влиянием учений, распространённых на Цейлоне, в царстве Мон и Камбуджадеша. Монарх считался посредником между социальным беспорядком и социальным порядком, хранителем и очистителем сангхи, монашество было одним из наиболее сильных и влиятельных сословий, и, в отличие от Европы, в регионе не сложилось феодальной системы.

Учёным опровергается точка зрения М. Вебера, что древний буддизм имел неполитический (или даже антиполитический) характер и соответствующее этому положение. Исследователь пишет, что только во времена Ашоки он впервые сформировался именно как политическая теория, а «Палийский канон» (или Трипитака) содержал достаточное количество позиций для характеристики государства и монарха [30, р. 802]. Обоснование легитимности буддийского праведного царя, по мнению учёного, не имеет тех же существенных последствий для институционализации его функций, которые важны и необходимы для западной концепции «рациональной политики». С. Дж. Тамбия говорит о том, что в идеологическом плане традиционный буддийский правитель не является «конституционным правителем», а его действия могут юридически не подкрепляться согласием управляемых или верностью его ближайших сподвижников, отсутствует категория естественных прав, основанных на человеческой природе. Цари как приверженцы дхармы, присутствующей как вечная сущность, могут по-разному представлять её воплощение и, следовательно, испытывают в своём царствовании последствия различной степени успешности. Каждое правление создаёт собственный мировой порядок, обусловленный деятельностью монарха, а идеологическая основа также обеспечивает стабильность [30, р. 805]. В связи с этим многие «позитивные»

цари время от времени выступали и в роли угнетателей, и в роли героев. Они разрешали дилемму нарушения этики ненасилия тем, что делили своё правление на несколько последовательных этапов, на начальном из которых от них требовалось совершить военные походы и завоевания, после чего обратиться к благочестию [30, р. 807]. Из этого следует и отсутствие сугубо «чёрно-белых тонов», которыми в западной традиции принято характеризовать главу государства, а буддизм, терпимый в отношении многих событий, явлений или процессов, и здесь выказывал тысячелетнюю мудрость, позволяя царям проявлять «пятьдесят оттенков праведности».

Согласно закону 1962 г., во главе сангхи Таиланда находится верховный патриарх (тайск.: *сангхарат*; пали: *сангха-раджа*), назначаемый королём из списка наиболее квалифицированных кандидатов и возглавляющий Совет старейших буддийских монахов [26, р. 716]. Таким образом, несмотря на свой высокий божественный статус, тайские монархи не возглавляли сангхи: даже самый популярный из них, недавно ушедший Рама IX, был лишь светским правителем.

В рамках описанной выше Б. Шонталем системы взаимоотношений власти и сангхи Мьянма, равно как и Таиланд, всегда стояла на позициях сильной политической власти монарха. В книге «Буддизм, политика и политическая мысль в Мьянме» канадский исследователь Мэтью Дж. Уолтон подробно описывает влияние буддийских идей на политическое мышление и, как следствие, на политические практики в Мьянме. Религия являлась и продолжает являться критерием не только морали и нравственности отдельных граждан, но и рамкой формирования политической власти в стране [32]. Само восприятие политики исходило из упора на королевскую власть и отграничения сферы «высокой» политики, доступной только для элит. Исходя из этой концепции, и выстраивался политический порядок, зависящий от узкой группы лиц, принимающих решения, при котором моральные недостатки народа делали его неспособным осуществлять политическую власть.

Политический порядок Камбоджи раскрывает в ряде своих трудов основатель и исполнительный директор кхмерско-буддийского проекта по оказанию образовательной помощи, учёный и активист Питер Гьялла-Пап. С его точки зрения, можно выделить три константы, которые характеризуют исследуемый нами вопрос. Во-первых, это буддийская монархия; во-вторых, сангха; и в-третьих, национализм, представленный в среде сельских жителей страны, составляющих 80–85 % населения современной Камбоджи, – своеобразный лозунг «Нация, религия, король» [17, р. 72]. Таким образом, кхмерский вариант буддийской государственности также склоняется к первой модели. П. Гьялла-Пап пишет, что древняя камбоджийская государственность восприняла классическую политическую систему региона в форме мандалы и в виде концентрических кругов с центром в священной горе Меру, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды и которая выступала магическим

центром Кхмерской империи. Царский дворец занимал центральное место и отождествлялся со священной горой, где монарх, его двор и правительство исполняли космические роли, управляли четырьмя частями королевства, соответствующими четырём сторонам света. В индуизме на вершине Меру жил Вишну, а в буддийской концепции Махаяны – Бодхисаттва Локешвара (или Авалокитешвара) [17, р. 76]. В итоге теория божественного воплощения служила оправданию легитимности власти царя. Исследователь говорит о том, что большая часть брахманической космологии была перенесена и инкорпорирована в новую веру, а буддийская концепция политического порядка была построена на индуистской концепции царствования. И, поскольку буддизм Тхеравады вытеснил систему буддийских верований индуистской Махаяны в промежутке между XIII и XV вв., он отверг ангорскую и доангорскую теорию божественной санкции как оправдание правления и заменил её учением о карме и религиозных достоинствах. Как человек, который благодаря образцовому поведению заслуживал право на управление, царь считался лучшим человеком, отстаивающим буддийские учения и законы посредством практики десяти добродетелей, перечисленных в Палийском каноне.

Царь был праведным правителем, образцом морали, отцом своего народа, гарантируя счастье при соблюдении буддийских законов. В глазах простых людей царь, не придерживающийся канонов, считался недостойным править и приводил своё царство к гибели [17, р. 77]. В буддийской космологии чакраватин создал справедливое общество, основанное на десяти царских добродетелях, и явился их воплощением. Традиция Тхеравады предполагала избрание короля-правителя путём консенсуса людей, стремящихся к порядку в беззаконном обществе. Этот принцип был выдвинут в Аганья-сутре, входящей, в свою очередь, в Дигха-никаю, первую из пяти сутр, входящих в одну из трёх корзин Палийского канона. Он постулирует буддийскую теорию общественного договора о происхождении царствования и политического порядка [17, р. 78]. Однако, несмотря на столь воодушевляющую позицию, политические события в Юго-Восточной Азии в 1970-х гг., начиная с серии народных протестов в Таиланде и заканчивая массовыми убийствами красных кхмеров в Камбодже, всё чаще заставляли усомниться в устойчивости данной концепции. Директор Северного института азиатских исследований и профессор политологии в Копенгагенском университете Дункан МакКарго говорит о том, что политическое поведение высокообразованных городских жителей в таких городах, как Бангкок, Рангун и Пномпень, не соответствовало поведению сельских жителей и крестьян. Учёный пишет, что радикально настроенные студенты, элита, получившая образование в западных университетах, и профсоюзные работники явно обладали разными ценностями и устремлениями. Он ссылается на известного американского историка Майкла Викери, усмехающегося тому, что о буддизме на Западе было написано больше всякой ерунды, чем о любом другом аспекте жизни Юго-Восточной Азии, и тот факт,

что буддисты могут пытаться и убивать, не более удивителен, чем факты, что инквизиция сжигала людей, а ярые католики и протестанты присоединялись к нацистским режимам [24, р. 214]. Тем самым М. Викери предостерегает своих коллег от упрощённого взгляда на камбоджийский буддизм.

Шри-Ланка восприняла вторую модель, и данная ситуация отражает историческое наследие, а также продуманный политический расчёт [26, р. 714]. Буддийские институты в этой стране всегда были децентрализованными и автономными, и даже во время разработки первой республиканской конституции Шри-Ланки развернулась бурная дискуссия о том, как закрепить особый статус буддизма в стране. Буддизм не был объявлен государственной религией в связи с дальновидностью сангхи: её лидеры посчитали, что таким образом правительство получит возможность контроля над общиной. В результате буддизму было отведено особое значение и первостепенное место, а также была установлена обязанность государства «защищать и поощрять» буддийские учения и учреждения. Б. Шонталь пишет, что сангха оказалась весьма стойкой к попыткам со стороны государства регулировать её деятельность [26, р. 723]. И действительно, в Шри-Ланке никогда не создавался эквивалент тайского Совета старейшин, отсутствуют религиозные иерархические институты при наличии трёх основных независимых братств острова, в связи с чем сложившаяся религиозная традиция напоминает «северный вариант» со множеством школ в Тибете.

В Лаос буддизм Тхеравады пришёл позже, чем в другие страны региона, о чём подробно пишет профессор Университета Гамбурга, крупный исследователь в области культуры и истории стран Юго-Восточной Азии Фолькер Грабовски. Учёный говорит о том, что, вопреки утверждению традиционной лаосской историографии, в этом процессе не прослеживалось камбоджийского влияния. Специфической чертой политического порядка в стране было особое, привилегированное положение сангхи в традиционном лаосском обществе, а во времена политических кризисов ей даже удавалось эффективно вмешиваться в светские дела [15, р. 130]. Все цари Лансанга, первого лаосского царства, должны были соответствовать десяти добродетелям и тем самым олицетворяли идеал праведного буддийского монарха, а ряд их имел статус чакравартина. В 1566 г. для укрепления концепции праведного царя как основы лаосского царствования во Вьентьяне была построена «великая ступа» Тхат Луанг [15, р. 126–127], главный шпиль которой представлял гору Меру. Легитимность короля проистекала из превосходного запаса заслуг, который он накопил за многие предыдущие царствования. Царь должен был увеличить свои заслуги в своей нынешней жизни, делая добрые дела, в том числе совершая пожертвования сангхе [15, р. 127]. В популярных концепциях, а также во многих учебниках истории Лаос рассматривается как современное продолжение древнего царства Лансанг. Эта концепция была заложена при попытке восстановить «первоначальное» лаосское государ-

ство, предпринятой французами после того, как они создали здесь свой протекторат и стали использовать буддизм в качестве эффективного средства консолидации народа и формирования единой нации [20]. Эту же попытку предприняли и японцы на исходе Второй мировой войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, буддизм Тхеравады был склонен к монархической форме правления во главе с царём, воплощающим все основные идеалы человеческого существования и сосуществования, что было обусловлено тем историческим периодом, в котором данное направление буддизма переживало свои становление и расцвет. В современном мире государства, которые обеспечили устойчивость монархической формы правления, сделали это в том числе и благодаря буддизму. У главы государства сохранилось стремление следовать заповедям и предписаниям идеального правителя, что находит отражение и в народной поддержке института монархии (например, в Камбодже при восстановлении института монархии или в современном Таиланде при преемстве королевской власти).

Взаимоотношения монарха с сангхой в зависимости от истории и политической традиции разнились. Необходимо также констатировать, что традиция Хиньяны практически не знает буддийских теократий, а монарх и в древности, и в современных государствах региона выступает прежде всего как светский правитель.

Буддизм и как религия, и как философское учение имел и имеет особое значение для формирования политического порядка в регионе, а наиболее авторитетные монахи вне зависимости от характера взаимоотношений с центральной властью и главой государства – ключевые политические фигуры. Во многом это объясняется тем мощным экономическим потенциалом, которым всегда обладала сангха: во всех без исключения государствах её благополучие – эквивалент успеха государства и его главы. В ряде случаев – это повод для тесного взаимодействия, а в ряде случаев – для противостояния. Ключевую роль в этом вопросе играют монастыри – не только религиозные и экономические, но и политические, культурные и образовательные центры. Таким образом, и монастыри, и их настоятели, и сангха выступали эффективным средством борьбы за власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров Б. В. Буддизм и вызовы XXI века // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 12–16.
2. Бектимирова Н. Н. Религиозный фактор в политической жизни Камбоджи // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 16. С. 113–126.

3. Китинов Б. У., Цян Л. К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 1. С. 79–85.
4. Коммуникационные технологии противодействия политико-религиозному терроризму как этносоциальной девиации в современном информационно-электронном обществе / И. Мкртумова, А. Досанова, И. Карабулатова, В. Нифонтов // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 2. С. 63–71.
5. Кузьмин С. Л. Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 136–148.
6. Курас Л. В. Внутренняя Монголия в составе Империи Цин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 15. С. 126–136.
7. Михалев А. В. Политическое присутствие – генеалогия концепта // Мировая политика. 2019. № 2. С. 33–42.
8. Нагуслаева Е. А. Буддизм в Китае в 50–70-е гг. XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 3 (23). С. 144–150.
9. Симония А. А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой // Восточная аналитика. 2015. № 3. С. 41–53.
10. Цыренов Ч. Ц. Правящие кланы эпохи восточной Цзинь (317–420 гг. н. э.) и ранний китайский буддизм // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 150–155.
11. Buddhism in the Modern World / ed. D. L. McMahan. London, New York: Routledge, 2012. 352 p.
12. Day T. Fluid Iron: State Formation in Southeast Asia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 339 p.
13. Dong Zhao. Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937–1945) // International Journal of Social Science and Humanity. 2014. Vol. 4. № 5. P. 372–377.
14. Gokhale B. G. Early Buddhism and the Urban Revolution // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1982. Vol. 5. № 2. P. 7–22.
15. Grabowsky V. Buddhism, power and political order in pre-twentieth Century Laos // Buddhism, power and political order / ed. I. Harris. London: Routledge, 2007. P. 121–142.
16. Gunawardana R. A. L. H. Robe and Plough: Monasticism and Economic Interest in Early Medieval Sri Lanka. Tucson: University of Arizona Press, 1979. 377 p. (Monographs of the Association for Asian Studies).
17. Gyallay-Pap P. Reconstructing the Cambodian Polity. Buddhism, kingship and the quest for legitimacy // Buddhism, power and political order / ed. I. Harris. London: Routledge, 2007. P. 71–103.
18. Harris I. Introduction – Buddhism, power and politics in Theravada Buddhist lands // In: Buddhism, power and political order / ed. I. Harris. London: Routledge, 2007. P. 1–9.
19. Keyes Ch. F. Buddhists Confront the State // Buddhism, modernity, and the state in Asia: forms of engagement / ed. J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–41.

20. Kourilsky G. The Institut Bouddhique in Laos: ambivalent dynamics of a colonial project // *Theravada Buddhism in Colonial Contexts* / ed. Thomas Borchert. London; New York: Routledge, 2018. 227 p.
21. Macdonald A. W. *World Conqueror and World Renouncer*, by S. J. Tambiah // *The Journal of the international association of Buddhist studies*. 1979. Vol. 2. № 1. P. 99–102.
22. Manandhar T. *Digu pūjā: lineage god worship. A cultural study of the Kathmandu city*: PhD thesis. Tribhuvan University, 2014. 238 p.
23. Mathou T. *Bhutan: political reform in a Buddhist Monarchy* // *Journal of Bhutan Studies*. 1999. № 1 (1). P. 114–145.
24. McCargo D. *The Politics of Buddhism in Southeast Asia* // *Religion, Globalization and Political Culture in the Third World* / ed. J. Haynes. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 213–239.
25. Muller J. Z. *Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism* // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. № 2. P. 18–35.
26. Schonthal B. *Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia* // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. Iss. 3. P. 705–733.
27. Skilling P. *King, Sangha and Brahmins: Ideology, ritual and power in pre-modern Siam* // *Buddhism, power and political order* / ed. I. Harris. London: Routledge, 2007. P. 182–215.
28. Sompong Sucharitkul. *Thai Law and Buddhist Law* // *The American Journal of Comparative Law*. 1998. Vol. 46. Iss. 1. P. 69–86.
29. Spiro M. E. *The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: Reply to Professor Tambiah* // *The Journal of Asian Studies*. 1978. Vol. 37. № 4. P. 809–812.
30. Tambiah S. J. *The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: A Reply to Spiro* // *The Journal of Asian Studies*. 1978. Vol. 37. № 4. P. 801–809.
31. Tambiah S. J. *World conqueror and world renouncer: a study of Buddhism and polity in Thailand against a historical background*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 557 p.
32. Walton M. J. *Buddhism, Politics and Political Thought in Myanmar*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 226 p.

REFERENCES

1. Bazarov B. V. [Buddhism and challenges of the XXI century]. In: *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 3 (15), pp. 12–16.
2. Bektimirova N. N. [The religious factor in the political life of the Cambodia's]. In: *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [Southeast Asia: current development challenges], 2011, no. 16, pp. 113–126.
3. Kitinov B. U., Tsyau L. [The issue of early interaction between the Manchu rulers and Tibetan lamas]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of

- Russia. Series: General History], 2018, vol. 10, no. 1, pp. 79–85.
4. Mkrtumova I., Dosanova A., Karabulatova I., Nifontov V. [Communication technologies counteract the politico-religious terrorism as social deviancy in the modern electronic society]. In: *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2016, vol. 19, no. 2, pp. 63–71.
5. Kuz'min S. L. [The concept of Great Khan's power and theocratic statehood of Mongolia in the twentieth century]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2016, no. 9 (57), pp. 136–148.
6. Kuras L. V. [Inner Mongolia as part of the Qing Empire]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Proceedings of Irkutsk State University. Series: History], 2016, vol. 15, pp. 126–136.
7. Mikhalev A. V. [Political presence the genealogy of the concept]. In: *Mirovaya politika* [Global politics], 2019, no. 2, pp. 33–42.
8. Naguslaeva E. A. [Buddhism in China in the 50^s and 70^s XX century]. In: *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 3 (23), pp. 144–150.
9. Simoniya A. A. [The Buddhists of Myanmar have become an influential political force]. In: *Vostochnaya analitika* [Eastern analytics], 2015, no. 3, pp. 41–53.
10. Tsyrenov Ch. Ts. [Ruling clans of the Eastern Jin era (317–420 c. e.) and early Chinese Buddhism]. In: *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector], 2019, vol. 14, no. 6, pp. 150–155.
11. McMahan D. L., ed. *Buddhism in the Modern World*. London, New York, Routledge, 2012. 352 p.
12. Day T. *Fluid Iron: State Formation in Southeast Asia*. Honolulu, University of Hawaii Press, 2002. 339 p.
13. Dong Zhao. Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937–1945). In: *International Journal of Social Science and Humanity*, 2014, vol. 4, no. 5, pp. 372–377.
14. Gokhale B. G. Early Buddhism and the Urban Revolution. In: *The Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 1982, vol. 5, no. 2, pp. 7–22.
15. Grabowsky V. Buddhism, power and political order in pre-twentieth Century Laos. In: Harris I., ed. *Buddhism, power and political order*. London, Routledge, 2007, pp. 121–142.
16. Gunawardana R. A. L. H. *Robe and Plough: Monasticism and Economic Interest in Early Medieval Sri Lanka*. Tucson, University of Arizona Press, 1979. 377 p.
17. Gyallay-Pap P. Reconstructing the Cambodian Polity. Buddhism, kingship and the quest for legitimacy. In: Harris I., ed. *Buddhism, power and political order*. London, Routledge, 2007, pp. 71–103.
18. Harris I. Introduction – Buddhism, power and politics in Theravada Buddhist lands. In: Harris I., ed. *Buddhism, power and political order*. London, Routledge, 2007, pp. 1–9.
19. Keyes Ch. F. Buddhists Confront the State. In: Whalen-Bridge J., Kitiarsa P., eds. *Buddhism, modernity, and the state in Asia: forms of engagement*. New York, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 17–41.

20. Kourilsky G. The Institut Bouddhique in Laos: ambivalent dynamics of a colonial project. In: Borchert Thomas, ed. *Theravada Buddhism in Colonial Contexts*. London, New York, Routledge, 2018. 227 p.
21. Macdonald A. W. *World Conqueror and World Renouncer*, by S. J. Tambiah. In: *The Journal of the international association of Buddhist studies*, 1979, vol. 2, no. 1, pp. 99–102.
22. Manandhar T. Digu pūjā: lineage god worship. A cultural study of the Kathmandu city : PhD thesis. Tribhuvan University, 2014. 238 p.
23. Mathou T. Bhutan: political reform in a Buddhist Monarchy. In: *Journal of Bhutan Studies*, 1999, no. 1 (1), pp. 114–145.
24. McCargo D. The Politics of Buddhism in Southeast Asia. In: Haynes J., ed. *Religion, Globalization and Political Culture in the Third World*. London, Palgrave Macmillan, 1999, pp. 213–239.
25. Muller J. Z. Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism. In: *Foreign Affairs*, 2008, vol. 87, no. 2, pp. 18–35.
26. Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia. In: *International Journal of Constitutional Law*, 2017, vol. 15, iss. 3, pp. 705–733.
27. Skilling P. King, Sangha and Brahmins: Ideology, ritual and power in pre-modern Siam. In: Harris I., ed. *Buddhism, power and political order*. London, Routledge, 2007, pp. 182–215.
28. Sompong Sucharitkul. Thai Law and Buddhist Law. In: *The American Journal of Comparative Law*, 1998, vol. 46, iss. 1, pp. 69–86.
29. Spiro M. E. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: Reply to Professor Tambiah. In: *The Journal of Asian Studies*, 1978, vol. 37, no. 4, pp. 809–812.
30. Tambiah S. J. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: A Reply to Spiro. In: *The Journal of Asian Studies*, 1978, vol. 37, no. 4, pp. 801–809.
31. Tambiah S. J. *World conqueror and world renouncer: a study of Buddhism and polity in Thailand against a historical background*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976. 557 p.
32. Walton M. J. *Buddhism, Politics and Political Thought in Myanmar*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 226 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.01.2020

Статья размещена на сайте: 25.02.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дудин Павел Николаевич – кандидат политических наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления; e-mail: dudin2pavel@gmail.com

Pavel N. Dudin – PhD in Political sciences, Director at the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East-Siberian State University of Technology and Management, e-mail: dudin2pavel@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Дудин П. Н. Буддизм Тхеравады и региональный политический порядок Юго-Восточной Азии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Dudin P. N. Theravada Buddhism and the regional political order of Southeast Asia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 32.001

Евгеньева Т. В.,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

Хаметов Э. Ш.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ СПОРТ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить и рассмотреть особенности формирования национально-государственной идентичности через образы и символы спорта высших достижений в республике Северная Осетия – Алания.

Процедура и методы исследования. Авторами было проведено эмпирическое исследование методом фокусированного интервьюирования людей, не связанных со спортом. Исследование опиралось на концепцию национально-государственной идентичности, разработанную на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Результаты проведённого исследования. На основании анализа результатов эмпирического исследования на территории республики Северная Осетия – Алания была выявлена роль спорта высших достижений в формировании этно-территориальной и национально-государственной идентичности и в их взаимодействии. В качестве значимых символов были представлены образы спортивных мегасобытий и побед «своих» спортсменов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Итоги и выводы исследования могут стать одним из направлений развития научной проблематики, связанной с изучением национально-государственной идентичности, с одной стороны, и с восприятием и оценкой массовым сознанием значения спорта высших достижений, с другой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национально-государственная идентичность, спорт высших достижений, спортивные мегасобытия, символы, образы

СТРУКТУРА

Актуальность исследования

Теоретическое основание исследования

Характеристика исследования

Результаты исследования

Спортивные мегасобытия и их место в структуре идентичности

Выводы

T. Evgeneva*Lomonosov Moscow State University**4 Lomonosovsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation**Financial University under the government of the Russian Federation**49 Leningradsky prospect, Moscow 125167, Russian Federation***E. Khametov***Lomonosov Moscow State University**4 Lomonosovsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation***FORMATION OF NATIONAL-STATE IDENTITY THROUGH THE SPORT OF HIGHER ACHIEVEMENTS (ON THE EXAMPLE OF RESEARCH IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA – ALANIA)****ABSTRACT**

Purpose. The aim is to identify and consider the mechanism of formation of national-state identity with the help of symbols and images of sports of the highest achievements in North Ossetia – Alania.

Methodology and Approach. The authors have conducted an empirical study using focused interviews of people not connected with sports. The topic of the focused interview is “the Role of sport of higher achievements in the formation of national and state identity” in the Republic of North Ossetia-Alania (50 respondents).

Results. On the basis of the study conducted on the territory of the Republic of North Ossetia – Alania, the influence of high-level sports on ethno-territorial and national-state identity and their interaction was revealed, through the holding of sports mega-events and sports victories of “their” athletes.

Theoretical and/or Practical Implications. The results can be used in the development of scientific issues related to national and state identity on the one hand, and sports of higher achievements on the other hand.

KEYWORDS

national-state identity, sports of higher achievements, sports mega-events, symbols, images

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – выявить и рассмотреть особенности формирования национально-государственной идентичности через образы и символы спорта высших достижений в республике Северная Осетия – Алания (PCO – Алания).

Высокий уровень проводимых Российской Федерацией спортивных мероприятий – Олимпийских игр 2014 г., Чемпионата мира по футболу 2018 г., Зимней Универсиады 2019 г. – стал не только демонстрацией значения страны на международной спортивной и политической арене в непростых геополитических условиях, но и фактором национально-государственной самоидентификации российских граждан.

В то же время актуальным вопросом в российском политическом пространстве в последние годы стала спортивная проблематика, связанная с до-

пинговым скандалом, дисквалификацией спортсменов и отстранением сборных команд по разным видам спорта от участия в международных спортивных соревнованиях, таких как Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро 2016 г., зимние Олимпийские игры в Пхенчхане 2018 г., где спортсмены из России выступали под нейтральным флагом.

В связи с этим вопрос о роли спорта высших достижений в формировании национально-государственной идентичности приобретает не только теоретическую, но и политическую значимость. Через восприятие и оценку спортивных мегасобытий, побед российских спортсменов граждане идентифицируют себя со всей страной, а политически мотивированная дисквалификация спортсменов дополнительно способствует сплочению их против «общего врага». В этом контексте одной из приоритетных задач научного поиска, а также и политического управления российского государства является анализ специфики влияния достижений и неудач большого спорта на формирование и сохранение российской идентичности.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуя феномен национально-государственной идентичности в рамках политико-психологического подхода, мы должны определить данное понятие.

По мнению О. Ю. Малиновой, национально-государственная идентичность является одной из форм макрополитической идентичности. Макрополитическая идентичность – система политических, культурных, психологических и институциональных характеристик, в которых отражено отношение политических и социально-культурных элементов, указывающих на идентификацию с более широким сообществом. Идентификация, в свою очередь, предполагает наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями. [7, с. 6].

Непосредственно под национально-государственной идентичностью мы понимаем «взаимосвязь человека с национальной общностью (этнически однородной, и не однородной), репрезентацией которой является образ “мы” как воображаемого сообщества, поддерживаемый с помощью института государства и политико-культурной традиции государственности» [9, с. 20].

Т. В. Евгеньевой и В. В. Титовым была разработана *концепция политико-психологических трансформаций* национально-государственной идентичности, в основе которой лежат:

- неосознанные компоненты политико-культурной матрицы (стереотипы, неосознаваемые идентификационные элементы представлений человека о его групповой принадлежности);
- культурно-символические компоненты (образы, ценности, символы);
- конструируемые компоненты (государство как главное звено политической системы способно воздействовать через информационную политику на политическую идентификацию граждан) [3, с. 123].

Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева анализировали специфику механизма формирования национально-государственной идентичности, останавливая внимание на выделенной в её структуре триаде взаимосвязанных компонентов «образы – ценности – символы».

Авторы утверждают, что ценности и символы являются фундаментальными элементами для консолидации общества, обладающими способностью конструирования нации. Образы же с точки зрения психологии являются отражением в сознании людей современной политической реальности, имеющих тенденцию к изменениям [2, с. 49].

А. В. Селезнева определяет *политические ценности* как устойчивые убеждения индивида или группы людей, обладающие значимостью для них при оценке конкретных идей и политических явлений. Ценности имеют способность структурировать пространство образов и символов идентичности и дают возможность для консолидации людей в единую нацию [11, с. 24].

Символическое пространство национально-государственной идентичности представляет собой синтез эмоциональных и когнитивных элементов, выраженных в многомерном процессе, который объединяет распространённые представления людей о самих себе, своей нации и целенаправленную работу государства по формированию системы национальных символов с помощью политических и неполитических субъектов. Данное направление определяется как символическая политика [8, с. 18].

В. В. Титов так же в своих исследованиях выделял несколько основных образов, находящихся в основании национально-государственной идентичности, таких как образ «мы – другие», образ «власти», образ «врага».

Первый образ «мы» – это совокупность знаний и представлений о «нас» как о нации, исторической, языковой, культурно-психологической общности, отображающая ценности, смыслы, стереотипы и форму политического поведения [14, с. 30].

Неотъемлемой частью образа «мы» является система представлений о других социально-групповых общностях, в которой отображается понимание того, что «другой» определяет и задаёт рамки, нужные для самоопределения образа «мы», где происходит процесс идентификации и самоидентификации [9, с. 154].

Как известно, образ «другого» нередко перетекает в образ «врага», по отношению к которому формируются идентичности. Образа «врага» способствует развитию политического манипулирования внутри государства в кризисных ситуациях, становясь при этом центральным смыслом «нашего» существования, основной идеей, вокруг которой происходит консолидация политического сообщества [4, с. 24].

Образ «власти» детально описан в научных трудах Е. Б. Шестопал [15, с. 10]. Автор объясняет важность образа власти для формирования национально-государственной идентичности. Власть заполняет «государствен-

ную» составляющую идентичности политическими значениями. Во-вторых, власть и её легитимность в политическом сознании находят возможность для институциональной поддержки национально-государственной идентичности.

И. С. Семененко в своих работах изучала «гражданскую составляющую национально-государственной идентичности». Автор пишет о том, что ядром идентичности является «комплекс представлений, ассоциирующийся с национально-государственной общностью, со своими нормами, правами по отношению к государству и членам общества, дающие возможность идентифицироваться человека с данным обществом» [12, с. 8]. В процессе самоидентификации с сообществом происходит усвоение ряда культурных норм, которые выполняют функцию контроля и социализации [5, с. 25].

Спорт как социальный феномен несёт в себе большой потенциал распространения «мягкой» силы и формирования идентичности в регионах. Символы спортивных побед, победители международных спортивных соревнований как национальные герои способны выстроить общую идентификационную конструкцию для консолидации большого количества граждан [6, с. 94].

Спорт высших достижений во всём мире также способствует проявлению силы и мощи государства на международной спортивной арене [10, с. 147], является индикатором устойчивости политической системы государства, его экономического превосходства [1, с. 17].

При этом структура национально-государственной идентичности является неоднородным пространством, в рамках которого сочетаются различные измерения и уровни идентичности. Целью исследования является выявление того, как проявляется роль спорта высших достижений в формировании идентичности через анализ восприятия и оценки гражданами многообразия наиболее значимых спортивных событий.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведённое исследование опиралось на концепцию национально-государственной идентичности, разработанную Т. В. Евгеньевой и В. В. Титовым [3, с. 123] на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Исследование проводилось летом 2018 г. на территории республики Северная Осетия – Алания. В рамках исследования были опрошены 50 жителей региона, не связанных со спортивной деятельностью, от 18 до 60 лет. Исследование проводилось с помощью политико-психологического метода (фокусированного интервью), разработанного на кафедре социологии и психологии политики. Тема фокусированного интервью «Роль спорта высших достижений в формировании национально-государственной идентичности».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ данных исследования в республике Северная Осетия – Алания указывает на особенность региона и даёт возможность сделать вывод об основных направлениях формирования национально-государственной идентичности и о влиянии, которое оказывает на этот процесс спорт высших достижений.

Для понимания места, занимаемого образами спорта высших достижений в процессе формирования национально-государственной идентичности в республике Северная Осетия – Алания, на первом этапе необходимо было выделить общие характеристики формирования национально-государственной идентичности на территории республики.

Анализируя ответы респондентов, мы выяснили определённые направления формирования национально-государственной идентичности жителей данного региона.

При ответе на вопрос «Вы отождествляете себя прежде всего...» получены следующие данные (табл. 1):

Таблица 1

Ответы на вопрос «Вы отождествляете себя прежде всего...»

Со своим населённым пунктом	Со своим регионом	Со своей национальностью	Со своей религией	Со своей идеологией	Со всей страной	Со всем миром
36.7 %	30 %	50 %	36,7 %	13,3 %	50 %	6.7 %

В таблице 1 видно, что в числе важных идентификационных параметров респонденты указали этно-региональную принадлежность и принадлежность ко всей стране России. Стоит также обратить внимание на то, что если сложить идентификационные параметры населённого пункта и региона, то можно увидеть небольшое преобладание территориально-этнической принадлежности над национально-государственной.

Стоит учесть тот факт, что на эмоциональном уровне самоотождествление «со всей страной» для жителей-респондентов из РСО – Алании имеет определённую значимость: это связано с тем, что в сознании респондентов превалирует эмоционально положительный образ страны России – так считают 60 % респондентов и 13.3 % считают образ государства России отрицательным.

Исходя из анализа полученных ответов на вопросы о политических образах, отражающих жизнь страны и государства, мы сгруппировали их следующим образом.

Первая группа ответов респондентов включает негативные характеристики образа России: «Коррупция, большая территория»; «Маленькая зарплата и пенсия, коррупция»; «Страна с переписанной историей, народ которой не знает своего настоящего происхождения. Распроданная и разграбленная территория».

Вторая группа ответов респондентов обозначает нейтральный тон образа страны: *«Многонациональное государство»; «Страна, родина, бренд»; «Дом, культура, человечность».*

Третья (самая крупная) группа ответов респондентов выражает ярко выраженную любовь к своей стране, восхищение образом сильной и великой державы и людей, проживающих в ней: *«Страна самых терпеливых людей в мире. Лучшая страна в мире»; «Великая держава, родина, дружелюбная и многонациональная страна».*

Респонденты на вопрос *«Какие качества в наибольшей степени свойственны России»* дали следующие ответы: в 63,3 % всех ответов респонденты характеризуют Россию как *сильную страну. Дружелюбие, влияние, перспективность* – с такими качествами связывают Россию 53 % ответов респондентов.

50 % ответов включают характеристику России как *открытой страны*, в 46 % ответов упоминаются такие качества, как *независимость, единство, богатство, безопасность, уважение и надёжность*. В 33 % ответов Россия наделяется *сплочённостью, привлекательностью, развитостью и благополучием*.

Неблагополучием Россия как государство наделяется в 20 % ответов респондентов, в 16 % – *ненадёжностью*, в 23 % – *несправедливостью*, в 6 % – *зависимостью*, в 10 % – *разобщённостью, неперспективностью и бедностью*.

Таким образом, можно заметить, что положительные характеристики образа страны России прежде всего связаны с образом народа, который определяется гражданами как единый народ, гордящийся своей страной.

В ответах на вопрос *«По Вашему мнению, россияне – это...»* мы выявили популярные ассоциации: *«Самые гостеприимные, добродушные люди, с которыми довольно легко найти общий язык»; «Гостеприимные, дружелюбные, патриоты»; «Любят свою родину»* и т. д.

Анализируя первую часть исследования, мы можем обозначить различное отношение респондентов к образу России в качестве страны и государства. К образу страны, включающему в себя образ народа, территории, у большинства жителей республики положительное отношение, а к образу государства (образ власти, чиновников, государственных институтов) – негативное. Эмоциональная сторона образа страны в сознании респондентов республики является привлекательной, это подтверждается благоприятным отношением к народу России и упомянутыми качествами, свойственными этому народу. Отрицательное отношение к образу государства у респондентов связано, как правило, с несоблюдением законов, сложной социальной и экономической ситуацией.

Второй этап нашего исследования посвящён образу спорта высших достижений в формировании национально-государственной идентичности жителей республики Северная Осетия – Алания.

Анализируя полученные данные, мы выяснили, что 56 % респондентов очень любят спорт, 26 % респондентов иногда смотрят спортивные матчи, 10 % к спорту относятся нейтрально.

В этом блоке исследования важное место занимает символическая составляющая побед спортивных команд и отдельных спортсменов СССР в прошлом и современных российских спортсменов. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с символической составляющей спортивных побед.

В ответах на вопрос *«Назовите имена спортсменов, символизирующие спортивные достижения СССР в прошлом»* респонденты чаще всего называли такие имена, как Владислав Третьяк, Лев Яшин, Ирина Роднина, Сослан Андиев.

Все перечисленные имена ассоциируются с безусловными победами России на международных спортивных соревнованиях.

Можно сказать, что у респондентов, чья социализация проходила во время СССР, прослеживается отчётливое идентификационное поле, в рамках которого нет больших различий в самоидентификации с Россией в целом и с Республикой Северная Осетия – Алания в частности.

Социализация респондентов, проходившая в постсоветский период, оказывает влияние на формирование этно-региональной идентичности, акцентируя внимание на символах и образах достижений в видах спорта, отражающих национальный характер жителей республики.

В данном случае являющиеся уроженцами республики спортсмены – победители (символический тандем) играют двойную роль в формировании идентичности её граждан. С одной стороны, они символизируют преимущество своей страны над иностранными оппонентами (национально-государственный аспект идентичности), с другой – являются символическим основанием идентификации со своей республикой.

Мы проанализировали частоту ответов респондентов, связанных с видами спорта, которые, по их мнению, символизируют победы России. Самыми популярными ответами были «хоккей», «фигурное катание», «борьба» – так отвечали мужчины и женщины в возрастной группе от 35 лет и старше. В возрастной группе до 35 лет самыми популярными ответами были такие виды спорта, как «футбол», «хоккей», «биатлон».

В связи с этим мы можем предположить, что у респондентов образ России как страны в историческом контексте является полным и обобщённым, т. е. гордость за победы великих спортсменов, представляющих разные виды спорта, была одинакова независимо от их этнической принадлежности¹. Мы также можем проследить, что у старшего поколения предпочтение к видам спорта основывается на ранее сформированных представлениях о победах СССР в данных видах спорта. У молодого поколения прослеживается интерес к видам спорта, которые имеют историческую значимость, а также получают большую популярность в современной России.

Анализируя ответы респондентов на вопрос *«Назовите имена спортсменов, символизирующие спортивные достижения современной России»*, мы вы-

¹ В данном случае Россия воспринимается респондентами как продолжение СССР, правопреемница спортивных побед Советского Союза.

явили, что у большинства респондентов РСО – Алании ассоциация спортивных достижений современной России связана с такими именами, как Мурат Гассиев (боксер), Станислав Черчесов (главный тренер сборной России по футболу), Сослан Рамонов (борец вольного стиля), Александр Овечкин (хоккеист). Трое из четырёх знаменитых спортсменов в ответах респондентов являются жителями и уроженцами республики Северная Осетия – Алания. Мы можем предположить, что в современной России граждане республики в первую очередь отождествляют современные спортивные достижения страны с представителями своей этнической группы – осетинами, живущими на территории РСО – Алания, т. е. на первое место выходит этно-региональная идентичность.

Таким образом, если в Советском Союзе спортивные победы способствовали формированию национально-государственной идентичности, то сегодня спортивные победы уроженцев республики Северная Осетия – Алания способствуют формированию этно-региональной идентичности.

СПОРТИВНЫЕ МЕГАСОБЫТИЯ И ИХ МЕСТО В СТРУКТУРЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В ответах на вопрос *«Гордитесь ли Вы тем, что Зимние Олимпийские игры прошли в Сочи в 2014 году?»* негативные отзывы были у 13,3 % респондентов – так ответили мужчины поколения от 35 лет, 66 % респондентов гордятся данным мегасобытием, проведённым на территории России – мужчины и женщины независимо от возраста, 16 %, в основном женщины и мужчины старше 35 лет, отнеслись нейтрально к данному мировому спортивному событию.

Распространёнными ответами на вопрос *«Победа на Олимпийских играх – это индивидуальная заслуга или общенациональное достижение»* среди жителей республики является *«Это общенациональное достижение»* – так считают 46 % респондентов, *«Это индивидуальное достижение»* – 23 % респондентов и 30 % респондентов полагают, что это общенациональная и индивидуальная заслуга.

В связи с тем, что спортивные мегасобытия всегда имеют большой интерес у болельщиков всего мира, нам было необходимо узнать мнение респондентов, согласны ли они, что во время проведения спортивных соревнований жители всей страны объединяются. Мы выявили, что 63 % респондентов, мужчин и женщин независимо от возраста, поддерживают данный тезис, 26 % респондентов, мужчин и женщин старше 35 лет, наоборот, его опровергают.

Продолжая изучать символическую составляющую спортивных побед и её влияние на граждан, мы увидели, что для 70 % респондентов олимпийские чемпионы являются национальными героями, прославляющими страну на международной спортивной арене. Для 16 % респондентов олимпийские чемпионы не имеют никакого значения, т. к. спорт для них не интересен.

Из ответов на вопрос *«Олимпийские чемпионы являются национальными героями для всех граждан России?»* мы выявили, что 66 % респондентов согласны с этим, 6 % респондентов так не считают, 26 % затруднились ответить.

Таким образом, победы российских спортсменов на Олимпийских играх оцениваются респондентами как показатель силы и успеха России. Высокое место атлетов на спортивном пьедестале не только повышает их статус, но и способствуют формированию в сознании жителей республики *гордости за страну*. Из полученных данных можно сделать вывод, что большинство респондентов идентифицируют себя со страной в целом, что является основой формирования национально-государственной идентичности.

Среди ответов респондентов на вопрос «*Победа сборной России в неофициальном командном зачёте является...*» самым частым выступает – «*победа была заслуженная, честная и конкурентная*». Ответы показывают нам, что победа сборной России в неофициальном командном зачёте на Олимпийских играх 2014 г. воспринимается гражданами как неоспоримый результат.

Второй темой, которая активно обсуждалась в СМИ, является отстранение спортсменов и команд от выступлений на спортивных соревнованиях международного формата: Олимпийские игры в Бразилии 2016 г. и Зимние Олимпийские игры в Пхенчхане 2018 г. 43 % респондентов, мужчин и женщин старше 35 лет, полагают, что это политический заказ со стороны западных государств, 33 % респондентов (и мужчины, и женщины) до 35 лет уверены, что международные спортивные организации несправедливо наказали спортсменов. При этом большинство респондентов мужского пола уверены, что российские чиновники, которые не смогли решить данную проблему и защитить интересы спортсменов, так же ответственны за это отстранение.

Мы выявили, что 73 % респондентов считают Россию великой спортивной державой, отстаивающей свои национальные интересы на международной спортивной и политической арене вне зависимости от давления со стороны других стран и организаций. 13 % респондентов так не считают, т. к. государство и прежде всего спортивные функционеры не смогли защитить интересы не только своих спортсменов, но и всей страны.

43 % респондентов из республики также гордятся победами спортсменов из своего региона, 33 % опрошенных жителей гордятся победами спортсменов российской сборной, 13 % респондентов остались нейтральны к данному вопросу.

Таким образом, мы можем подтвердить тот факт, что в республике Северная Осетия – Алания национально-государственная идентичность вступает в позитивное взаимодействие с преобладающей на данной территории этно-региональной идентичностью.

ВЫВОДЫ

Проведённое нами исследование показывает, что образы и символы спорта высших достижений играют значимую роль в формировании как национально-государственной, так и этно-региональной идентичности, которые взаимодействуют между собой. Это ярко прослеживается в идентифика-

ции респондентов со своей нацией, населённым пунктом, регионом, а затем и со всей страной. При этом на первый план выходит гордость за спортивные победы атлетов из республики.

Проанализировав роль представлений об образе России и спорта высших достижений в формировании национально-государственной идентичности в сознании граждан РСО – Алании, можно сделать вывод, что совокупность территориально-этнических идентификационных параметров проявляется в сознании респондентов наиболее отчётливо. Выражающиеся в виде идентификации себя, с одной стороны, с населённым пунктом, регионом и национальностью, с другой – со всей страной Россией.

При этом образ страны у респондентов вызывает положительные ассоциации, символами в которых является народ, территория, достижения спортсменов и т. д. Негативные ассоциации связаны с образом государства, особенно образами власти и её институтов. Многие исследования показывают, что образ чиновника является негативным символом восприятия политической жизни государства [13].

Образ СССР в историческом контексте принимает целостный вид, и гордость за победы советских спортсменов, представляющих различные виды спорта, для всех одинакова независимо от их национальной принадлежности.

В символах побед современной России на международных спортивных соревнованиях у большинства респондентов проявляются ассоциации с видом спорта, пользующимся большей популярностью на территории республики, и спортсменами, проживающими в ней. Необходимо также отметить, что большинство респондентов поддерживают и гордятся победами спортсменов в первую очередь из своего региона.

Отношение граждан к допинговому скандалу и дисквалификациям российских спортсменов показывает консолидацию общества перед образом внешнего противника, который пытается с помощью спортивных санкций внести раскол в российское общество.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что государству необходимо целенаправленно конструировать позитивную составляющую национально-государственной идентичности в рамках преобладания достижений над неудачами, побед над поражениями для последующего социально-экономического, политического и культурного развития российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазатов А. В. Спорт высших достижений как инструмент политики формирования позитивного имиджа государства: внутриполитическое измерение // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 5 (64). С. 16–22.
2. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период:

ценностные основания и символические репрезентации // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 48–64.

3. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.

4. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22–27.

5. Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.

6. Корнеева В. А. Спортивные символы как инструмент формирования и трансформации политических идентичностей регионов // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 93–98.

7. Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 1. С. 5–28.

8. Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис: политические исследования. 2015. № 4. С. 12–21.

9. Малинова О. Ю. Концепт «Другого» в исследованиях идентичности: Анализ современных дискуссий // Политическая наука. 2015. № 4. С. 154–169.

10. Сафронов В. А. Спорт как инструмент формирования политического имиджа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 147–149.

11. Селезнева А. В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (15). С. 22–33.

12. Семененко И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2011. С. 8–12.

13. Сидоренко И. Н. Современный российский чиновник: кто он, его роль в функционировании власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2010. № 3. С. 16–34.

14. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. 184 с.

15. Шестопа Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образа власти и лидеров в Постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20.

REFERENCES

1. Glazatov A. V. [Elite sport as a political tool of formation of positive image of the state: the domestic political dimension]. In: *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura* [SEARCH: Politics. Social Studies. Art. Sociology. The culture], 2017, no. 5 (64), pp. 16–22.

2. Evgen'eva T. V., Selezneva A. V. [The transformation of the national-state identity of the Russian youth in the post-Soviet period: the value base and symbolic representation]. In: *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* [Politiya. Analysis. Chronicle Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)], 2017, no. 4 (87), pp. 48–64.
3. Evgen'eva T. V., Titov V. V. [The formation of national-state identity of the Russian youth]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political research], 2010, no. 4, pp. 122–134.
4. Evgen'eva T. V., Titov V. V. [The image of the “enemy” as a tool of formation of political identity in the Internet: experience of modern Russia]. In: *Informatsionnye voyny* [Information Wars], 2014, no. 4, pp. 22–27.
5. Semenenko I. S., ed. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: personality, society and politics]. Moscow, All World Publ., 2017. 992 p.
6. Korneeva V. A. [Sports symbols as a tool of formation and transformation of political identities of the regions]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, no. 1 (55), pp. 93–98.
7. Malinova O. Yu. [Constructing macro-political identity in the post-Soviet Russia]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2010, no. 1, pp. 5–28.
8. Malinova O. Yu. [Myth as a category of symbolic politics: a theoretical analysis of the forks]. In: *Polis: politicheskie issledovaniya* [Polis: political studies], 2015, no. 4, pp. 12–21.
9. Malinova O. Yu. [The concept of the “Other” in identity: Analysis of contemporary discussions]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2015, no. 4, pp. 154–169.
10. Safronov V. A. [Sport as a tool of formation of political image]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 9, pp. 147–149.
11. Selezneva A. V. [Politico-psychological analysis of modern political values of Russian citizens: a generational cutoff]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2014, no. 3 (15), pp. 22–33.
12. Semenenko I. S. [Identity in a subject field of political science]. In: *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a matter of political analysis]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations of RAS Publ., 2011, pp. 8–12.
13. Sidorenko I. N. [Modern Russian official: who he is, its role in the functioning of the government]. In: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal government. Scientists notes], 2010, no. 3, pp. 16–34.
14. Titov V. V. *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: rossiiskii opyt i novye tendentsii* [Memory politics and the formation of national-state identity: the Russian experience and new trends]. Moscow, Printing house “Your format” Publ., 2017. 184 p.
15. Shestopal E. B. [In a quarter of a century. The study of the image of the government and leaders in the post-Soviet Russia (1993–2018)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political research], 2019, no. 1, pp. 9–20.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 25.11.2019

Статья размещена на сайте: 06.02.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Евгеньева Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: etv133@mail.ru

Хаметов Эльдар Шамильевич – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: eldar3110@gmail.com

Tatyana V. Evgeneva – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Political Science and Mass Communications of the Financial University under the government of the Russian Federation; e-mail: etv133@mail.ru

Eldar Sh. Khametov – postgraduate student at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University; e-mail: eldar3110@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Евгеньева Т. В., Хаметов Э. Ш. Формирование национально-государственной идентичности через спорт высших достижений (на материалах исследования в республике Северная Осетия – Алания) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Evgeneva T. V., Khametov E. Sh. Formation of National-State Identity through the Sport of Higher Achievements (on the example of research in the Republic of North Ossetia – Alania). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323.1

Зорин В. Ю.

Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, Российская Федерация

Каменских М. С.

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
614990, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а, Российская Федерация

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ОСНОВНЫЕ МЕГАТРЕНДЫ

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ основных итогов и задач реализации государственной национальной политики в современной России, анализ текущих задач и вызовов, стоящих перед сферой межнациональных отношений в современной России.

Процедура и методы исследования. В статье анализируются результаты реализации государственной национальной политики за последние десять лет. Применяя аналитический и системный методы, авторы выделяют основные мегатренды национальной политики в ближайшие десятилетия.

Результаты проведённого исследования. Период 2018–2019 гг. определён как рубежный для сферы межнациональных и межрелигиозных отношений в России. По заключению авторов, основными мегатрендами, которые будут определять развитие сферы межнациональных отношений, станут механизмы построения современной гражданской нации, институциональные и нормативно-правовые изменения, новая кадровая политика и внедрение новых компетенций и квалификаций, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования выражается в осмыслении и систематизации текущих изменений, происходящих в российской государственной национальной политике. Полученные результаты могут быть использованы для корректировки программ по реализации государственной национальной политики как в стране в целом, так и в отдельных регионах России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная национальная политика, Стратегия государственной национальной политики, межнациональные отношения, мегатренды

СТРУКТУРА

Введение

Итоги реализации стратегии государственной национальной политики

Проблема формирования гражданской нации

Нормативно-правовое регулирование и институциональное обновление сферы национальных отношений

Кадровое обеспечение государственной национальной политики

Социальная и культурная адаптация мигрантов. Учёт населения

Выводы

V. Zorin

*Institute of Ethnology and Anthropology, Miklukho-Maklay RAS
32a Leninsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation*

M. Kamenskikh

*Perm Federal Research Center Ural Branch of RAS
13a Lenina ul., Perm 614990, Russian Federation*

ETHNOPOLITICAL SITUATION IN RUSSIA: MODERN DEVELOPMENT AND MAIN MEGATRENDS

ABSTRACT

The purpose of the article is to analyze the main results and tasks of the implementation of the state national policy in modern Russia, as well as to analyze current problems and challenges the sphere of interethnic relations in modern Russia faces at present.

Methodology and Approach. The article analyzes the results of the implementation of the state national policy over the past ten years. Using analytical and systematic methods, the authors identify the main megatrends of national policy in the coming decades.

Results. The period of 2018–2019 is defined as a milestone for the sphere of inter-ethnic and inter-religious relations in Russia. According to the authors, the main megatrends that will determine the development of the sphere of interethnic relations will be the mechanisms of building a modern civil nation, institutional and regulatory changes, a new personnel policy and the introduction of new competencies and qualifications, and ensuring the social and cultural adaptation of migrants.

Theoretical and Practical implications. The theoretical significance of the study is expressed in the interpretation and systematization of the current changes in the Russian state national policy. The results can be used to adjust programs for the implementation of state national policy both in the country as a whole and in individual regions of Russia.

KEYWORDS

State national policy, Strategy of the state national policy, inter-ethnic relations, megatrends

ВВЕДЕНИЕ

Россия исторически сформировалась как многонациональное и поликонфессиональное государство, поэтому межнациональные и межконфессиональные отношения всегда являлись важной составляющей её внутренней политики [7]. Их недооценка неоднократно приводила к серьёзным политическим кризисам, угрожавшим целостности российского государства как такового. Практика показала, что в период 1990–2000-х гг. российское государство оказалось перед необходимостью решать сложный комплекс межнациональных и межконфессиональных проблем, который сложился ещё в советскую эпоху. В результате только путём уступок, компромиссов и даже «силового» решения отдельных конфликтов удалось сохранить основные институты государства и его территориальную целостность.

Нельзя не отметить, что за прошедшие 10 лет ситуация изменилась в лучшую сторону. Рубежным можно называть 2012 г., когда в «Независимой

газете» 23 января 2012 г. была опубликована статья В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой было сформировано видение основных путей решения актуальных проблем государственной национальной политики, определены её цели и задачи [8], и когда были созданы новые инструменты и механизмы регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений¹. Тема этноконфессиональных отношений была включена в программу «майских указов» Президента РФ 2012 г. и продолжает оставаться в центре внимания на самом высоком уровне². На протяжении 2010-х гг. основными инновациями в сфере государственной национальной политики стали восстановление этнокультурного суверенитета Российской Федерации и возвращение государства в сферу этнополитики. Вся проведённая работа позитивно сказалась на межнациональном климате в стране, профилактике экстремизма и терроризма. Сегодня эти вопросы ушли на 21-е место в рейтинге проблем, которые беспокоят россиян³.

Вместе с тем опыт показывает, что это не должно успокаивать, потому что целый ряд конфликтов имеет отложенный статус; появляются новые риски и, главное, внешние вызовы национальной безопасности. В одном из выступлений на эту тему Президент РФ В. В. Путин отметил, что сферу межнациональных и межрелигиозных отношений можно сравнить с человеческим здоровьем, поскольку она «требует и постоянного внимания, последовательной и серьёзной работы»⁴.

Сегодня тема национальных отношений и реализации государственной национальной политики активно анализируется научным сообществом, публикуется большое количество работ [4, с. 20–63]. Среди наиболее значимых научных трудов последнего времени можно назвать публикации В. А. Тишкова [12], Л. М. Дробижевой [3], Н. П. Копосовой [5], Т. М. Мастюгиной, Л. С. Перепёлкина и В. Г. Стельмах [6]. Региональная специфика реализации государственной национальной политики представлена в трудах М. А. Аствацатуровой [2], В. В. Амелина [1]. Публикации, связанные с данной тематикой, регулярно выходят на страницах журнала «Вестник российской нации», а также в трудах по итогам исследований Сети этномониторинга и раннего предупреждения конфликтов при Институте этнологии и антропологии РАН.

Однако новые исторические условия ставят перед научным и эксперт-

¹ Постановление правительства РФ от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой Программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020)» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 29.10.2013).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // Российская газета. Столичный выпуск. 2012. 9 мая.

³ По данным на август 2019 г. См.: Тревожащие проблемы // Левада-центр: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhashhie-problemy-2> (дата обращения: 10.01.2020).

⁴ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10.01.2020).

ным сообществом новые задачи. За последние 10 лет в России и мире произошли важные изменения. Рост международного терроризма на Ближнем Востоке, резкая активизация миграционных потоков, политический кризис на Украине, политика санкций и обострение отношений России с Западом, требуют принятия взвешенных шагов и корректировки традиционных подходов управления миграционными и межнациональными отношениями. Сегодня Россия входит в качественно новый этап развития с новыми вызовами, задачами и приоритетами как во внешней, так и во внутренней политике, многие из которых дают знать о себе уже сегодня. Определённо существует насущная необходимость во внесении коррективов в действующий пакет документов стратегического планирования. Прежде всего речь идёт об обновлении механизмов правового регулирования новой государственной национальной политики. Как будет развиваться ситуация в 2020-е гг., удастся ли сохранить накопленный потенциал «прочности»? Всё это зависит от грамотности и своевременности решений высших органов власти, умения реагировать на вызовы современного общества. В рамках данной статьи планируется рассмотреть основные итоги реализации государственной национальной политики в последние 10 лет, а также систематизировать и представить анализ наиболее актуальных и острых проблем, которые стоят перед ней сегодня.

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В 2018 г. была проведена большая работа по актуализации Стратегии государственной национальной политики. Соответствующие предложения по внесению изменений были рассмотрены и одобрены Советом при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям на выездном заседании 26 октября в г. Ханты-Мансийске⁵. Одному из авторов довелось выступить содокладчиком по вопросу об обновлённой редакции Стратегии. 6 декабря 2018 г. был подписан Указ Президента РФ № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁶. Одновременно вышел Указ о новой Концепции государственной миграционной политики⁷.

Кроме этого, в последние два года вопросы реализации государственной национальной и конфессиональной политики, реализации Стратегии государственной национальной политики неоднократно оказывались в центре внима-

⁵ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58922> (дата обращения: 10.01.2020).

⁶ Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881 (дата обращения: 10.01.2020).

⁷ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 10.01.2020).

ния не только политиков, но и учёных – российских и зарубежных историков, этнологов и антропологов, пытавшихся выявить характеристики и мегатренды этноконфессиональной сферы. Так, одной из ключевых площадок XIII Конгресса антропологов и этнологов России в Казани стала секция № 41, работа которой была посвящена реализации государственной национальной политики в России. На секции было представлено 35 докладов из 26 регионов Российской Федерации, а также из Польши и Австрии (2 доклада) [10]. В ходе работы секции докладчики затронули обширный круг проблем, в том числе: историческая память об этнополитических конфликтах в России и на постсоветском пространстве; государственная национальная политика в регионах России; этнополитические проблемы России и постсоветского пространства; этноязыковые и этноконфессиональные. Отмечено, что особое значение после 2014 г. приобрёл Крымский полуостров – многонациональный и поликонфессиональный регион, где следует проявлять максимальную осторожность и взвешенность при принятии управленческих решений, учитывать интересы всех народов, не допускать проявлений дискриминации или межнациональной вражды [11]. Тезисы, принятые в г. Казани, легли в основу дискуссии экспертов в рамках Всероссийского форума национального единства (октябрь 2019 г., г. Пермь), Форума национального единства в г. Ханты-Мансийске в ноябре 2019 г.

Безусловно, наиболее важным для будущего развития сферы этнополитики стало прошедшее 29 ноября 2019 г. в г. Нальчике заседание Совета при Президенте России по межнациональным отношениям⁸, на котором рассматривались современная этнополитическая ситуация и задачи государства в вопросах реализации государственной национальной и конфессиональной политики. По итогам состоявшейся дискуссии 21 января 2020 г. был принят Перечень поручений Президента РФ по регулированию сферы межнациональных отношений из 18 пунктов, которые будут определять развитие межнациональных и межрелигиозных отношений в России в ближайшие годы⁹.

Таким образом, 2019 г. стал во многом рубежным для этноконфессиональной сферы. Представляется, что наиболее актуальными в ближайший период для неё станут следующие задачи и вызовы: формирование гражданской патриотической нации, обновление государственно-институциональной и нормативной базы, подъём уровня квалификации специалистов в сфере национальных отношений, социальная и культурная адаптация мигрантов, совершенствование механизма мониторинга и раннего предупреждения конфликтов на этноконфессиональной основе.

⁸ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10.01.2020).

⁹ Президент утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 29 ноября 2019 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62618?fbclid=IwAR2cdyhpApXJBL7qg4DMYu_t9wxc0LRjGThKYUt1zEh4YUoHVPfJLYBYKs (дата обращения: 22.01.2020).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

Первая проблема, о которой хочется сказать, – формирование ценностей патриотизма. Сама по себе идея создания единой гражданской нации в РФ не является новой. Главная сложность возникает при определении тех ценностей и патриотических установок, которые смогут сплотить нацию, понятные и жителям Кавказа, и жителям Российского крайнего Севера. В редакции Стратегии государственной национальной политики 2012 г. была обозначена долгосрочная двуединая задача: содействие этнокультурному развитию представителей всех народов, проживающих в России, и укрепление единства российской гражданской нации¹⁰. Появление концепта «единой российской нации» (тракуемой именно в гражданско-политическом смысле) стало серьёзной основополагающей идеологической инновацией, прорывным направлением в отечественной политологической и в целом в общественной мысли. Откорректированный в 2019 г. проект Стратегии закрепляет концепт российской нации и основные цели, среди которых укрепление гражданского единства многонационального народа Российской Федерации. Впервые в этом документе были сформулированы восемь основных определений современной государственной национальной политики. На двух дефинициях Стратегии хочется остановиться отдельно. Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием. Понятие коррелирует с преамбулой Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Другими словами, в Стратегии эти понятия трактуются как синонимы. К сожалению, пока ещё не все эксперты и практики национальной политики понимают и принимают этот подход. Состоявшаяся в начале 2020 г. дискуссия в обществе по поводу поправок в действующую Конституцию ярко это продемонстрировала. Понятие «российская нация» не отрицает этнической принадлежности, а говорит о гражданской идентичности. Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – понимание гражданами их принадлежности к своей стране, её народу, государству и обществу, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, ответственности за судьбу страны, а также приверженность базовым ценностям. На заседании в г. Нальчике 29 ноября 2019 г. было особо отмечено, что только «патриотические, ценности объединяют и всё российское общество, лежат в основе межнационального мира и межрелигиозного согласия... являются непреложными, базовыми условиями устойчивого развития российских регионов, единства правового поля, образовательного и культурного пространства»¹¹.

¹⁰ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 29.10.2020).

¹¹ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям // Офи-

Таким образом, ценности, построенные на патриотизме и взаимном уважении граждан многонациональной России, должны создать фундамент для гражданской российской нации.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ СФЕРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Особое значение имеют институциональные и юридические изменения. Произошедшие в этой сфере последние события свидетельствуют о том, что российское государство вернулось в сферу этнополитики. В последние 5 лет были приняты законодательные акты, устанавливающие ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц за нарушения в сфере межнациональных отношений, и определены должностные лица, ответственные за реализацию государственной национальной политики¹². В Перечне поручений президента отдельным пунктом высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации также рекомендовано принять меры по повышению эффективности деятельности общественных советов по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений, созданных при главах регионов и главах муниципальных образований¹³. Другими словами, мы в праве ожидать активности от органов власти в субъектах РФ в реализации национальной политики, в том числе там, где этого ещё не было сделано.

Важным институциональным решением стало создание в 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН)¹⁴. Отметим, что шаг за шагом функции этого органа расширяются. В прошлом году оно получило полномочия в отношении адаптации и интеграции мигрантов, что говорит об активизации работы агентства. А с 2020 г. ФАДН получает в

циальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10.01.2020).

¹² Федеральный закон от 22.10.2013 № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153536 (дата обращения: 10.01.2020).

¹³ Президент утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 29 ноября 2019 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62618?fbclid=IwAR2cdyhpApXJBL7qg4DMYu_t9wxc0LRjGThKYUt1zEh4YUoHVPfJLYBYKc (дата обращения: 22.01.2020).

¹⁴ Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 (ред. от 15.05.2018) «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177296 (дата обращения: 10.01.2020); Постановление Правительства РФ от 18.04.2015 № 368 (с изм. и доп. от 16.12.2017 № 1569) «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // Федеральное агентство по делам национальностей: [сайт]. URL: <http://fadn.gov.ru/agency/polozenie-ob-agentstve> (дата обращения: 10.01.2020).

перечень своих полномочий и ведение реестра национально-культурных организаций¹⁵.

Нельзя не отметить, что в новом видении этнополитической ситуации, закреплённом в Перечне поручений Президента РФ, повышен и сам статус сферы национальных отношений. Правительству поручено обеспечить учёт положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. при внесении изменений в Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 г., в Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., в «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в Концепцию развития дополнительного образования детей, а также при разработке государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021–2025 годы». Таким образом, все ведомства в своей деятельности должны будут учитывать этнокомпонент. Главный вопрос, который волнует экспертов сегодня, достаточно ли полномочий у ФАДН, будет ли кто из вице-премьеров курировать вопросы реализации государственной национальной политики в стране¹⁶. Вполне возможно, что реализация Поручений потребует и институциональных решений. Известно, что бывший председатель Комитета по делам национальностей ГД РФ О. А. Николаев заявлял, что будет добиваться воссоздания Министерства по делам национальностей¹⁷. Сменивший его на этом посту В. Г. Газзаев придерживается аналогичной точки зрения. Безусловно, институциональные изменения и новые полномочия органов власти в сфере госнацполитики станут важной темой обсуждения в этой сфере в ближайшие годы. Авторы согласны с теми экспертами, которые считают, что на правительственном уровне эти проблемы следовало бы совместить в одной плоскости. Сегодня национальная, миграционная политика и государственно-религиозные отношения курируются тремя разными вице-премьерами. Предлагается их институционально соединить по принципу «три в одном». И это предложение заслуживает самого внимательного рассмотрения.

Другая проблема – это отсутствие специального статуса национально-культурных межнациональных организаций. Основу правового регулирования деятельности таких объединений граждан составляют федеральные за-

¹⁵ Президент утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 29 ноября 2019 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62618?fbclid=IwAR2cdyhpApXJBL7qg4DMYu_t9wcx0LRjGThKYUt1zEh4YUoHVPfJLYYByKc (дата обращения: 22.01.2020).

¹⁶ Программа «Национальный вопрос № 74» [Электронный ресурс] // Первый Российский Национальный Канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rd50lwdc4RA&feature=share&fbclid=IwAR2m5msNlwQVxsXJftBVyZ4iFgAkolo6CNujciOgCbLvLj-MO9bsZ4x_c94 (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁷ Новый руководитель комитета по делам национальностей Госдумы будет выступать за воссоздание Миннаца // Национальный акцент: [сайт]. URL: <http://nazaccent.ru/content/32048-novyy-rukovoditel-komiteta-po-delam-nacionalnostej.html> (дата обращения: 20.01.2020).

коны, принятые ещё в конце 90-х гг. прошлого века¹⁸. Поэтому на современном этапе формирования новой этнополитики необходима серьёзная работа по совершенствованию её правовой базы, и эта работа активно проводится. В настоящее время в Российской Федерации создано и действует 1210 национально-культурных автономий, 20 из которых обладают федеральным статусом, 288 являются региональными, 92 – местными¹⁹. К сожалению, механизмов статистического учёта иных национально-культурных и межнациональных объединений сегодня не существует. В условиях динамично развивающегося правового регулирования подобная стабильность скорее недостаток, нежели достоинство. В качестве наиболее яркой иллюстрации приведём отсутствие условий централизации системы национально-культурных объединений. Множество региональных и местных организаций ни де-юре, ни де-факто не включены в орбиту деятельности федеральных организаций. Словом, плюрализм зачастую перерастает в соперничество, которое не оставляет места для реализации целей, ради достижения которых создаются национально-культурные объединения. В Пермском крае, например, существуют две региональные организации азербайджанцев, узбеков и таджиков. Их соперничество не содействует межнациональному согласию, а лишь провоцирует дестабилизацию обстановки. Эта ситуация характерна и для многих других регионов России [13, с. 281]. Представляется обоснованным расширить сферу регулирования закона об НКА, дополнив его нормами, регулирующими особенности правового статуса национально-культурных автономий иных видов (фонды, центры, ассоциации, союзы, землячества и т. д.), которых в стране, по различным прогнозам или расчётам, оценкам, около 5 тыс. Этому будет содействовать передача функций минюста по ведению реестра национально-культурных автономий профильному государственному органу – Федеральному агентству по делам национальностей. Импульс национально-культурному общественному движению, безусловно, придаст и создание общероссийской общественно-государственной организации, осуществляющей деятельность в сфере реализации государственной национальной политики. Правительству РФ поручено подготовить соответствующий проект указа. Возможно, что уже в следующем году на организацию будет возложено проведение ряда общероссийских мероприятий, в том числе Форума народов России, на который уже предусмотрено финансирование в госпрограмме²⁰.

¹⁸ Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Правовой портал. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041937> (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁹ Данные озвучены на заседании Совета 29 ноября 2019 г. См.: Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10.01.2020).

²⁰ Путин дал 18 поручений в области межнациональных отношений // Национальный акцент: [сайт]. URL: <https://nazaccent.ru/content/32013-putin-dal-18-poruchenij-v-oblasti.html> (дата обра-

Как показало заседание Совета по Президенте РФ по межнациональным вопросам в Нальчике, экспертное сообщество, представители самих национально-культурных объединений готовы поддерживать эту работу, оказать всемерное содействие органам государственной власти, чтобы найти взаимовыгодные решения, которые бы отвечали современной ситуации.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Достижение поставленных задач невозможно без повышения деловой квалификации всех акторов этнополитических процессов: органов власти, руководителей общественных объединений, экспертного сообщества и журналистов. На заседании Совета 29 ноября 2019 г. особо было отмечено, что это должны быть «подготовленные, знающие люди, которые разбираются в тонкостях межэтнических, межрелигиозных отношений, глубоко знают вопросы культуры, гуманитарной сферы»²¹. Эту работу необходимо строить с учётом новых профессиональных стандартов специалистов в сфере национальных, религиозных отношений и миграции. Утверждение профессиональных стандартов «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений»²², «Специалист по трудовой миграции»²³, государственные программы переподготовки позволяют постепенно выйти на новый профессиональный уровень регулирования этноконфессиональных отношений. Безусловно, на это должно реагировать и вузовское сообщество. На профильных факультетах необходимо открывать новые специальности, которые смогут удовлетворить потребности рынка и общества в специалистах, компетентных в вопросах межнациональных и межрелигиозных отношений.

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ.

УЧЁТ НАСЕЛЕНИЯ

Следующая задача, которая стоит перед российским обществом в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики, – содействие социальной и культурной адаптации мигрантов. На заседании в Нальчике В. В. Путин так обозначил приоритеты миграционной политики: «Мы радушно принимаем и должны помогать тем, кто хочет жить, учиться,

щения: 22.01.2020).

²¹ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10.01.2020).

²² Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 02.08.2018 № 514н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» в Минюсте РФ 07.09.2018 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71943264/> (дата обращения: 22.01.2019).

²³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29.10.2018 № 672н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по трудовой миграции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201901090035> (дата обращения: 22.01.2019).

работать у нас. И в то же время необходимо отсека́ть, жё́стко отсека́ть любые риски, связанные с невежеством, распространением экстремизма, разного рода радикальных течений»²⁴. Сейчас у нас одна цель миграционной политики. Мигранты нам нужны, наша страна не сможет успешно развиваться без мигрантов, у нас есть и демографические проблемы. Последний выпуск программы «Национальный вопрос» 2019 г. как раз был посвящён роли трудовой миграции иностранных рабочих в реализации социально-экономических задач. Сегодня данная проблема выражается в простом вопросе, а именно – поиске баланса между потребностью в иностранной рабочей силе, национальной безопасностью и реализацией национальных проектов²⁵. Мы никак не можем прийти к итоговому варианту закона по адаптации и интеграции иностранных граждан. Баланс между безопасностью и потребностью в мигрантах очень трудно найти, в определённой степени его разрешила Концепция государственной миграционной политики²⁶. Второй вопрос – межведомственное управление и согласование. Основные противоречия возникают между МВД, которое отвечает за фискальную часть этого направления, и гуманитарными организациями, а также ФАДН, экономическими организациями. Осложняет ситуацию и юридический статус иностранного гражданина. С Беларусью, например, существует миграционный режим в рамках Союзного государства, со странами Евразийского союза действуют другие правила. В общей сложности в РФ действует от 8 до 10 различных режимов с разными странами одновременно. Безусловно, рядовым сотрудникам полиции сложно учесть все эти особенности в рамках реализации функций миграционного контроля²⁷. Кроме этого, регионы и особенно работники местного самоуправления заявляют об отсутствии каких-либо директивных документов по интеграции и адаптации, и текущая задача экспертного сообщества – заполнить эту лауну в нормотворчестве. Коллектив учёных финансового университета при Правительстве России, например, завершил первый этап научно-исследовательской работы по этому поводу. В качестве рекомендаций рассматривается несколько предложений: от разработки Миграционного

²⁴ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10.01.2020).

²⁵ Программа «Национальный вопрос № 73». [Электронный ресурс] // Первый Российский Национальный канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rd50lwdc4RA&feature=share&fbclid=IwAR2m5msNlwQVsxJftBVyZ4iFgAkolo6CNUjciOgCblvLj-MO9bsZ4x_c94 (дата обращения: 20.01.2020).

²⁶ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 10.01.2020).

²⁷ Численность армян в России по переписи 2010 г. – более 1 млн человек. См.: Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Росстат: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.12.2019).

Кодекса, Концепции адаптации мигрантов до мнения, что отдельный закон по адаптации и интеграции невозможен. Нет предмета регулирования, различные аспекты вопроса разбросаны по разным законам. Их исключение из других законов нецелесообразно, т. к. якобы обрушит законодательство. Учёные Финансового университета при Правительстве Российской Федерации разработали формулировки по предмету регулирования и дефинициям и готовы представить их. Следующим шагом Научному Совету Российской академии наук предстоит разработать и внести определения по важнейшим понятиям миграционной политики государства, как это было сделано в отношении государственной национальной политики. При консенсусе экспертного сообщества станет возможным нормативное регулирование сферы миграции, разработка соответствующих законопроектов.

Уточнить современные мегатренды этнополитики государства призвана проводимая раз в десять лет Всероссийская перепись населения. Нынешний 2020 г. является именно таким переписным годом. Напомним, что перепись является единственным официальным источником сведений о национальностях и языках. Каждый гражданин страны вправе указывать свою национальность в том виде, в каком полагает нужным. Это соответствует ст. 26 Конституции РФ. В других странах такой возможности у людей зачастую нет. По итогам переписи 2010 г. в стране насчитывается более 193 национальностей, около 90 языков являются языками изучения и обучения в учебных заведениях²⁸. Технически учесть такое разнообразие – непростая задача. В этих условиях следует подчеркнуть необходимость тщательной подготовки переписных мероприятий, отбора и подготовки переписчиков, максимально полного учёта мигрантов. Перепись населения в России впервые пройдёт через интернет, и впервые люди сами будут заполнять переписные листы. Это и серьёзный прорыв в цифровое будущее, и серьёзный вызов для государственного управления и всех, кто будет пользоваться результатами переписи. Опыт прошедших переписей 2002 г. и 2010-х гг. показывает также, что этот период несёт определённые риски этнической мобилизации и попыток определённых приписок в республиках в пользу титульных национальностей.

ВЫВОДЫ

В настоящее время на местах ощущается острая потребность в обобщении позитивных практик, разработке и внедрении новых механизмов реализации Стратегии, нацеленных на решение двуединой задачи формирования российской гражданской нации и сохранения этнокультурного многообразия народов России. Поддержка государством идеи гражданской патриоти-

²⁸ Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Росстат: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.12.2019).

ческой нации, обновление нормативно-правовой базы и адекватные институциональные изменения, взвешенная кадровая и миграционная политика, грамотная работа с населением в рамках переписи позволят гармонично развиваться сфере этноконфессиональных отношений в ближайшие десятилетия. Очевидно, что на это и должны быть направлены усилия учёных, а обобщённые рекомендации могут стать основой для дальнейшей более углублённой разработки данной темы.

И эта работа уже активно проводится. Так, в конце прошлого года при поддержке Правительства г. Москвы был подготовлен и издан сборник «Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России» [9]. В его подготовке участвовали представители органов государственной власти (депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. П. Водолацкий, Г. К. Сафаралиев), бюджетных учреждений, работающих в этнокультурной сфере (дома дружбы, дома национальностей), научно-экспертного сообщества (В. А. Михайлов, В. Ю. Зорин, Л. М. Дробижева, М. А. Аствацатурова, В. А. Волох), национальных общественных и молодёжных организаций. В сборнике анализируются история и опыт реализации государственной национальной политики в полиэтничной Российской Федерации. Авторы затрагивают весь спектр современной российской этнополитики, включая обобщение позитивных практик, накопленных в различных субъектах федерации. Большое внимание уделяется анализу методической работы региональных домов национальностей и домов дружбы, а также конкретным направлениям их деятельности, которая протекает в русле общих задач укрепления российской гражданской нации и содействия этнокультурному развитию представителей всех народов России. В сборнике представлены материалы из 19 регионов нашей страны. Сборник представляет интерес для работников органов государственной власти и местного самоуправления, учёных-этнополитологов, представителей национальных общественных организаций, учащихся профильных вузов. 19 февраля 2020 г. в Российской академии наук под председательством академика РАН В. А. Тишкова состоялось заседание Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Важным итогом заседания стало утверждение к печати учебного пособия «Государственная национальная политика Российской Федерации» для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений. Среди авторов пособия – ведущие учёные, работники органов исполнительной власти, лидеры национально культурных организаций.

Полученные результаты могут быть использованы для корректировки программ по реализации государственной национальной политики как в стране в целом, так и в отдельных регионах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин В. В. Роль органов местного самоуправления в реализации государственной национальной политики в Оренбургской области // Вестник Российской нации. 2017. № 3 (55). С. 61–88.
2. Аствацатурова М. А. Органы местного самоуправления в оптимизации межэтнических отношений: факторы потребности, рискогенные сферы и перспективные направления // Местное самоуправление в условиях глобальных вызовов современной России: сборник материалов научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2019. С. 479–487.
3. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
4. Зорин В. Ю. Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 251 с.
5. Копосова Н. П. Национально-государственное строительство в первые годы советской власти, 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 220 с.
6. Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. М.: Форум, 2013. 304 с.
7. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 678 с.
8. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
9. Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России / под ред. В. Б. Тарасова, В. Ю. Зорина. М.: Московский дом национальностей, 2019. 400 с.
10. Секция 41 «Государственная национальная политика в России: исторический опыт и современные процессы» // XIII Конгресс антропологов и этнологов России, Казань, 02–06 июля 2019 г. : сборник материалов. М., Казань: ИЭА РАН: КФУ: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 331–342.
11. Сенюшкин Е. А. Стратегическое управление этнополитическими рисками как элемент системы государственной национальной политики в Крыму // XIII Конгресс антропологов и этнологов России, Казань, 02–06 июля 2019 г.: сборник материалов. М., Казань: ИЭА РАН: КФУ: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 338–339.
12. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
13. Черных А. В., Каменских М. С. Оценка уровня сотрудничества властей и общественников в сфере межнациональных отношений в условиях Пермского края // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 439–449.

REFERENCES

1. Amelin V. V. [The role of local authorities in realization of the state national policy in Orenburg region]. In: *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of the Russian nation], 2017, no. 3 (55), pp. 61–88.
2. Astvatsaturova M. A. [Local authorities in optimization of inter-ethnic relations: the factors of needs, risky sphere and future directions]. In: *Mestnoe samoupravlenie v usloviyakh global'nykh vyzovov sovremennoi Rossii: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Local government in the context of global challenges of modern Russia: proceedings of scientific-practical conference with international participation]. Rostov-on-don, 2019, pp. 479–487.
3. Drobizheva L. M. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years' experience]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2013. 336 p.
4. Zorin V. Yu. *Natsional'naya politika rossiiskogo gosudarstva v XX – nachale XXI veka* [The national policy of the Russian state in XX – early XXI century]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 251 p.
5. Kuposova N. P. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v pervye gody sovetskoi vlasti, 1917–1922 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Nation-building in the first years of Soviet power, 1917–1922: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 220 p.
6. Mastuygina T. M., Perepelkin L. S., Stel'makh V. G. *Natsional'naya politika v Rossii: XVI – nachalo XXI veka* [National policy in Russia: XVI – beginning of XXI century]. Moscow, Forum Publ., 2013. 304 p.
7. *Natsional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [National policy of Russia: history and modernity]. Moscow, Russkii mir Publ., 1997. 678 p.
8. Putin V. V. [Russia: the national question]. In: *Nezavisimaya gazeta* [The independent newspaper], 2012, January 23.
9. Tarasov V. B., Zorin V. Yu., eds. *Realizatsiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki: opyt goroda Moskvy i regionov Rossii* [The implementation of the state national policy: the experience of the city of Moscow and regions of Russia]. Moscow, Moscow House of Nationalities Publ., 2019. 400 p.
10. [Section 41 “The State national policy in Russia: historical experience and modern processes”]. In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii, Kazan', 02–06 iyulya 2019 g. : sbornik materialov* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Kazan, July 02nd–06th, 2019 : collection of materials], Moscow, Kazan, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., Kazan Federal University Publ., Institute of History Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019, pp. 331–342.
11. Senyushkin E. A. [Strategic management of ethno-political risks as part of the system of the state national policy in the Crimea] In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii, Kazan', 02–06 iyulya 2019 g. : sbornik materialov* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Kazan, July 02nd–06th, 2019 : collection of materials], Moscow, Kazan, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., Kazan Federal University Publ., Institute of History Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019, pp. 338–339.

12. Tishkov V. A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 649 p.

13. Chernykh A. V., Kamenskikh M. S. [Assessment of the level of cooperation between authorities and social activists in the field of inter-ethnic relations in the conditions of Perm Territory]. In: Tishkov V. A., Stepanov V. V., eds. *Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyi podkhod i obshchestvennye praktiki. Opyt preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov* [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Conflict Prevention and Resolution Experience]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., 2018, pp. 439–449.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.02.2020

Статья размещена на сайте: 26.03.2020

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENT

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета: научно-исследовательская работа по фундаментальной теме «Теория регулирования миграционных процессов» ВТК-ГЗ-ФИ-11-19. Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы AAAA-A19-119032590066-2.

The article is prepared according to the results of research, performed at the expense of budgetary facilities from Financial University state programme: scientific-research work on fundamental theme "Theory of migration processes regulation" ВТК-ГЗ-ФИ-11-19. The work is performed within the state programme; state registration number of the theme is AAAA-A19-119032590066-2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зорин Владимир Юрьевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Каменских Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: pomidorrr@mail.ru

Vladimir Yu. Zorin – Doctor of Political sciences, professor, chief researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Mikhail S. Kamenskikh – PhD in Historical sciences, Senior Researcher, Department of History, Archeology and Ethnography, Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: pomidorrr@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Зорин В. Ю., Каменских М. С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Zorin V. Yu., Kamenskikh M. S. Ethnopolitical situation in Russia: modern development and main megatrends. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323.22/.28

Лаврикова А. А., Болотина И. И.

Тульский государственный университет

300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИИ НА ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «ВЛАСТЬ – ОБЩЕСТВО»

АННОТАЦИЯ

Цель. Цель настоящей работы сводится к раскрытию механизма влияния религиозных норм на направленность политической деятельности массовых групп в условиях трансформации современного общества.

Процедура и методы исследования. Эмпирический материал работы получен в результате вторичного анализа данных Европейского социального исследования (волны 2012, 2014, 2016). Анализ производился с применением методов частотного распределения и однофакторного дисперсного анализа.

Результаты проведённого исследования. Прямого воздействия религиозных норм на политическое участие граждан авторами не обнаружено. Религиозность в ряде стран проявляется в идентификации граждан путём «привязки» к религиозной общине данной территории. Во второй группе государств актуализация религиозных вопросов вызвана обращением к деятельности соответствующих партий, что создаёт возможности для формализации политических отношений. В государствах, где трансформация политической системы продолжается, религиозные организации могут приобретать самостоятельный политический статус.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные данные могут использоваться государственными структурами в условиях возрастающей значимости религиозной безопасности общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическое участие, религиозный фактор, религиозные деноминации, арена политического участия, Западная Европа

СТРУКТУРА

Введение

Методология и результаты исследования

Закключение

A. Lavrikova, I. Bolotina

Tula State University

92 ul. Lenina ulitsa, Tula 300012, Russian Federation

ASPECTS OF RELIGION INFLUENCE ON THE PARAMETERS OF CITIZENS POLITICAL INVOLVMENT IN «POWER – SOCIETY» RELATIONS SYSTEM

ABSTRACT

Purpose. The purpose of this article is to reveal the mechanism of religious norms influence on the vector of mass groups political activity in the context of modern society transformation.

Methodology and Approach. The empirical material of the work was obtained in the secondary analysis of the European Social Research data (waves 2012, 2014, 2016). The analysis was carried out using frequency distribution methods and one-way analysis of variance.

Results. The direct impact of religious norms on the political participation of citizens was not found. Religiosity in a number of countries is manifested in the identification of citizens by "binding" to the religious community of a given territory. In the second group of states, the actualization of religious issues is caused by the appeal to the activities of the respective parties, which creates opportunities for formalizing political relations. In states where the transformation of the political system continues, religious organizations can acquire independent political status.

Theoretical and Practical implications. The data obtained can be used by government agencies in the context of the growing importance of the religious security of society.

KEYWORDS

political participation, religious factor, religious denomination, arena of political participation, Western Europe

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний момент в условиях, казалось бы, совершившейся секуляризации человеческого сознания религиозный фактор по-прежнему оказывает значимое влияние на политические процессы в национальных государствах. При этом сама взаимосвязь между религией и политикой изначально носит противоречивый характер, ведь религиозные догмы ориентированы на построение общества всеобщего благоденствия и социальной справедливости, в то время как сущность политики сводится к конкуренции за ограниченные ресурсы, власть и влияние. Однако на практике такие категории, как «вера», «религия», «добро», «зло», «совесть», не потеряли своей значимости для отдельной личности и социальных групп, а политические события зачастую воспринимаются и оцениваются именно с позиций данных категорий.

Объяснительные схемы сложившейся ситуации во многом зависят от трактовки содержания процесса секуляризации в современном обществе. В политической теории можно выделить несколько подходов к этой проблеме. Первое направление представлено в работах П. Бергера, Т. Лукмана и Н. Лумана [3; 4; 9], которые полагали, что секуляризация представляет собой уменьшение влияния религии на социум и политику; второе основано на идее, что секуляризация означает изменение роли религии в обществе: религия продолжает влиять на социально-политическое развитие, однако это происходит в новых форматах (Т. Парсонс и Р. Белла [2; 11]); третье отражено в трудах К. Доббелера, который понимал секуляризацию как комплексный процесс [22]. Нам представляется целесообразным опираться на последнюю из представленных позиций и исходить из следующих положений: 1) религиозные системы теряют свою всеохватывающую роль [15; 16], становясь социальной системой наряду с множеством других; 2) наблюдается изменение уровня религиозности отдельных личностей и социальных групп; 3) происходит трансформация религиозных догм в условиях изменяющейся социально-политической реальности [16].

В более ранние исторические периоды религия как целостная система мировоззрения, в основе которой находятся представления о высшем разуме [17], пронизывала все стороны человеческой жизни, становясь основой социальной, политической и даже цивилизационной идентификации. Сегодня значение религиозного фактора ничуть не уменьшилось, но приобрело латентный характер [19]. И речь идёт не столько о религии как социальном институте, который, кстати, показал свою высокую степень адаптивности к изменяющимся политическим реалиям, сколько о религиозности как стремлении личности, социальной группы, гражданского общества соотносить свою деятельность и существование в целом с некими идеалами, которые в готовом виде предлагаются различными религиозными течениями. Феномен здесь заключается в кажущейся нерациональности столь упорного поиска некоего идеологического обоснования социально-политической действительности, а также в неискоренимости морально-этических оценок, предлагаемых религиями для рефлексии поведения социальных и политических акторов. Таким образом, можно констатировать, что религиозный фактор в том или ином виде проявляется в системе отношений между политической властью и гражданским обществом¹ в совокупности разнонаправленных тенденций (табл. 1).

¹ Под гражданским обществом авторы статьи подразумевают всех граждан конкретного государства / государств, связанных друг с другом политическими, экономическими, культурными, правовыми и социальными отношениями.

Таблица 1 / Table 1

Тенденции проявления религиозного фактора в системе взаимодействия «власть – общество» (Religious trends in the interaction system «power – society»)

Линия «политическая власть – гражданское общество – индивид»	Религия становится инструментом легитимации политической власти или действующей политической элиты
	Религия позволяет управлять социально-политическими отношениями благодаря выработанным нормативно-этическим принципам
	Религиозный мессианизм может выступать фундаментом формирования национальной идеи государства
Линия «индивид – гражданское общество – политическая власть»	Религиозный фактор выступает как инструмент социально-политической мобилизации
	Религиозный фактор задаёт рамки самоидентификации личности и социальной группы взамен «неработающей» политической идентификации
	Религия определяет онтологические основы существования и развития личности и гражданского общества в целом

Источник: данные авторов.

Анализ указанных тенденций позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, религия по-прежнему выполняет мировоззренческую (определяет критерии целесообразности и справедливости социально-политических процессов, задаёт ориентиры развития государства и гражданского общества) и управленческую (становится инструментом элит по формированию социального и политического поведения граждан) функции. Однако в ходе секуляризации формы их реализации могут значительно дифференцироваться и деформироваться. С целью конкретизации указанных тенденций посредством использования методов вторичного анализа социологических данных (процедуры частотного распределения и однофакторного дисперсного анализа) в статье будет совершена попытка раскрытия механизма влияния религиозных норм на направленность политической деятельности массовых групп в условиях трансформации современного общества.

МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявленные выше тенденции взаимосвязи религии, политической власти и гражданского общества, имеющие место в национальных государствах, выступают отнюдь не проявлениями клерикализма, предполагающего стремление религиозных деятелей оказывать влияние на политические процессы. Напротив, сами политические элиты стремятся заручиться поддержкой религиозных деятелей, а в своём дискурсе они зачастую апеллируют к Богу. Так, в Соединённых Штатах Америки возросло число деноминаций или так называемых независимых церквей (Свидетели Иеговы, мормоны, сайентологи, спириты и т. д.)², которые, занимая промежуточное положение между ортодоксальной церковью и сектой, адаптируют, зачастую искажая и по-своему трактуя, догмы традиционных мировых религий. Типичными остаются ситуации, когда официальные лица в политических обращениях ссылаются на религиозные нормы. Например, на церемонии инаугурации 20 января 2017 г. Дональд Трамп сказал следующие слова: «Краеугольным камнем нашего политического курса будет верность Соединённым Штатам Америки, и, благодаря верности нашей стране, мы вновь откроем в себе верность друг другу. Когда ваше сердце открыто патриотизму, в нём не остается места для предубеждений. Библия учит нас: “как прекрасно и приятно, когда народ живёт в единстве, которое заповедует Бог”. Мы должны откровенно высказывать своё мнение, честно обсуждать наши противоречия, но никогда не забывать о солидарности. Когда Америка едина, её невозможно остановить. Не должно быть страха, мы защищены – и мы всегда будем защищены. Нас защитят великие мужчины и женщины в наших вооружённых силах и правоохранительных органах, а самое главное – нас защитит Господь»³.

Объясняя данный феномен, английский политолог Л. Зидентоп отмечает, что именно христианское учение о духовном равенстве создало гражданское общество, стало отправной точкой развития рыночных отношений и одним из источников современной демократии. Он пишет, что «только пришествие христианства... заложило нравственные основы современной демократии, наделив индивидуумов единым моральным статусом, сынов Божьих... который со временем трансформировался в социальную роль» [6, с. 241].

Вместе с тем материалы социально-политических исследований свидетельствуют, что влияние религиозных норм на современные политические процессы носит более сложный, многоуровневый характер, чем это указано в приведённой выше трактовке Л. Зидентопа, что и находит отражение в мо-

² Синелина Ю. Ю. Религия в современном мире [Электронный ресурс] URL: <https://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 03.11.2019).

³ Речь Президента США Дональда Трампа на церемонии инаугурации // Голос Америки: [сайт]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-inauguration-speech/3685345.html> (дата обращения: 02.11.2019).

делях политической деятельности не только элитных, но и массовых групп. Рассмотрим векторы такого воздействия на примере динамики политического участия граждан в европейских государствах.

Эмпирическая база работы была получена в результате вторичного анализа данных мониторинга «Европейское социальное исследование (ESS)»⁴. Кроме того, для конкретизации полученных результатов использовались материалы других кросс-национальных исследований и статистики.

Первичный анализ данных европейского мониторинга путём определения сопряжённости между переменными «приверженность религии» и «формы политического участия» позволил выявить наличие устойчивой взаимосвязи между ними, вместе с тем в ходе конкретизации данной взаимозависимости на основе применения метода однофакторного дисперсионного анализа был сделан вывод об отсутствии прямого воздействия религиозного фактора на политические практики, реализуемые гражданами, что поставило вопрос о необходимости выявления механизма влияния религии на различные аспекты политической деятельности рядовых членов общества.

Была выдвинута гипотеза о существовании определённого системообразующего фактора (или совокупности факторов), опосредующего взаимосвязь религии и политического участия граждан как особого вида непрофессиональной политической деятельности в процессе реализации общественно значимых интересов. Анализ литературы по рассматриваемой проблематике позволил в качестве таких факторов-детерминант / факторов-условий выделить следующие: 1) состояние и (или) динамика развития социально-экономической ситуации в обществе; 2) характер миграционных процессов; 3) актуальные внутриполитические вопросы; 4) уклад жизни, нормы поведения, одобряемые или неодобряемые в рамках религиозных течений; 5) соответствие норм религиозной и гражданской культуры; 6) параметры национальной политической системы; 7) идеологические установки, представляемые политическими элитами; 8) цивилизационные характеристики того или иного социума [15]. На наш взгляд, характер и степень их влияния могут меняться с течением времени и в зависимости от страновой специфики. Поэтому в качестве основной цели исследования выступало выявление в данном перечне одного или нескольких факторов, которые могут выступать в качестве системообразующих для сообществ современных европейских государств.

Для более аргументированного ответа на поставленный вопрос требуется определение параметров религиозности жителей Европы, ведь длительный исторический период религия выступала в качестве онтологической основы жизни личности и государства, она же определяла жизненный уклад человека. Бог как начало большинства религиозных течений

⁴ The ESS – Европейское социальное исследование [Электронный ресурс]. URL: www.ess-ru.ru (дата обращения: 27.11.2019).

единственный претендует на роль гаранта справедливости, чего не могут обеспечить никакие политические силы. Однако помимо идеалистического взгляда на религию стоит отметить, что приверженность к религиозной конфессии зачастую является одним из самых весомых оснований самоидентификации социальной группы в социально-политическом пространстве. Религия, особенно ортодоксальная, опирается на мифологию, тесно переплетённую с историческими событиями. По этой причине религиозное течение, неся в себе особую мировоззренческую позицию, рассматривается как мощный фундамент психологического развития личности и социальной группы, который определяет её право на существование и защиту себя на политической арене.

Согласно материалам общеевропейского мониторинга, уровень религиозности в странах Европы, а также в России на протяжении двадцати лет исследований остаётся достаточно высоким: более половины опрошенных вне зависимости от места проживания относят себя к числу верующих. Аналогичные результаты были получены и в ходе других исследований, проводимых как отечественными, так и зарубежными специалистами [18]. В то же время отнесение гражданами себя к категории верующих не всегда свидетельствует об их принадлежности к той или иной конфессии. Так, в рамках международного опроса Ассоциации Gallup International/WIN «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» респондентам был задан вопрос: «Вне зависимости от того, посещаете ли Вы места общественного богослужения или нет, Вы считаете себя религиозным человеком, нерелигиозным человеком или убеждённым атеистом?», при ответе на который около четверти опрошенных, назвав себя людьми нерелигиозными, указали на веру в Бога или какие-то высшие силы⁵. На этот же факт указывает некоторое уменьшение в течение последнего десятилетия доли лиц, считающих себя последователями какой-либо религии (если в 2006 г. к таковым себя причисляли 61,6 %, то в 2016 г. – 56,3 %). Однако такой негативный тренд напрямую не свидетельствует о потере основными религиозными конфессиями своих позиций в европейских обществах: за рассматриваемый период существенно выросло число приверженцев католицизма (на 16,3 %), иудаизма (на 10,1 %) и ислама (на 5,5 %), что происходит преимущественно за счёт притока мигрантов и некоторого сокращения сегмента сторонников других, менее традиционных религиозных течений.

Выявленные противоречия в самоидентификации граждан по позициям «верующий – неверующий», «религиозный – нерелигиозный», «последователь той или иной религии» являются отражением фрагментарности религиозного сознания жителей европейских государств. Значительная часть респондентов не представляют себе то, во что верят, и вера не всегда влияет на их жизненные цели, установки и образ жизни в целом: исходя из ответов, от-

⁵ См. в ст.: Добрынина Е. Богатые реже молятся // Российская газета. 2012. 7 августа.

ражающих регулярность соблюдения определённых религиозных ритуалов (прежде всего посещения религиозных служб и совершения молитв), только четверть респондентов, относящих себя к числу верующих, можно рассматривать в качестве людей действительно религиозных, остальные воспринимают религию, скорее, как указание на некий статус, что свидетельствует о «размывании» критериев восприятия религиозности. Здесь можно согласиться с мнением Р. Инглхарта, который отмечал: «Сама религия не отмирает. Мы наблюдаем лишь изменение её функции: вместо институционализированной догматической религиозности, обеспечивавшей непреложное соблюдение поведенческих кодексов, в условиях непредсказуемого мира важное место занимают индивидуализированные духовные запросы, удовлетворяющие потребность в осмысленности существования в обществе» [7; 23].

Данная трансформация в массовых представлениях о религиозных нормах отражена в изменении проявления политической активности рядовых членов общества: если ещё в начале 2000-х гг. различие в моделях политического участия верующих и неверующих было очевидным (граждане, не считающие себя последователями какой-либо религии, демонстрировали больший уровень вовлечённости во все политические практики), то материалы волны 2016 г. позволяют говорить, что параметры политической деятельности тех и других практически не различаются. Не наблюдается также взаимосвязь между приверженностью нормам определённой конфессиональной группы и предпочтением отдельных форматов политического участия.

Данный вывод особенно актуален в отношении сторонников ислама, т. к. достаточно типичным для массового сознания является представление о мусульманах как носителях радикальных политических практик, в то время как данные мониторинга указывают, что среди жителей европейских стран, исповедующих ислам (как, впрочем, и среди сторонников других религиозных течений), неконвенциональные формы политического участия относятся к числу наименее востребованных. Восприятие допустимого и недопустимого в политическом поведении представителей различных религиозных сообществ существенно не меняется даже в случаях, когда культурные нормы (в том числе и религиозные) той или иной социальной группы вступают в противоречие с содержанием политических принципов и норм гражданской культуры, доминирующих в данном обществе.

Так, согласно учению ислама, люди не создают законы, а применяют Божественные законы на практике [8, с. 268], поэтому разделение властей невозможно и неприемлемо, т. к. во власти не может быть противоречий. В то же время в европейских странах именно принцип разделения властей заложен в основу функционирования политико-правовой системы [16]. Но, как мы уже отметили, в ходе исследований не было выявлено устойчивых тенденций радикализации политического участия мусульман, в т. ч. и из числа мигрантов. Следовательно, имеющие место факты агрессии со сторо-

ны некоторых из вновь прибывших следует рассматривать скорее как примеры криминогенного поведения, катализатором которого явилась смена среды пребывания.

В академическом сообществе и среди ряда публицистов сложилось мнение, что в Западной Европе политическое участие граждан во многом сводится к защите своей цивилизационной и культурной идентичности. Конечно, политические процессы в Западной Европе, связанные с миграцией, явились серьёзным вызовом как для профессиональных политиков, так и для научного сообщества. С 1960-х гг. общая численность всех мигрантов возросла с 75 млн. до 120 млн. в 1990 г. и до 135 млн. чел. в 2000-х гг. [20]. При этом наибольшее число мигрантов в структуре населения наблюдается в Германии, Франции, Швейцарии, Великобритании⁶. Если до 2000-х гг. социальная политика стран Западной Европы справлялась с пребывающими в страну мигрантами, то сегодня доля аллохтонного населения в европейских государствах растёт, а новых механизмов эффективного политического и социально-экономического согласования интересов принимающего сообщества и мигрантов на данный момент не выработано.

Во многом именно благодаря религиозному фактору миграция в Западную Европу в публицистических изданиях получила статус «новое переселение народов», а в академической литературе – «исламское возрождение» [14; 15]. Вместе с тем анализ данных мониторинга «Европейское социальное исследование (ESS)» показал отсутствие значимой взаимосвязи между переменными, отражающими религиозность граждан европейских государств, восприятие ими миграционных процессов, практикуемые модели политического участия, в том числе и в тех странах, где доля вновь прибывших резко возросла, что не позволяет в настоящее время отнести миграцию к числу системообразующих факторов механизма взаимодействия религии и политической деятельности рядовых членов общества. Однако данный вывод не исключает усиления влияния миграционных течений в будущем, т. к. по мере возрастания объёмов сегмента аллохтонного населения потенциал религии в процессе самоидентификации личности будет увеличиваться, ведь последователи различных конфессий, находясь вне исторического региона своего проживания, стремятся к консолидации для отстаивания своих интересов, как политических, так и неполитических (например, последователи ислама воспринимаются жителями Западной Европы как цивилизационный монолит и особый политический актор, хотя в мусульманских странах существует соперничество между арабами, тюрками, персами и др. за политическое господство). Но и в этом случае воздействие будет носить опосредованный характер: скорее всего, религиозный фактор выполнит функцию катализатора проявления уже сложившихся политиче-

⁶ UNHCR. The UN Refugee Agency [Электронный ресурс] URL: <https://www.unhcr.org/europe-emergency.html> (дата обращения: 10.11.2019).

ских и социально-экономических противоречий, имеющих место в европейских странах.

Вместе с тем нельзя отрицать роль религии при формировании традиций политического участия в том или ином государстве. И в первую очередь целесообразно интерпретировать политическое участие в двух аспектах:

- политическое участие как параметр политической культуры, определяющий степень и формы вовлечённости граждан в политические процессы;
- политическое участие как способ артикуляции и агрегирование политического интереса с последующей его реализацией через политическое действие.

На разных этапах своего исторического развития государства Западной Европы имели опыт теократии – формы правления, при которой духовенство либо имеет больше реальной политической власти, чем государственная политическая элита, либо оказывает определяющее влияние на принятие ключевых политических решений. Европейские государства развивались преимущественно под влиянием христианства, но страновое разделение на католицизм, протестантизм и православие в сочетании с национальным менталитетом сформировало уникальные политические культуры с соответствующими традициями политического участия.

По данным Европейского социального исследования (волны 2012 г., 2014 г., 2016 г.), в странах Западной Европы респонденты, считающие себя религиозными, чаще всего исповедуют католицизм. Экстраполируя данный факт на политическую культуру европейских государств, стоит отметить, что, хотя сегодня европейские страны характеризуются демократическим режимом взаимодействия между государством и обществом, характер отправления (реализации) политической власти соответствует духу католицизма. И если ранее миссия католической церкви сводилась к евангелизации народов и стран, то сегодня западная политическая элита в своём дискурсе ратует за демократизацию мира. Очень образно об этом сказал папа римский Пий XII: «Цивилизация этого мира – есть цивилизация христианская; церковь фактически стала её защитником и хранителем. Этот принцип лёг в основу законодательства многих стран, на нём строились отношения церкви и государства, он оправдывает авторитет церкви в вопросах нравственности, подчинение законов государства божественным законам Евангелия»⁷.

Говоря о православии, также важно учитывать сильное историческое взаимовлияние религии и государства как социально-политических институтов. Мессианские тенденции, присущие православию, выражались в известном тезисе монаха Елеазарова монастыря Филофея «Москва – третий Рим», подразумевая исключительность Московской Руси как духовной

⁷ Enciclica «Il fermo proposito», Vaticano, 11 giugno 1905 [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1905-06_11__SS_Pius_X__Encyclica_'Il_Fermo_Proposito'___FR.doc.html (дата обращения: 10.11.2019).

преемницы Византийской империи. Существенным преимуществом православия как идеологической концепции государства явилось то, что данное религиозное течение создало возможности для постепенной ассимиляции представителей иных религиозных конфессий в политико-культурное пространство православного мира. В условиях нынешнего увеличения притока мигрантов из стран Азии, относящихся к иным культурным и религиозным субъектам мировой истории, в «православной» Российской Федерации эти процессы не вызвали «культурного шока».

В этом смысле протестантизм должен бы быть не менее адаптивным к возрастающему притоку представителей иной культуры, однако на практике это оказалось не так. Протестантская этика дала огромный ресурс ряду европейских государств в отношении развития традиций институционализированного политического участия граждан, а также способствовала росту предпринимательской активности коренных жителей Европы. Но протестантизм оказался замкнут на европейцах (поэтому множество его разновидностей имеют место в странах Европы, что доказывают данные Европейского социального исследования), не дав возможности эффективной ассимиляции людям, исповедующим, например, ислам.

Европейское социальное исследование показало, что на данный момент граждане Европы чаще всего исповедуют католицизм, протестантизм и православие, однако наблюдается рост тех, кто исповедует ислам и иудаизм. Иудаизм по-своему интересен с исследовательской точки зрения. Последователи данного религиозного течения рассеяны во всех европейских государствах. И хоть они немногочисленны по сравнению с представителями иных конфессий, сам дух иудаизма предполагает верность своей религиозной и социальной общности, поэтому представители данной религии хоть и относятся к европейской цивилизации, но самобытны, исключительны, что во многом способствует сохранению еврейской идентичности даже в трудные исторические периоды.

Иными словами, религиозные течения оказали существенное влияние на формирование политических культур и традиций политического участия в странах Западной Европы.

Дальнейшая работа с данными общеевропейского мониторинга, а также привлечение материалов статистики показали, что в современных условиях определяющую роль во взаимосвязи религии и политического участия играет политический контекст / структура политических возможностей [5; 13; 21; 24; 25], сложившаяся в той или иной стране. Параметры политического контекста не только отражают национальный срез состояния и тенденций развития политических институтов и характера деятельности политических элит, но и обуславливают особенности функционирования неэлекторальных арен политического участия, определяя пул открывающихся перед субъектами альтернатив; по мере изменений структуры поли-

тических возможностей от страны к стране сдвигаются и «рамки возможного», что побуждает граждан / группы граждан менять свой выбор политических практик.

Процедура факторного анализа данных мониторинга ESS позволила выявить три фактора, определяющих дифференциацию пространства не-электорального политического участия на самостоятельные арены взаимодействия с присущими им относительной замкнутостью и способностью преломлять все внешние воздействия в соответствии со своей спецификой, наличием собственного репертуара политических практик и требованиями его ресурсообеспеченности. В соответствии с характером базовой практики, обуславливающей возникновение / институционализацию соответствующей арены, нами они были обозначены как декларационная (с наибольшим «удельным весом» такого формата политического участия, как подписание петиций / обращений / открытых писем), локальная (практики которой направлены прежде всего на решение локальных проблем) и партийная (связанная так или иначе с деятельностью политических партий).

При этом в большинстве европейских стран влияние факторов, формирующих декларационный и локальный кластеры, определяется как сильное, но в Германии, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Исландии оно отсутствует. Ситуация с партийной ареной выглядит противоположным образом: в основном массиве она является латентной, и только в Германии, Финляндии, Нидерландах и Швеции реальной. Соответственно, религиозность в первой группе стран в большей мере проявляется во взаимосвязи с функционированием локальных сообществ, и даже идентификация граждан в данном случае происходит не столько на основе религиозного течения, сколько путём «привязки» к религиозной общине данной территории, в то время как во второй группе актуализация религиозных вопросов вызвана обращением к деятельности соответствующих партий. Особенно чётко данную корреляцию мы можем наблюдать в Федеративной Республике Германии, где такие партии, как Христианско-демократический союз Германии и Христианско-социальный союз, занимают наибольшее число мест в Бундестаге. Данные организации возникли после Второй мировой войны, в своих программах они акцентировали внимание на приверженности христианским этическим основам. В условиях поствоенной действительности эти политические силы нашли большую поддержку у граждан государства.

Начиная с 2000-х гг., большинство мест в Бундестаге вновь занимали партии ХДС и ХСС благодаря их приверженности христианским ценностям. Однако справедливости ради стоит отметить, что для партийной системы Германии свойственны типичные для Европы процессы размывания электоральной базы в связи с утратой партиями идеологических различий [1; 12], вместе с тем ориентация на институциональные политические практики

здесь сохраняется и поддержка политических организаций, декларирующих свою религиозную принадлежность, достаточно весома. Подобное включение политических институтов, призванных представлять интересы тех или иных социальных групп, в механизм взаимосвязи религии и моделей политического участия, с одной стороны, формализует возникающие отношения, а следовательно, делает их более предсказуемыми и регулируемыми, а с другой – снижает уровень их конфликтности (ведь каждое религиозное течение изначально ориентировано на тотальность и абсолютизацию своих норм) за счёт воспроизводства согласительных процедур, предусмотренных в рамках данной политической системы.

В свою очередь, в европейских странах, где религиозный фактор преимущественно проявляется в функционировании локальных сообществ, а не-электоральные арены политического участия (за исключением партийной) достаточно развиты, религиозность имеет меньший «удельный вес» в развитии политической субъектности граждан и обладает менее значительным интеграционным потенциалом в национальном масштабе.

В государствах, где трансформация политической системы продолжается, а типизация арен политического участия носит незавершённый характер, религиозные организации могут приобретать самостоятельный политический статус и выступать посредниками в системе взаимоотношений «власть – общество», обеспечивая системе относительную стабильность. В результате как государственные институты, так и базовые структуры гражданского общества (например, некоммерческие организации) стремятся добиться одобрения / поддержки со стороны церкви как залога легитимации их деятельности.

Подобную ситуацию мы можем наблюдать на территории бывшего Советского Союза. Так, относительно России Ю. Ю. Синелина в рамках опроса по изучению уровня доверия различным политическим институтам, проведённого Отделом социологии религии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), привела следующие результаты [15, с. 250–253]. Начиная с 1995 г., в Российской Федерации наблюдается медленный, но неуклонный рост уровня доверия граждан церкви. При этом отмечена значимая зависимость: доверие к церкви сопровождается доверием и к таким политическим институтам, как президент, правительство и армия, что не только указывает на патриархальные тенденции в политическом сознании граждан России, но и отражает роль религии в процессе компенсации недостаточной функциональности данных институтов. При этом политико-религиозное взаимодействие регулируется преимущественно неформальными нормами, в том числе и определёнными предпочтениями со стороны государства, которыми пользуется РПЦ, что позволяет ей выступать представителем всех религиозных организаций в этих отношениях [10]. Аналогичная ситуация складывается и в Украине, ког-

да внутрирелигиозные вопросы подчинения православной общины тому или иному патриархату начинают приобретать политическую окраску, экстраполируясь на взаимоотношения двух государств (России и Украины).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что влияние религиозных норм на политическое участие носит устойчивый, но неявный характер, что во многом обусловлено изменениями в религиозном сознании граждан. О правильности сделанного вывода свидетельствует наблюдаемая в большинстве европейских стран тенденция «привязки» религиозности граждан не к религиозной конфессии, а к религиозной общности, во многом связанная с разрушением триединства категорий «вера – религия – религиозная община». Развивая пример относительно христианства, стоит сказать, что на сегодняшний день идеологическое разделение расширилось и актуализировалось в росте числа деноминаций и местных церквей в европейских государствах. Христианство возникло в Римской империи в I в. н. э., развитие данного религиозного течения прошло путь от уровня учения до мировой религии. Последователи христианства именовались церковью, т. е. религиозной общиной. Иными словами, церковь в истинном христианском понимании выступает не как социальный институт, а как сообщество людей, объединённых единой ценностной системой и мировоззрением. Апостол Павел пишет: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь»⁸.

С течением времени догматы христианской религии оказались востребованы в европейских государствах, в результате чего произошёл процесс сближения сфер политического и религиозного. В этот же период развитие получает христианская догматика, благодаря которой заповеди христианства успешно адаптировались к разным сторонам общественной жизни, в том числе и политической. Данный исторический процесс имеет положительные и отрицательные последствия. Бесспорно, христианство явилось морально-этической основой становления западной цивилизации. В политическом развитии религия успешно выполнила функцию, которую условно можно обозначить как обоснование социально-политических реалий государства в эсхатологическом контексте. Однако столь тесное переплетение религиозного и политического, с одной стороны, несколько кощунственно, ведь религия не может и не должна быть оправданием решений политических деятелей, однако в истории такие идеологические манипуляции имели место. В свою очередь, сакрализация политики ведёт к увеличению властных ресурсов действующей политической элиты, что неизбежно снижает степень её ответственности перед гражданским обществом.

⁸ Библия. Послание апостола Павла Колоссянам 1: 24.

С другой стороны, политизация религии превращает последнюю в социальный институт, что десакрализирует саму религию. Кроме того, рост взаимовлияния религии и политики привёл к тому, что религиозная община трансформировалась из социальной общности, органически связанной с тем или иным религиозным течением, в социально-политический институт, который подчас функционирует самостоятельно от института религии. В сложившихся условиях оторванности ортодоксальной религии от религиозных сообществ, с одной стороны, личность имеет свободу идентификации себя с тем или иным религиозным течением, с другой стороны, религия утрачивает своё детерминирующее воздействие на мышление и образ жизни личности, не оказывает прямого воздействия на его поведение, в том числе политическое. Вместе с тем через актуализацию опосредующих факторов латентная связь религии и политического участия сохраняется. К числу таких факторов, согласно результатам исследования, можно отнести структуру политических возможностей и культурный код политической деятельности, задаваемый религиозными нормами.

При этом можно выделить три варианта влияния религии на формирование параметров политического поведения рядовых членов европейских сообществ. Религиозность в первой группе стран в большей мере проявляется во взаимосвязи с функционированием локальных сообществ, при этом религиозные нормы имеют меньший «удельный вес» в развитии политической субъектности граждан и обладают менее значительным интеграционным потенциалом в национальном масштабе. Во второй группе государств актуализация религиозных вопросов вызвана обращением к деятельности соответствующих политических институтов, призванных представлять интересы тех или иных социальных групп, что, с одной стороны, формализует возникающие отношения, а с другой – снижает уровень их конфликтогенности за счёт воспроизводства согласительных процедур, предусмотренных в рамках данной политической системы. В государствах, где трансформация политической системы продолжается, а типизация арен политического участия носит незавершённый характер, религиозные организации могут приобретать самостоятельный политический статус и выступать посредниками в системе взаимоотношений «власть – общество», обеспечивая системе относительную стабильность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский А. В. Политические партии Германии в начале XXI века: между традицией и модернизацией // Политическая наука. 2015. № 1. С. 48–59.
2. Белла Р. Н. Религия в человеческой эволюции. От палеолита до осевого времени / пер. А. Васильева, А. Соколовского. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2019. 741 с.
3. Бергер П. Л. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. Р. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 240 с.

4. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 155 с.
5. Дука А. В. Структура политических возможностей в институционализации элит [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208991094.pdf (дата обращения: 24.11.2019).
6. Зидентоп Л. Демократия в Европе / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 312 с.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
8. Керимов Г. М. Шариат – закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М., СПб.: ДИЛЯ, 2009. 512 с.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. И. Д. Газиев. СПб.: Наука, 2007. 180 с.
10. Панкратов С. А., Черняев Е. К. Анализ институционального взаимодействия Русской Православной Церкви и государства в контексте понятия «светскость» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 24.11.2019).
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. 240 с.
12. Прохоренко И. Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 2018. 93 с.
13. Пустошинская О. С. Политический протест как концепт: проблема дефиниции // Альманах современной науки и образования 2010. № 1 (32): в 2 ч. Ч. 2. С. 83–87.
14. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики: аналитический доклад / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 2017. 229 с.
15. Синелина Ю. Ю. Религиозность в современной России // Закон секулярности. 2013. № 1. С. 243–255.
16. Синелина Ю. Ю. Циклический характер процесса секуляризации в России (социологический анализ: конец XVII – начало XXI века): автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2009. 54 с.
17. Слобожникова В. С. Корректировка государственно-конфессиональных отношений в 2016 году // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 197–203.
18. Станкевич Г. В. Религия и современный политический процесс // Власть. 2009. № 12. С. 91–94.
19. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций / пер. Т. А. Велимеева. М.: АСТ, 2016. 320 с.
20. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
21. Della Porta D., Diani M. Social Movements: an Introduction. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 2006. 356 p.

22. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization // *Sociology of Religion*. 1999. Vol. 60. Iss. 3. P. 229–247.
23. Inglehart R. F. *Cultural evolution*. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 40 p.
24. Kitschelt H. Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. P. 57–85.
25. Tarrow S. *Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest*. Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1989. 120 p.

REFERENCE

1. Belinskij A. V. [Political Parties in Germany at the Beginning of the 21st Century: Between Tradition and Modernization]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2015, no. 1, pp. 48–59.
2. Bellah R. N. *Religion in Human Evolution. From the Paleolithic to the Axial Age* (Russ. ed.: Vasil'ev A., Sokolovsky A., transl. *Religiya v chelovecheskoj evolyutsii. Ot paleolita do osegovo vremeni*. Moscow, Bibleisko-Bogoslovskii Institut sv. apostola Andrey, 2019. 741 p.).
3. Berger P. L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* (Russ. ed.: Safronov R., transl. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoi teorii religii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 240 p.).
4. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge* (Russ. ed.: Rutkevich E., transl. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, Medium Publ., 1995. 155 p.).
5. Duka A. V. *Struktura politicheskikh vozmozhnostey v institucionalizatsii elit* [The structure of political opportunities in the institutionalization of elites]. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208991094.pdf (accessed: 24.11.2019).
6. Siedentop L. *Democracy in Europe* (Russ. ed.: Inozemtsev V. L., transl. *Demokratiya v Evrope*. Moscow, Logos Publ., 2004. 312 p.).
7. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence* (Russ. ed.: Korobochkin M., transl. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p.).
8. Kerimov G. M. *Shariat – zakon zhizni musul'man. Otveti Shariata na problemy sovremennosti* [Sharia is the law of Muslims life. Sharia answers to the problems of our time]. Moscow, St. Petersburg, DILYA Publ., 2009. 512 p.
9. Luhmann N. *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie* (Russ. ed.: Gaziev I. D., transl. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. St. Petersburg, Science Publ., 2007. 180 p.). c.
10. Pankratov S. A., Chernyaev E. K. [Analysis of institutional interaction between the Russian Orthodox Church and the state in the context of concept “secular”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 24.11.2019).

11. Parsons T. *The system of modern societies (Foundations of modern sociology series)* (Russ. ed.: *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1997. 240 p.).
12. Prokhorenko I. L. *Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v gosudarstvakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European integration and the problem of separatism in the European Union member States]. Moscow, E. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 2018. 93 p.
13. Pustoshinskaya O. S. [Political protest as a concept: the problem of definition]. In: *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2010, no. 1 (32), part 2, pp. 83–87.
14. Semenenko I. S., ed. *Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podkhody, praktiki* [Regulation of ethno-political conflicts and the maintenance of civil consent in the conditions of cultural diversity: models, approaches, and practice]. Moscow, E. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 229 p.
15. Sinelina Yu. Yu. [Religion in modern Russia]. In: *Zakon sekulyarnosti* [Secularity law], 2013, no. 1, pp. 243–255.
16. Sinelina Yu. Yu. *Tsiklicheskiy kharakter protsessa sekulyarizatsii v Rossii (sotsiologicheskii analiz: konets XVII – nachalo XXI veka): avtoref. dis. ... dokt. sotsiol. nauk* [The cyclical nature of the process of secularization in Russia (sociological analysis: late XVII – early XXI centuries): abstract of D. thesis in Sociological sciences]. Moscow, 2009. 54 p.
17. Slobozhnikova V. S. [Correction of state-confessional relations in 2016]. In: *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2016, no. 6 (113), pp. 197–203.
18. Stankevich G. V. [Religion and modern political process]. In: *Vlast'* [Power], 2009, no. 12, pp. 91–94.
19. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (Russ. ed.: Velimeev T. A., transl. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2016. 320 p.).
20. Yudina T. N. [On the sociological analysis of migration processes]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Case studies], 2002, no. 10, pp. 102–109.
21. Della Porta D., Diani M. *Social Movements: an Introduction*. Oxford: Basil Blackwell, 2006. 356 p.
22. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization. In: *Sociology of Religion*, 1999, vol. 60, iss. 3, pp. 229–247.
23. Inglehart R. F. *Cultural evolution*. New York, Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 40 p.
24. Kitschelt H. Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. In: *British Journal of Political Science*, 1986, vol. 16, pp. 57–85.
25. Tarrow S. *Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest*. Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1989. 120 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.11.2019

Статья размещена на сайте: 02.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лаврикова Анастасия Александровна – кандидат политических наук, заместитель директора Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета; e-mail: elav@mail.ru

Болотина Инна Ивановна – аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета; e-mail: innok1706@mail.ru

Anastasiya A. Lavrikova – PhD in Political sciences, Deputy Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University; associate professor at the Department of Sociology and Political sciences, Tula State University; e-mail: elav@mail.ru

Inna I. Bolotina – postgraduate student at the Department of Sociology and Political sciences, Tula State University; e-mail: innok1706@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Лаврикова А. А., Болотина И. И. К вопросу о механизме влияния религии на параметры политического участия граждан в системе отношений «власть – общество» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Lavrikova A. A., Bolotina I. I. Aspects of religion influence on the parameters of citizens political involvement in «power – society» relations system. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327

Муратшина К. Г., Хамзин И. Р.*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Российская Федерация*

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ ТАДЖИКИСТАН В СФЕРЕ ТУРИЗМА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

АННОТАЦИЯ

Целью работы является определение современного состояния двусторонних связей в сфере туризма между Россией и Таджикистаном.

Процедура и методы исследования. Произведён анализ источников – статистики, официальных документов, российских и таджикских СМИ, а также актуальной литературы по теме.

Результаты проведённого исследования. Выявлены направления турпотока между двумя странами, факторы его формирования, примеры реализации дипломатических договорённостей и основные проблемы. Показано, что сотрудничество неравнозначно для каждой из сторон и пока отвечает одной схеме: Россия является источником турпотока и донором опыта, а Таджикистан – их получателем.

Теоретическая и/или практическая значимость. В заключение статьи сформулированы предложения по совершенствованию эффективности данных взаимосвязей для России: развитие стратегии туристического взаимодействия с Центральной Азией, новых маршрутов, а также развитие транспорта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Россия, Центральная Азия, Таджикистан, международное сотрудничество, туризм

СТРУКТУРА

Введение

Статистика турпотоков

Проблемы и возможности их решения

Перспективы сотрудничества

Заключение

K. Muratshina, I. Hamzin

Ural Federal University

19 Mira str., Ekaterinburg 620002, Russian Federation

RUSSIA – TAJIKISTAN COOPERATION IN TOURISM: CURRENT STATE, PROBLEMS AND PERSPECTIVES

ABSTRACT

The purpose of the article is to display the current state of bilateral ties in tourism between Russia and Tajikistan.

Procedure and research methods. The authors analysed primary sources – statistics, official documents, Russian and Tajik mass media, as well as secondary sources – the relevant research articles.

The results of the research. The article displays the character of tourist flow between the two countries, the factors of its formation, the examples of realisation of bilateral agreement on tourism, and the problems of cooperation. The authors conclude, that the cooperation is unidirectional, as it implies one interaction pattern: Russia acts as a source of tourists and supplier of experience, and Tajikistan – its recipient.

Theoretical and/or practical relevance. The authors suggest a number of measures to intensify the cooperation for Russia: development of Central Asia-oriented strategy in tourism, new tourist routes, and connectivity enhancement.

KEYWORDS

Russia, Central Asia, Tajikistan, international cooperation, tourism

ВВЕДЕНИЕ

Туристическая сфера является одним из важных направлений сотрудничества между любыми странами, развивающими партнёрские взаимоотношения. Большое значение имеет она и во взаимодействии России с её ближайшими соседями – бывшими советскими республиками Центральной Азии (ЦА). На фоне большого числа исследований, посвящённых вопросам трудовой миграции из центрально-азиатских государств в РФ, недостаточно изученной долгое время оставалась тема межгосударственного сотрудничества в смежной, совершенно иной области – туризме. Цель данной работы – определить современное состояние туристического взаимодействия между Российской Федерацией и таким государством ЦА, как Республика Таджикистан (РТ). Поскольку тема является недостаточно изученной, научной литературы по ней крайне немного. Данная работа методологически построена на последовательном анализе актуальных первичных источников – статистики, официальных документов, материалов государственных и общественных организаций, занимающихся вопросами туризма, а также новостных лент российских и таджикских СМИ.

СТАТИСТИКА ТУРПОТОКОВ

Для начала рассмотрим статистику двустороннего турпотока. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), за пе-

риод с января по сентябрь 2019 г. в Таджикистан было совершено 104 тыс. турпоездов из России¹, а в Россию за это же время въехали 289 тыс. туристов из Таджикистана². Если посмотреть данные четырёхлетней давности, можно увидеть, что турпоток держится примерно на одном уровне: по данным Федерального агентства по туризму (Ростуризма), в 2016 г. из России в Таджикистан было совершено 110 тыс. турпоездов³; количество же туристов из Таджикистана, посетивших Россию в 2016 г., составило 410 тыс. человек⁴.

К статистике въездного туризма из Таджикистана в Россию имеются серьёзные вопросы. Так, в том же 2016 г. вся численность населения Республики Таджикистан, по данным ежегодника Агентства по статистике при Президенте РТ, составляла 8 551 200 человек⁵, в 2018 г. – 8 931 200 человек⁶. Какие-либо данные по туризму в материалах этого органа отсутствуют. Если растущие цифры въездного туризма в Таджикистан публикуются многими организациями и СМИ, то отыскать данные по выездному туризму из этой страны практически невозможно. Редким исключением можно считать исследование специалистов Таджикского технического университета им. академика М. С. Осими за 2010 г. В нём рассматриваются данные с 2002 по 2008 гг. В нашем случае они представляют хоть какой-то ориентир для подсчётов. Согласно этим данным, в 2008 г. число всех туристов, выезжавших за пределы РТ по всем направлениям, составило всего лишь 43 833 человека [1, с. 63]. Данные Всемирного банка и того меньше: согласно его статистике, в 2008 г. из Таджикистана было совершено всего 11 тыс. турпоездов за рубеж, а в 2015 г. – 16 тыс.⁷ По статистике Всемирной туристской организации ООН, количество всех отправок туристов за рубеж из Таджикистана в 2016 г. составило 22 тыс., а в 2017 г. – 31 тыс.⁸. В таком случае

¹ Число выездных туристских поездок (тыс.) // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-tur1-2.htm (дата обращения: 20.02.2020).

² Число въездных туристских поездок (тыс.) // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-tur1-1.htm (дата обращения: 20.02.2020).

³ Руководитель Ростуризма провел рабочую встречу с послом Республики Таджикистан в России // Федеральное агентство по туризму РФ: [сайт]. [02.02.2018]. URL: https://www.russiatourism.ru/news/14774/?sphrase_id=522735 (дата обращения: 18.02.2020).

⁴ Руководитель Ростуризма провел рабочую встречу с послом Республики Таджикистан в России // Федеральное агентство по туризму РФ: [сайт]. [02.02.2018]. URL: https://www.russiatourism.ru/news/14774/?sphrase_id=522735 (дата обращения: 18.02.2020).

⁵ Демографический ежегодник Республики Таджикистан. 25 лет государственной независимости. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2016. С. 23.

⁶ Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2018. С. 25.

⁷ Tajikistan: International Tourism: Number of Departures // CEICdata.com. URL: <https://www.ceicdata.com/en/tajikistan/tourism-statistics> (дата обращения: 20.02.2020).

⁸ Таджикистан: международный туризм, количество отправок // EconomicData.

число таджикских туристов, побывавших в последние годы в России, должно было быть ещё меньше.

Всё это означает, что Таджикистан отнюдь не стал исключением в свете тенденции добавления в статистику въездного туризма в Россию людей, которые попросту называют туризм целью своего въезда. На самом деле это указывает на проблему отсутствия прозрачного учёта числа трудовых мигрантов и собственно туристов, что во взаимодействии России с бывшими советскими республиками Центральной Азии началось уже более 10 лет назад⁹. Всё это время проблема такого учёта остаётся актуальной и нерешённой.

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Очевидно, малый турпоток из Таджикистана в Россию можно объяснить экономическими проблемами, с которыми центрально-азиатская страна пытается справиться ещё с 1990-х гг., и малой покупательной способностью населения. По данным Азиатского банка развития, даже по меркам этого государства (не говоря уже о сравнении с более успешными экономиками других стран) почти 30 % его населения живёт за чертой бедности¹⁰.

Что касается статистики турпотоков из России в Таджикистан, их малому объёму тоже есть объяснение. Как отмечают российские практики туриндустрии, росту привлекательности РТ для туристов из РФ мешает целый ряд факторов. Пока гостиничная инфраструктура Таджикистана далека от высших стандартов качества обслуживания, недостаточно развит групповой туризм, отсутствуют полностью сформированные и многократно опробованные турпродукты, которые могли бы взять на продажу крупные российские туроператоры, а у имеющихся туров недостаточная конкурентоспособность из-за высоких цен на авиабилеты, даже на фоне безвизового въезда и относительной дешевизны пребывания внутри РТ. Наконец, присутствуют риски безопасности¹¹. Тем не менее можно констатировать, что определённый спрос на таджикское направление имеется. Туры в Таджикистан пользуются высоким спросом у байкеров, любителей гор и в целом природного туризма¹².

ru. URL: https://www.economicdata.ru/country.php?country_show=statistics&cu_id=150&cu_ticker=TJK&menu=europe-country&ticker=TJK.ST.INT.DPRT (дата обращения: 20.02.2020).

⁹ «Туристы» из Украины, Вьетнама, Молдовы и Киргизии «поддержали» въездной турпоток в Россию // ТурПром: [сайт]. [06.09.2010]. URL: <https://www.tourprom.ru/news/10207> (дата обращения: 14.12.2019).

¹⁰ Poverty Data: Tajikistan // Asian Development Bank: [сайт]. URL: <https://www.adb.org/countries/tajikistan/poverty> (дата обращения: 29.02.2020).

¹¹ См., напр.: Узбекистан – премиум-сегмент для туристов из России // Sputnik News: [сайт]. [27.12.2016]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/radio/20161227/4497553/turizm-v-strany-ca.html> (дата обращения: 30.11.2019); Россияне – на втором месте по посещаемости Таджикистана // Новости туризма: [сайт]. [16.11.2019]. URL: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=570757&CN=TJ> (дата обращения: 20.02.2020); Таджикистан выходит на диалог с российским туризмом // Ассоциация туроператоров: [сайт]. [25.01.2019]. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/45791.html> (дата обращения: 19.02.2020).

¹² Россияне – на втором месте по посещаемости Таджикистана.

На фоне такого неравнозначного потока и российские¹³, и таджикские¹⁴ официальные лица заявляют о недостаточном развитии связей и нереализованном потенциале этого направления сотрудничества. РТ выступает стороной, заинтересованной в увеличении турпотока из России. Как отмечает Посол РТ в РФ И. Сатторов, привлечение туристов из России является одним из ключевых направлений развития туристической отрасли Таджикистана. Тем более что «все условия для того, чтобы туристы из России приезжали в Таджикистан, есть: это история, традиции, гостеприимство, свежие овощи, фрукты и, конечно, солнце и чистая горная вода. Тем более все у нас говорят на русском языке, ведь в Таджикистане это язык межнационального общения»¹⁵.

По мнению директора Ассоциации развития туризма Таджикистана Д. Юсупова, наиболее привлекательными видами туризма, которые может предложить РТ, являются приключенческий туризм, альпинизм, активный экотуризм, историко-этнографические и гастрономические туры; а основные географические объекты, которые могут быть в перспективе интересны россиянам, – это Худжанд, Истаравшан, Пенджикент, Саразм (культурно-исторический экскурсионный туризм), Памир и Хатлон (горный туризм, пешие походы, альпинизм, этнотуризм), Ягноб (этнотуры), а также уникальные природные достопримечательности, такие как озёра Фанских гор¹⁶.

Таджикские исследователи в своих работах, посвящённых вопросам привлекательности страны для въездного туризма, пишут о необходимости различных мер, которые их страна должна предпринять в этой области. Так, предлагается расширять рекламную деятельность, проводить больше ознакомительных туров для СМИ и представителей туристического бизнеса, активно развивать инфраструктуру, уделять максимальное внимание вопросам безопасности и комфорта туристов, создавать новые объекты – национальные парки, природные резерваты, строго выполнять обязательства по ратифицированным РТ международным документам, затрагивающим сохранение биологического разнообразия и охрану природных и культурных достопримечательностей [2]. Высказывается также мнение о целесообразности в первую очередь развить ниши горного, оздоровительного и гастрономического туризма и вместе с тем «подготовить общество к притоку иностранных граждан», чтобы местные жители не отторгали их как «чужаков» [3]. Наконец, предлагается развивать молодёжный туризм и молодёжные туристические организации [5]; а самое главное – совершенствовать подготовку кадров [4].

¹³ Руководитель Ростуризма провёл рабочую встречу с послом Республики Таджикистан в России // Федеральное агентство по туризму : [сайт]. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/14774/> (дата обращения: 18.02.2020).

¹⁴ Таджикистан представил россиянам свои возможности по приему туристов // Новости туризма: [сайт]. [24.01.2019]. URL: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=564482&CN=TJ> (дата обращения: 18.02.2020).

¹⁵ Таджикистан и Россия развивают туризм // Радио «Тироз»: [сайт]. [25.01.2019]. URL: <http://tiroz.org/tadzhikistan-i-rossiya-razvivayut-turizm> (дата обращения: 18.02.2020).

¹⁶ Таджикистан выходит на диалог с российским туризмом.

На сайте Посольства РТ в РФ туризму посвящён целый раздел: описываются возможности экотуризма, историко-культурного и рекреационного туризма, пеших прогулок, треккинга, альпинизма¹⁷. В то же время, что примечательно, на сайте Посольства РФ в РТ¹⁸ раздел, посвящённый туризму, отсутствует. Есть только архивная справочная информация о проведении Чемпионата мира по футболу 2018 г. и ряд материалов, посвящённых Крыму, но этого явно недостаточно.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Неравнозначная структура связей закреплена и в подписанном в 2019 г. двумя государствами Соглашении о развитии сотрудничества в области туризма¹⁹. В соответствии с ним предусмотрен целый ряд направлений, по которым страны будут осуществлять сотрудничество в ближайшие годы. Запланировано развитие связей между соответствующими государственными органами сторон и туристическими организациями, продвижение совместных туристических маршрутов и брендов (в качестве примера приводится маршрут «Великий шёлковый путь»), организация тематических конференций, форумов, семинаров, выставок, ярмарок, публикаций и рекламных кампаний в СМИ. Кроме того, предполагается поощрение «как группового, так и индивидуального туризма с целью посещения спортивных мероприятий, музыкальных, театральных и фольклорных фестивалей», экотуризма, альпинизма, рафтинга, санаторно-курортного и гастрономического туризма. Стороны также обязуются оказать «содействие в привлечении инвестиций в сферу туризма, в том числе в строительство туристических баз», «обмен опытом в развитии гостиничного менеджмента», «содействие в подготовке кадров и организации стажировок для представителей туристической индустрии», обеспечить «обмен информацией и опытом работы в области туризма, включая создание туристических комплексов и рекреационных зон, а также информацией о льготах в области инвестиций».

Как видим, в этом документе нет ни слова о том, какие туристические маршруты, турпродукты могла бы предложить Россия, – скорее всего, потому, что они пока не востребованы и, возможно, не изучались и не рассматривались на длительную перспективу. Нетрудно заметить, что направления, содержащиеся в перечне обязательств, на данный момент отражают и закрепляют существующую структуру взаимодействия, в которой Россия является лишь источником турпотока, с одной стороны, и донором опыта развития туристической сферы, с другой, а Таджикистан – активным получателем этого опыта.

¹⁷ Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tajembassy.ru> (дата обращения: 20.02.2010).

¹⁸ Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://dushanbe.mid.ru> (дата обращения: 20.02.2020).

¹⁹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством РТ о развитии сотрудничества в области туризма от 17 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/563664667> (дата обращения: 20.02.2020).

Такая схема сотрудничества, скорее всего, будет продолжать реализовываться и в перспективе. РТ в последнее время активно проводит рекламные мероприятия. Например, в 2019 г. прошли презентация её туристической сферы на Московской международной туристической выставке «МИТТ»²⁰ и форум «Туристические возможности Таджикистана», ориентированный на российскую аудиторию и собравший представителей туристических ассоциаций, санаториев, туроператоров и принимающих компаний Таджикистана, а также российских туроператоров, агентств, авиакомпаний и СМИ²¹. На последнем российской стороне были презентованы довольно разнообразные турпродукты, которые центрально-азиатское государство готово предлагать российским туристам. Среди них как многодневные экскурсионные программы («Великий шёлковый путь», «Восточные легенды» и др. – стоимостью от 200 долл. с человека за 4-дневный тур до 880 долл. за 12-дневный), так и однодневные экскурсии (например, обзорная экскурсия по Душанбе за 45 долл. с человека или выездная экскурсия в Худжандскую крепость за 190 долл. с человека), джип-туры по Памирскому тракту с проживанием в альпинистском лагере, пешие походы в горы с инструктором, комбинированные туры с заездом в Узбекистан (например, «Фанские горы + Самарканд + Бухара»), санаторные путёвки на «Таджикское море» (Кайраккумское водохранилище в Согдийской области) и горнолыжный курорт Сафед-Дара²². Наконец, совсем недавно, в феврале 2020 г., в Москве в «Radisson Collection Hotel» Посольством РТ в РФ были организованы торжественное мероприятие и выставка, посвящённые празднованию 5500-летия города Саразм²³.

Имеются примеры двустороннего сотрудничества и в подготовке кадров для туристической индустрии: так, работающий в Душанбе Российско-Таджикский Славянский университет (РТСУ) предлагает очный и заочный бакалавриат по специальности «Туризм»²⁴.

²⁰ Презентация туристического потенциала Таджикистана на 26-й Московской международной туристической выставке // Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации: [сайт]. [13.03.2019]. URL: <http://www.tajembassy.ru/ru/component/k2/884-prezentatsiya-turisticheskogo-potentsiala-tadzhikistana-na-26-moskovskoj-mezhdunarodnoj-turisticheskoy-vystavke> (дата обращения: 19.02.2020).

²¹ Таджикистан представил россиянам свои возможности по приёму туристов // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/55990/> (дата обращения: 20.01.2020).

²² Таджикистан представил россиянам свои возможности по приёму туристов // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/55990/> (дата обращения: 20.01.2020).

²³ Торжественное мероприятие в честь празднования 5500-летия древнего городища Саразм // Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации: [сайт]. [21.02.2020]. URL: <http://www.tajembassy.ru/ru/press/news/1012-tozhestvennoe-meropriyatie-v-chest-prazdnovaniya-5500-letiya-drevnego-gorodishcha-sarazm> (дата обращения: 22.02.2020).

²⁴ Перечень направлений бакалавриата, специалитета и магистратуры в РТСУ на 2019–2020 учебный год // Официальный сайт РТСУ. URL: <http://www.rtsu.tj/ru/admission/abiturentam/osnovnye-obrazovatelnye-programmy-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya-realizuemye-v-rtsu.php> (дата обращения: 22.02.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сотрудничество в сфере туризма между Россией и Таджикистаном имеет стабильный характер и большой потенциал для развития, однако объём непосредственно турпотока пока очень мал. Очевидно, что абсолютное большинство граждан Таджикистана не могут позволить себе туристические поездки в Россию по причине сложного финансового положения. Для россиян также существует преграда в виде высокой стоимости туров в РТ, с учётом пока ещё недостаточно качественного сервиса в её туристической индустрии, а доля любителей активного познавательного отдыха и экстремального туризма по высоким ценам из нашей страны объективно невелика.

Кроме того, в нынешнем своём состоянии российско-таджикское туристическое сотрудничество является пока неравнозначным по своей сути и по эффекту для партнёров. Центральнo-азиатская страна объективно заинтересована в связях с РФ в области подготовки кадров, в инвестициях, с одной стороны, и в росте въездного туризма из России, с другой. Россия на этом фоне выглядит более инертным партнёром, как будто застывшим в своей роли донора опыта, которого вполне устраивает такое положение дел. Хотя, наверное, следует рассматривать центрально-азиатских соседей не только в привычном ракурсе миграционного вопроса, но и как перспективных партнёров для туристического сотрудничества, потенциально взаимовыгодного, если его спланировать с акцентом на эту аудиторию. Адекватное и равноценное развитие двусторонних туристических связей будет работать в том числе и на имидж РФ в центрально-азиатском регионе. Можно было бы активнее разрабатывать совместные меры, скажем, по совершенствованию транспортного сообщения с тем же Таджикистаном, организовать потенциально интересные и более доступные для туристов из Центральной Азии познавательные маршруты в уральских и сибирских регионах, в Поволжье и на юге России.

Наконец, нельзя не отметить отсутствия должного открытого и прозрачного разделения при составлении статистики собственно туристов, с одной стороны, и мигрантов, с другой, хотя такой учёт необходим как в интересах безопасности, так и для оценки и стратегического планирования двусторонних туристических связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов П. Х., Алибоева М. М. Формирование и развитие предпринимательства в сфере туризма в Республике Таджикистан // Вестник Национальной академии туризма. 2010. № 4. С. 61–64.
2. Бехешти С. С. Предпосылки развития туризма в Республике Таджикистан // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4. С. 38–42.
3. Блиничкина Н. Ю. Развитие туризма как основа системы экономической безопасности Республики Таджикистан // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 4. С. 11–14.

4. Кадырова М. И. Требования сферы туризма к подготовке специалистов по направлениям туристско-экскурсионной деятельности в Республике Таджикистан // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. Т. 10. № 3. С. 25–32.
5. Каримов Р. Э. Туризм как инструмент воспитания молодежи Таджикистана // Туризм как фактор модернизации экономики и развития региона: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. А. Н. Полухиной. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2015. С. 49–53.

REFERENCES

1. Azimov P. Kh., Aliboyeva M. M. [Formation and development of entrepreneurship in the field of tourism in the Republic of Tajikistan]. In: *Vestnik of National Tourism Academy* [Bulletin of the National Academy of Tourism], 2010, no. 4, pp. 61–64.
2. Bekheshti S. S. [Prerequisites for the development of tourism in the Republic of Tajikistan]. In: *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sochi Journal of Economy], 2013, no. 4, pp. 38–42. такое название на английском. Сверено с сайтом
3. Blinichkina N. Yu. [Tourism development as the basis of the economic security system of the Republic of Tajikistan]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management], 2015, no. 4, pp. 11–14.
4. Kadyrova M. I. [Requirements of the tourism sector for the training of specialists in the areas of tourist and excursion activities in the Republic of Tajikistan]. In: *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa* [Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities], 2016, vol. 10, no. 3, pp. 25–32.
5. Karimov R. E. [Tourism as a tool for educating youth of Tajikistan]. In: Polukhina A. N., ed. *Turizm kak faktor modernizatsii ekonomiki i razvitiya regiona: materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Tourism as a factor in modernization of the economy and the development of the region: Materials of the I All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Yoshkar-Ola, Volga State Technical University Publ., 2015, pp. 49–53.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.02.2020

Статья размещена на сайте: 30.03.2020

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENT

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060 «Гуманитарное сотрудничество между Россией и странами постсоветской Центральной Азии: институты, содержание, оценка социальной эффективности».

This research was carried out under a grant of the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10060 “Humanitarian cooperation between Russia and the countries of post-Soviet Central Asia: institutions, content, assessment of social effectiveness”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Муратшина Ксения Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Хамзин Ильдар Рашидович – младший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

Kseniya G. Muratshina – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University; e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Ildar R. Hamzin – Junior Researcher at the Laboratory of Natural Sciences in Humanitarian Research, Ural Federal University; e-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Муратшина К. Г., Хамзин И. Р. Сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в сфере туризма: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Muratshina K. G., Hamzin I. R. Russia – Tajikistan cooperation in tourism: current state, problems and perspectives. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 341.242

Скоморохина О. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВЫХОДА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

АННОТАЦИЯ

Цель. Целью работы является проведение анализа Ахенского договора, заключённого между Францией и Германией в условиях выхода Великобритании из Европейского Союза.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ теоретического материала (текста Ахенского договора 2019 г.). При проведении исследования использовались метод анализа, сравнительно-исторический и институциональный подходы для определения происхождения и сущности Ахенского договора.

Результаты исследования. На основе проведённого исследования можно сделать вывод, что договор подтверждает намерения государств-гегмонов продолжать строить Объединённую Европу.

Теоретическая / практическая значимость. Проведённое исследование помогает дополнить теоретическую картину интеграционных связей в Европе, а также получить представление о перспективах взаимоотношений государств ЕС после выхода Великобритании из Евросоюза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ахенский договор, интеграция Франции и ФРГ, франко-германские отношения, брекзит, Европейский союз

СТРУКТУРА

Введение

Сущность институционализации политических отношений

Исторический аспект институционализации франко-германских отношений в объединённой Европе

Современный этап институционализации франко-германских отношений

Процесс франко-германской интеграции и выход Великобритании из ЕС

Заключение

O. Skomorokhina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ulitsa, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

THE PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION OF THE FRANCO-GERMAN RELATIONSHIP IN THE CONTEXT OF BRITISH EXIT FROM THE EUROPEAN UNION

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article is to analyze the Aachen Treaty concluded between France and Germany in the context of the UK's exit from the European Union.

Methodology and Approach. The analysis of the theoretical material (the text of the Aachen Treaty 2019). The study used the method of analysis, comparative-historical and institutional approach to determine the origin and essence of the Aachen Treaty.

Results. On the basis of the study, it can be concluded that the treaty confirms the intentions of the hegemonic states to continue to build United Europe.

Theoretical and Practical implications. The study helps to complement the theoretical picture of integration relations in Europe, as well as to get an idea about the prospects of relations between EU States after the UK leaves the European Union.

KEYWORDS

Aachen Treaty, France, Germany, international Treaty, Great Britain, Brexit, European Union

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время развитие и углубление двустороннего сотрудничества внутри единой Европы выходит на первый план в силу того, что Евросоюз сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами его целостности и устойчивости: миграционным кризисом, ростом евроскептицизма, выходом Великобритании из блока (брекзита) и др.

Именно в условиях неопределённости лидеры Франции и Германии Эммануэль Макрон и Ангела Меркель 22 января 2019 г. заключили Ахенский договор (Aachen Treaty), углубляющий двустороннее франко-германское сотрудничество.

Таким образом, в условиях кризиса европейского интеграционного процесса крупнейшие государства направляют свои усилия не на углубление интеграции с остальными членами блока, а на усиление двусторонней интеграции, что указывает на выделение среди государств-членов ЕС «центра» и «периферии».

Как отмечает Стивен Кок, необходимость во франко-германской кооперации обусловлена тем, что лидеры указанных стран встали перед лицом насущных и неотложных проблем [9, р. 15]. Вместе с тем Дэвид Хаглунд отмечает значительную противоречивость в формировании внешней стратегии Франции в послевоенные годы в контексте продолжающейся политики голлизма [6].

В связи с вышеизложенными задачами настоящего исследования являются определение происхождения и сущности Ахенского договора, анализ и оценка его содержания, а также выяснение места договора во франко-германских и межъевропейских отношениях.

Методологической основой исследования выступили анализ, сравнительно-исторический и институциональный подходы.

Теоретической базой исследования выступает концепция С. Хантингтона, изложенная им в работе «Политический порядок в изменяющихся обществах» [5].

СУЩНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Говоря о понятийном аппарате, используемом в статье: под институционализацией двусторонних отношений понимается становление нормативно-правового поля (заключение договора, подписание декларации), в рамках которого впоследствии будут реализованы данные отношения, предусмотрены взаимные обязательства и санкции в случае невыполнения взятых сторонами на себя обязательств.

Так, С. Хантингтон под институционализацией понимает процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и стабильность. В свою очередь, уровень институционализации любой политической системы может быть определён адаптивностью, сложностью, автономией и согласованностью её организаций и процедур [5, с. 32]. Иными словами, процесс институционализации политических отношений – это путь устойчивости и стабильности, который является необходимостью для продолжения политического развития. Процесс политической институционализации является для организации или объединения чем-то большим, чем просто инструмент для достижения общих целей.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЪЕДИНЁННОЙ ЕВРОПЕ

В 1960-х гг. на Западе стал складываться новый формат взаимоотношений между государствами, который получил название «европеизма». Обстановка внутри ЕЭС в 1960-х гг. может быть описана как кризисная, так как Франция отказалась участвовать в заседаниях органов сообществ с лета 1965 по 1966 гг., поскольку цель политики Парижа заключалась в укреплении величия Франции на международной арене.

Одним из первых документов, который был направлен на институционализацию двусторонних франко-германских отношений в рамках зарождающейся евроинтеграции, стал Елисейский договор, подписанный 22 января 1963 г. в Елисейском дворце Президентом Франции Шарлем де Голлем и канцлером Германии Конрадом Аденауэром.

Документ устанавливал примирение между народами Франции и Федеративной Республики Германии. Договор стал основой для принципиально новой парадигмы формирования франко-германских отношений. Кооперация Франции и Германии также рассматривалась как шаг к построению объединённой Европы. В сфере внешней политики государства установили регулярные консультации по следующим вопросам:

- проблемы, связанные с европейскими сообществами и европейским политическим сотрудничеством;
- отношения между Востоком и Западом в политической и экономической областях;
- вопросы в рамках Североатлантического договора (далее – НАТО) и других международных организаций, входящих в поле интересов обеих стран [4].

Договор также предусматривал проведение регулярных консультаций по вопросам культурной и образовательной политики. В экономическом аспекте франко-германской кооперации Елисейский договор не содержал в себе каких-либо положений относительно двустороннего экономического сотрудничества государств, так как оно реализовалось через такие механизмы, как Европейское экономическое сообщество (далее – ЕЭС), Европейское объединение угля и стали (далее – ЕОУС), а также Европейское сообщество по атомной энергии (далее – Евратом).

Елисейский договор 1963 г. между Францией и Германией следует рассматривать не как документ, учреждающий союзное государство Франции и Германии, но как консультационный пакт, основанный на единстве интересов сторон и способный гибко адаптироваться к изменяющемуся политическому ландшафту на европейском континенте.

При ратификации Елисейского договора в бундестаге ФРГ в 1963 г. в него была добавлена преамбула, которая входила в противоречия с внешней политикой Франции того времени, а именно: укрепление военного союза с Соединёнными Штатами Америки, углубление интеграции в НАТО, а также приглашение Великобритании к участию в «Общем рынке» [2, с. 39].

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В течение всего периода европейской интеграции Франция и Германия прилагали усилия для продолжения интеграционного процесса и демонстрировали поразительную способность к выработке компромиссов. Несмотря на разногласия относительно оборонной идентичности ЕС от НАТО, в на-

чале 1900-х гг. Франция и Германия сообща выступали за единую внешнюю и оборонную политику [3, с. 270].

В своей речи, произнесённой в сентябре 2017 г. в амфитеатре Парижского университета Сорбонны, Эмманюэль Макрон заявил о необходимости реформирования Европы, более глубокой кооперации с НАТО для усиления обороноспособности континента, в частности, в борьбе с терроризмом. Он также призвал укреплять европейский суверенитет, обеспечивать контроль внешних границ при столкновении с таким вызовом, как миграционный кризис. Макрон также предложил Германии сформировать новое партнёрство с целью придать решительный импульс к обновлению Европы, заключив новый договор о сотрудничестве к 55-й годовщине Елисейского договора в 2018 г.¹.

Следует отметить, что первые два десятилетия XXI в. стали временем испытания для интеграционного процесса в Европе. Именно в этот период в ЕС начал обретать высокую популярность евроскептицизм. Факторами, обусловившими кризис интеграционного процесса, стали состояние экономики и финансовой системы ЕС, проблема внутренней миграции в связи с различием в уровнях экономического развития и социальной жизни стран Европы, высокий уровень бюрократизации евромашины, неспособной быстро реагировать на динамично меняющиеся условия мировой политики, миграционный кризис ЕС, угроза национализма и отказ от концепции мультикультурализма, установление внутренних барьеров внутри Европы [1, с. 48].

В этих условиях спустя 56 лет после подписания Елисейского договора в городе Ахен 22 января 2019 г. было заключено соглашение о двустороннем франко-германском сотрудничестве – Ахенский договор (Aachen Treaty), который включает в себя 28 статей, разделённых на 7 глав:

- «Европейские дела»;
- «Мир, безопасность и развитие»;
- «Культура, образование, наука и мобильность»;
- «Региональная и трансграничная кооперация»;
- «Устойчивое развитие, климат, окружающая среда и экономические отношения»;
- «Организация»;
- «Заключительные положения».

Во второй главе Договора «Мир, безопасность и развитие» особый акцент делается на углублении франко-германского сотрудничества как в рамках НАТО, так и при укреплении кооперации между своими вооружёнными силами с целью создания общих оборонных программ.

¹ President Macron gives speech on new initiative for Europe // Elysee.fr. [26.09.2017]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/president-macron-gives-speech-on-new-initiative-for-europe.en> (дата обращения: 10.07.2019).

В сфере обороны и безопасности Ахенский договор также предусматривает создание франко-германского Совета по обороне и безопасности с целью координации осуществления взаимных обязательств по этим вопросам.

Одним из ключевых аспектов Договора является положение ст. 4, в котором закрепляется обоюдная готовность отвечать на военную агрессию третьей стороны, что является аналогом 5-ой статьи устава НАТО², а также 42-ой статьи Договора о Европейском Союзе³.

Прорывным решением в рамках Ахенского договора стало укрепление усилий Франции и Германии по реформированию Совета Безопасности Организации Объединённых Наций (далее – СБ ООН), нацеленных на принятие Германии в качестве постоянного члена СБ ООН. При этом Париж отверг предложение вице-канцлера Германии относительно того, чтобы ЕС как надгосударственный механизм занял место Франции в СБ ООН и представлял интересы Европы⁴. Кроме того, Франция и Германия договорились выработать двусторонние правила экспорта вооружения.

В 3 главе так же, как и в Елисейском договоре, закрепляются положения относительно взаимных франко-германских проектов в сфере культуры, образования, научных исследований. Например, государства планируют увеличить число двуязычных франко-немецких школ и гимназий, в которых можно будет получать аттестат о среднем образовании как по германской системе, так и по французской.

В 4 главе «Региональная и трансграничная кооперация» утверждается принцип устранения препятствий на приграничных территориях, в частности, в экономической, социальной, природоохранной, санитарной, энергетической и транспортной сферах.

Глава 5, посвящённая устойчивому развитию, климату, окружающей среде и экономическим отношениям, не имеет своего прототипа в Елисейском договоре 1963 г. В этой главе также учреждается франко-германское сотрудничество в рамках реализации многосторонних документов, в частности Парижского соглашения от 12 декабря 2015 г.⁵ и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁶

² The North Atlantic Treaty. Washington D.C. 4 April 1949 // Nato.int. URL: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 09.07.2019).

³ Treaty on European Union. Maastricht. 7 February 1992. [Электронный ресурс]. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaen/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 09.07.2019).

⁴ Germany calls for France to give its UN Security Council seat to the EU // France24.com. [28.11.2018]. URL: <https://www.france24.com/en/20181128-paris-france-german-proposal-un-eu-macron-merkel-security-council-nations> (дата обращения: 09.07.2019).

⁵ Парижское соглашение // UN Climate Change: [сайт]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Официальный сайт ООН. [25.09.2015]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 01.07.2019).

В целом Ахенский договор является ответом на вызовы, которые стоят перед Европой в XXI в., а именно: рост национализма и популизма, дезинтеграционный процесс, угрозы терроризма, изменение климата и др.

Тем не менее именно проблемы обороны, безопасности, укрепления сотрудничества в рамках НАТО являются первоочерёдными задачами лидеров Евросоюза в силу того, что брекзит нанёс серьёзный удар по безопасности и обороне ЕС, поскольку именно Соединённое Королевство занимало прежде одну из ключевых позиций в сфере европейской оборонной политики.

ПРОЦЕСС ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ВЫХОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕС

Следует отметить, что заключение Ахенского договора – это возможный путь решения накопившихся проблем единой Европы. После брекзита ЕС должен сформировать принципиально новую модель общей внешней политики и политики безопасности, но Ахенский договор демонстрирует нацеленность Франции и Германии к централизации оборонного потенциала Евросоюза в их руках. С другой стороны, членство Великобритании в НАТО будет давать ей возможность влиять на европейскую архитектуру безопасности и после брекзита.

В любом случае брекзит будет означать снижение оборонного потенциала ЕС. Вследствие чего для Франции и Германии актуально консолидировать проблематику укрепления оборонного потенциала ЕС вокруг новой стратегии сотрудничества при том условии, что Германия и Франция рассматривают друг друга в качестве основных партнёров [10].

Ратификация договора в условиях выхода Великобритании из ЕС позволит успешно сформироваться франко-германскому сотрудничеству внутри ЕС, усилив тем самым лидерство этих стран в евроблоке. Последнее, впрочем, может привести как к укреплению европейской интеграции, так и к формированию альтернативной модели взаимодействия в рамках Евросоюза. Отдаление Франции и Германии от государств «новой Европы», ставших членами ЕС в рамках большого расширения в 2004 г., говорит о продолжающейся «интеграции различных скоростей», что приобретает иной смысл в условиях брекзита.

Разноскоростная интеграция при нарастании националистических взглядов в государствах ЕС может дать обратный эффект: реализация интеграции «вглубь» будет проведена только среди государств-гегемонов, а также государств – основателей евроинтеграции. Страны Центральной и Восточной Европы, которые были присоединены к ЕС в рамках «большого расширения» в 2004 г., не входят в формирующуюся зону влияния интеграционных процессов на западе ЕС. Иными словами, оживление и усиление франко-германского сотрудничества на фоне кризиса евроинтеграции может стать началом субрегионализма внутри европейского интеграционного процесса.

Ахенский договор не затрагивает таких актуальных проблем для Евросоюза, как миграционная политика, а также энергетическая безопасность и энергоэффективность. Тем не менее договор можно рассматривать как механизм реформации ЕС «изнутри», а также продвижения французских интересов внутри блока [8, р. 192].

Достаточно неожиданным в свете подписания Ахенского договора выглядит также решение властей Франции поддержать поправки к Газовой директиве ЕС, предусматривающей распространение ключевых принципов регулирования европейского рынка газа на трубопроводы за пределами сообщества. Объясняя свою позицию, французская сторона указывала на недопустимость усиления зависимости Европы от российского газа, а также на возможность нанесения ущерба интересам стран ЕС, таких как Польша и Словакия⁷, от введения в строй «Северного потока – 2». Наличие противоречий подобного рода может иметь самые серьёзные последствия для союзников по ЕС. Так, в рамках франко-германских разногласий по вопросу реализации проекта «Северный поток – 2» Президент Франции Э. Макрон отменил своё участие в Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, в ходе которой было запланировано совместное выступление Президента Франции с Канцлером ФРГ Ангелой Меркель.⁸

Трудность реализации заключённого между Францией и Германией соглашения в рамках выхода Великобритании из ЕС также обусловлена необходимостью выработки двумя странами согласованной политики. Но достижение общественно-политического компромисса в государствах-подписантах для реализации принципов Ахенского договора затруднено внутренними проблемами каждого из них.

Эффективность франко-германского сотрудничества в Евросоюзе сейчас вовсе находится под вопросом, так как в условиях меняющегося политического ландшафта на первый план выходят националистические и евроскептические силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно отметить, что значение Ахенского договора, заключённого лидерами Франции и Германии, в условиях выхода Великобритании из ЕС не формирует принципиально новой повестки дня в европейской интеграции.

Договор по своей сути носит номинальный характер, не декларируя никаких новых принципов европейской интеграции после брекзита. Более того, в Договоре даже не упоминаются такие вызовы евроинтеграции, как

⁷ SZ: Париж поддержит поправки к газовой директиве ЕС против «Северного потока – 2» // ТАСС: [сайт]. [07.02.2019]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6088054> (дата обращения: 10.07.2019).

⁸ Макрон отказался ехать в Мюнхен из-за разногласий с Меркель по «Северному потоку – 2» // Известия: [сайт]. [07.02.2019]. URL: <https://iz.ru/843192/2019-02-07/makron-otkazalsia-ekhat-na-forum-v-miunkhene-iz-za-raznoglasiy-s-frg-po-severnomu-potoku-2> (дата обращения: 10.07.2019).

брекзит, миграционный кризис, энергетическая безопасность и др. По сути, договор 2019 г. является лишь подтверждением намерения Франции и Германии продолжать строить единую и сильную Европу, что декларировал и предыдущий Елисейский договор.

Вместе с тем сам факт заключения Ахенского договора лишь подтверждает деление государств Европы на «центр» и «периферию», «ведущих» и «ведомых», так как в течение всей процедуры по выходу Великобритании из ЕС государства блока не пришли к подписанию документов, ослабляющих дезинтеграционные процессы.

В этой связи, как отмечают учёные У. Кротц и Дж. Шильд, возможными сценариями развития евроинтеграции после брексита могут стать: рост гегемонии Германии, упадок ЕС или обновление франко-германского союза внутри блока [7, р. 1176].

Дальнейшее развитие событий продемонстрирует, какой из предложенных вариантов воплотится в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев М. В. Закат Евросоюза [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 4 (12). URL: <http://olimpiks.ru/o-zhurnale> (дата обращения: 09.07.2019).
2. Марадеев И. Э. Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37). С. 35–44.
3. Рангулова Э. Т. Маастрихт как испытание франко-германского тандема // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 4 (22). С. 268–271.
4. Управление внешнеполитической информации МИД СССР: сборник основных документов и материалов по Североатлантическому блоку (1963–1964). М., 1965. 856 с.
5. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
6. Haglund D. G. Alliance Within The Alliance?: Franco-German Military Cooperation And The European Pillar Of Defense. Abingdon: Routledge, 2019. 228 p.
7. Krotz U., Schild J. Back to the future? Franco-German bilateralism in Europe's post-Brexit union // Journal of European Public Policy. 2018. № 25 (8). P. 1174–1193.
8. Schild J. Französische Europapolitik unter Emmanuel Macron. Ambitionen, Strategien, Erfolgsbedingungen // Integration. 2017. № 40 (3). P. 177–192.
9. Kocs S. A. Autonomy Or Power?: The Franco-German Relationship and Europe's Strategic Choices, 1955–1995. Westport: Praeger, 1995. 296 p.
10. Zunneberg C. 'What are the dynamics between EU heavyweights in the face of Brexit?' // European Council on Foreign Relations: [сайт]. [16.08.2017]. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_what_are_the_dynamics_between_eu_heavyweights_brexit_7222 (дата обращения: 09.07.2019).

REFERENCES:

1. Vasil'ev M. V. [The Decline of the European Union]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development], 2017, no. 4 (12). Available at: <http://olimpiks.ru/o-zhurnale> (accessed: 09.07.2019).
2. Magadeev I. E. [The German policy of Paris in the 20th of XX century in the light of the First World War lessons]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2014, no. 4 (37), pp. 35–44.
3. Rangelova E. T. [Maastricht as a test of the Franco-German tandem]. In: *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University], 2010, no. 4 (22), pp. 268–271.
4. *Upravlenie vneshnepoliticheskoi informatsii MID SSSR: sbornik osnovnykh dokumentov i materialov po Severoatlanticheskomu bloku (1963–1964)* [Foreign policy information department of the USSR foreign Ministry: a collection of basic documents and materials on the NATO (1963–1964)]. Moscow, 1965. 856 p.
5. Huntington S. Political Order in Changing Societies (Russ. ed.: Rokityansky B. P., transl. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 480 p.).
6. Haglund D. G. Alliance Within The Alliance?: Franco-german Military Cooperation And The European Pillar Of Defense. Abingdon, Routledge, 2019. 228 p.
7. Krotz U., Schild J. Back to the future? Franco-German bilateralism in Europe's post-Brexit union. In: *Journal of European Public Policy*, 2018, no. 25 (8), pp. 1174–1193.
8. Schild J. Französische Europapolitik unter Emmanuel Macron. Ambitionen, Strategien, Erfolgsbedingungen. In: *Integration*, 2017, no. 40 (3), pp. 177–192.
9. Kocs S. A. Autonomy Or Power?: The Franco-German Relationship and Europe's Strategic Choices, 1955–1995. Westport, Praeger, 1995. 296 p.
10. Zunneberg C. 'What are the dynamics between EU heavyweights in the face of Brexit?'. In: *European Council on Foreign Relations*. [16.08.2017]. Available at: https://www.ecfr.eu/article/commentary_what_are_the_dynamics_between_eu_heavyweights_brexit_7222 (accessed: 09.07.2019).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.07.2019

Статья размещена на сайте: 12.02.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скоморохина Оксана Александровна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: oa.skomorokhina@gmail.com

Oksana A. Skomorokhina – postgraduate student at the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: oa.skomorokhina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Скоморохина О. А. Процесс институционализации франко-германских отношений в контексте выхода Великобритании из Европейского союза // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Skomorokhina O. A. The process of institutionalization of the Franco-German relationship in the context of British exit from the European Union. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 15943-057.87

Самосват О. И., Брежнева Т. С., Шмеерова Е. Р.

Акционерное общество «Крибрум»

121205, г. Москва, Территория инновационного центра «Сколково», Большой б-р, д. 42, стр. 1,

Российская Федерация

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛОКИРОВКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ГРУПП В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление проблем эффективности мероприятий по блокировке деструктивных групп в социальных сетях и формулировка рекомендаций для повышения эффективности данных мероприятий.

Процедура и методы исследования. Исследование проводилось на базе открытых данных социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram) с февраля 2016 по июль 2019 гг. Исследовались деструктивные группы: колумбайн-группы, а.у.е., группы смерти. Методы анализа: контент-анализ, критический дискурс-анализ, комплексно-процессуальный метод, метод наблюдения, статистические методы.

Результаты проведённого исследования. На настоящий момент мероприятия по блокировке деструктивных групп малоэффективны. С момента начала блокировок число вовлеченных в деструктивные группы выросло беспрецедентно. Установлены погрешности в механизме блокировки.

Теоретическая и практическая значимость. По результатам исследования выработан метод повышения эффективности блокировки деструктивных групп в социальных сетях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

блокировка сообществ, социальные сети, деструктивные группы, группы смерти, а.у.е., колумбайн-группы

СТРУКТУРА

Введение

Результаты и обсуждение

Выводы

O. Samosvat, T. Brezhneva, E. Shmeerova

"Kribrum" JSC

42/1 Bolshoy bulvar, The territory of the Skolkovo innovation center, Moscow 121205, Russian Federation

THE EFFECTIVENESS OF BLOCKING DESTRUCTIVE GROUPS IN SOCIAL NETWORKS

ABSTRACT

The purpose. To identify the effectiveness of measures used in blocking malicious destructive social media groups and to work out recommendations to increase the efficiency of these measures.

Procedure and research methods. The basis of the research are available relevant social media posts dating from February 2016 to July 2019 from open social networks: VKontakte, Facebook, Odnoklassniki, Instagram. The following groups: Columbine shooting, "A.Y.E", death/suicide groups were studied. Analysis methods include content analysis, critical discourse analysis, process-integrated method, observation method, examination of activity results method, statistics.

The results of the research. Currently, attempts to block groups prove to be ineffective. Since the start of blocking the number of participants multiplied. The process of blocking suffers a number of faults.

Theoretical and practical relevance. The result of the research is the effective strategy of blocking destructive groups in social networks

KEYWORDS

blocking online communities, social networks, destructive groups, death/suicide groups, «A.Y.E.», columbine groups

ВВЕДЕНИЕ

Деструктивные течения в интернет-пространстве – это объединения в интернет-пространстве, которые прямо или косвенно распространяют деструктивное поведение [3, с. 3].

Деструктивное поведение – это разрушительное поведение, направленное вовне или на самого себя, приводящее к нарушению качества жизни человека, снижению критичности к своему поведению, когнитивным искажениям восприятия и понимания происходящего, эмоциональным нарушениям, что, в итоге, приводит к состоянию социальной дезадаптации личности [3, с. 10; 12, с. 85].

На сегодняшний день в социальных сетях пользуются популярностью следующие деструктивные движения: ультрадвижение, а.у.е., наркомания, скулшутинг, суицидальные группы и группы смерти, анархизм и др. На территории Российской Федерации запрещены – группы смерти, а.у.е. и скулшутинг.

Группы смерти – группы в социальных сетях, предлагающие подросткам принять участие в игре, конечная цель которой – самоубийство. После случаев подростковых смертей в 2015–2016 гг., совершённых под принуждением «кураторов», был принят закон, согласно которому все группы, в которых публикуются материалы, призывающие к суициду, должны быть заблокированы [9, с. 39].

Скулшутинг (иногда «колумбайн», по названию самого известного скулшутинга) – вооружённое нападение одного или нескольких человек на обучающихся внутри образовательного учреждения. В России движение скулшутинга начало формироваться летом 2017 г., в сентябре того же года произошёл первый случай вооружённого нападения на школу участника этого движения в г. Ивanteeвка Михаила Пивнева.

А.У.Е. – культура «Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство». Движение изначально существовало как самостоятельное течение, но после первых случаев блокировки сообществ данной тематики в 2018 г. начало сливаться с «Ультравдвижением» и продолжает формирование по сей день. Участники движения периодически устраивают групповые драки и массовые беспорядки, часто наносят вред здоровью и жизни друг друга, мирному населению, портят имущество.

Данные деструктивные группы запрещены на территории РФ Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7, с. 94]. За безопасностью подростков в сети следят несколько уполномоченных ведомств: Федеральная служба Российской Федерации по контролю над оборотом наркотиков (ФСКН России), Роспотребнадзор, Роскомнадзор, Центр Изучения и Сетевого Мониторинга Молодёжной Среды.

Изучению проблемы деструктивного поведения в социальных медиа посвящены научные работы зарубежных и отечественных социологов, криминалистов, психологов, психиатров, юристов и т. п. Особое внимание уделяется направлениям: криминогенные последствия воздействия социальных медиа (Р. В. Анхимова, Е. В. Щетинина, С. Томпсон) [2; 15; 18], механизмы и причины возникновения деструктивного поведения (Д. Г. Давыдов, К. Д. Хломов, Т. Балаева, В. О. Карпов, П. Лэнгман, А. М. Бычкова, Э. Л. Раднаева, С. Бауман) [8; 5; 13; 6; 16], социально-психологические особенности лиц, вовлечённых в деструктивные движения (Ю. М. Пасовец, Л. В. Баева, Л. С. Акопян, С. С. Мишина, С. А. Игумнов, В. В. Зарецкий, Е. Ю. Шамарова, О. И. Ефимова, С. П. Хиндуня) [14; 4; 1; 11; 10; 17]. По данным портала www.eLibrary.ru, с 2016 г. число статей, посвящённых исследованию деструктивного поведения в социальных медиа, выросло в 3 раза.

В начале 2018 г. подписан закон о внесудебной блокировке групп и сообществ, распространяющих опасную для здоровья и жизни несовершеннолетних информацию. Блокировка группы осуществляется вследствие ре-

шения уполномоченных органов (Роскомнадзор, Роспотребнадзор, ФСКН) (Федеральный закон № 139-ФЗ), вследствие решения суда и вследствие решения администрации социальных сетей.

Кроме того, социальные сети, такие как, например, Facebook и ВКонтакте, предоставляют своим пользователям возможность пожаловаться с помощью кнопки «Пожаловаться» на сообщество, аккаунт, публикацию, комментарий, если контент распространяет запрещённую информацию или спам. На сайте Роскомнадзора также существует форма, в которую можно внести жалобы относительно сайта или сообщества, содержащего неправомерный контент.

Однако, несмотря на практику блокировок, в социальных сетях всё ещё присутствуют запрещённые деструктивные группы и проявляют свою активность. Понимая актуальность и важность темы, мы сформировали задачи исследования:

1. изучить особенности распространения запрещённых в России молодёжных деструктивных групп в социальных медиа (скулшутинг, а.у.е., группы смерти);
2. изучить особенности блокировки запрещённых в России молодёжных деструктивных групп в социальных медиа (скулшутинг, а.у.е., группы смерти);
3. изучить эффективность блокировок и реакцию деструктивных групп на проводимые мероприятия по блокировке;
4. выработать рекомендации по повышению эффективности блокировки запрещённых в России молодёжных деструктивных групп в социальных медиа (скулшутинг, а.у.е., группы смерти);

Исследование проводилось на базе социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Twitter, Одноклассники, Instagram) с февраля 2016 по июль 2019 гг. Базой для анализа стали все публикации социальных медиа, находящиеся в открытом доступе; эффективность блокировки исследовалась на деструктивных течениях: колумбайн-группы, а.у.е., группы смерти. Критериями отбора групп для исследования являлись: открытость группы, соответствие группы деструктивной тематике, активность группы (обновление не реже раза в полугодие).

Группы выявлялись по наличию в их названии слов-маркеров, соответствующих лексике деструктивного движения (колумбайн-сообщества: «колумбайн», «Эрик харрис» и «дилан клиболд», «скулшутинг», «wrath», «natural selection» и т. п.; а.у.е.: «жизнь воров», «блатота», «босота» и т. п.; группы смерти: «красная сова не спит», «разбуди меня в 4.20», «море китов», «тихий лес», «тихий дом», «u19» и т. п.), по наличию на аватаре группы изображений и символов, характерных для движения (колумбайн-сообщества: изображение школы колумбайн, изображение скулшутеров; а.у.е.: изображение звезды воров, аббревиатур, популярных среди сторонников движения, тюремной символики; группы смерти: депрессивные и мрачные

изображения, изображение известных самоубийц, изображение китов), по наличию опубликованных материалов по основной тематике деструктивных движений (более 40 % от всех материалов группы). В каждой группе были проведены количественный анализ параметров: общего числа подписчиков, числа публикаций группы, общего числа реакции пользователей на материалы в виде лайков, репостов, комментариев – а также качественный анализ параметров: модальности сообщений, тематики сообщений, поведенческих и коммуникативных паттернов активности. Было выделено общее число подписчиков (без учёта пересечений) и установлены особенности коммуникативной активности для каждого деструктивного движения. Был сформирован список администраторов групп и самых активных участников групп, а также были проанализированы их связи (глубиной до 3 круга связей).

Замеры эффективности блокировки деструктивных групп проводились не реже одного раза в неделю в фазе активного распространения деструктивного течения (для групп смерти: февраль – май 2016 г., ноябрь – декабрь 2017 г., январь – май, декабрь 2018 г.; для колумбайн-групп: сентябрь – декабрь 2017 г., январь – май 2018 г., сентябрь – декабрь 2018 г., февраль – май 2019 г.; для а.у.е.: июнь – сентябрь 2017 г., февраль – март 2018 г., июнь – июль 2019 г.).

Методы анализа: метод изучения продуктов деятельности, в частности контент-анализ (число публикаций группы, общее число реакции пользователей на материалы в виде лайков, репостов, комментариев, модальность сообщений, тематика сообщений); критический дискурс-анализ (поведенческие и коммуникативные паттерны активности), комплексно-процессуальный метод (тематика сообщений), метод наблюдения, статистические методы (мода, медиана, среднее и т. п.).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам анализа эффективности блокировки деструктивных течений, признанных опасными для подростков, нами были установлены следующие особенности и тенденции.

Во-первых, блокировка групп никогда не происходит тотально. После вступления в силу распоряжения о блокировке групп, относящихся к конкретному течению, все установленные группы блокируются в течение 7–10 дней поэтапно с шагом в 1–2 дня. В первые дни блокируется лишь третья часть групп, затем ещё часть, и только к концу недели заблокированными оказываются около 92 % групп. Остальные 8 % групп не блокируются, так как они признаются не соответствующими описанию группы данного течения.

Во-вторых, блокируются сами группы, но не их администраторы и активные участники.

В-третьих, не блокируются смежные деструктивному течению группы, которые также являются частью движения или косвенно распространяют движение. Например, в рамках блокировки колумбайн-групп закрывают группы, посвящённые Эрику и Дилану (стрелки из школы Колумбайн), но не блокируют групп, посвящённых Адаму Лэнза (стрелок из Сэнди-Хук).

В-четвёртых, блокировки групп и аккаунтов имеют свои особенности:

Блокировка групп

- «Порционное» ограничение доступа деструктивных групп приводит к тому, что участники заблокированных групп публикуют в активных группах сообщения с предупреждением о блокировках.

- Блокировка групп без блокировки лидеров не имеет должного эффекта. Заинтересованные подписчики связаны друг с другом (подписаны друг на друга, следят за активностью друг друга). В случае блокировки тематических групп лидеры движений либо сами создают новые группы и приглашают в них подписчиков, либо распространяют информацию о новых группах со своего персонального аккаунта.

Блокировка аккаунтов

- Временная блокировка аккаунта с возможностью восстановления не приносит долгосрочных результатов. Для восстановления аккаунта требуется лишь ответить на пару вопросов администратора и сменить пароль.

- Полная блокировка одного или нескольких аккаунтов лидеров с сохранением доступа аккаунтов других лидеров этого же течения не достаточно эффективна. При блокировке одного из лидеров другие лидеры помогают ему восстановиться или создать новый аккаунт.

На настоящий момент эффективность блокировки деструктивных групп оценивается как «ниже среднего» в виду следующих особенностей трансформации самих групп:

1. Рост числа групп и числа последователей в деструктивном течении после блокировки.

- на сентябрь 2017 г. насчитывалось 10 групп в тематике «колумбайн» (суммарное число последователей около 1,5 тыс. аккаунтов), после нападения Михаила Пивнева 5 сентября на школу Ивантеевки и широкого освещения произошедшего в СМИ число групп выросло до 45 (суммарное число последователей 8756 аккаунтов). В декабре начались первые блокировки данных групп, однако, не смотря на тотальную блокировку, к апрелю 2018 г. в сети действовало 38 групп, а число их последователей выросло в 1,5 раза. Ровно через год (даже в условиях постоянных блокировок) число колумбайн-групп выросло до 83 (суммарное число последователей 17243). Таким образом, после блокировок число колумбайн-групп только выросло в 8 раз, а число последователей выросло почти в 12 раз (рис. 1, 2).



Рисунки 1, 2 / Figures 1, 2.

Количество групп по скулшутингу в 2017, 2018 и 2019 гг. и их популярность среди пользователей (общее количество подписчиков).

The number of schoolshooting groups in 2017, 2018 and 2019 and their popularity among users (total number of subscribers)

- к февралю 2016 г. группы смерти уже тотально блокировались, на начальном этапе данных групп было менее 40 со средним числом последователей от 40 до 350 человек. Однако, после того как в феврале тема вызвала массовую панику, подвергшись широкому обсуждению в СМИ и социальных сетях, число групп и их последователей выросло более чем на 400 %. В октябре – декабре 2017 г. действовало примерно 14 групп с общим числом подписчиков 450 аккаунтов. С января по май 2018 г. действовало 9 групп с общим числом подписчиков более 1,2 тыс. аккаунтов. Последняя активность отмечается в декабре 2018 г., тогда действовало 6 групп с общим числом последователей около 9 тыс. аккаунтов. **Таким образом, после блокировок число групп смерти первоначально выросло на 400 %, на данный момент они продолжают существовать, не смотря на блокировку. Число вовлечённых больше в 3 раза, чем было до блокировки (рис. 3, 4).**

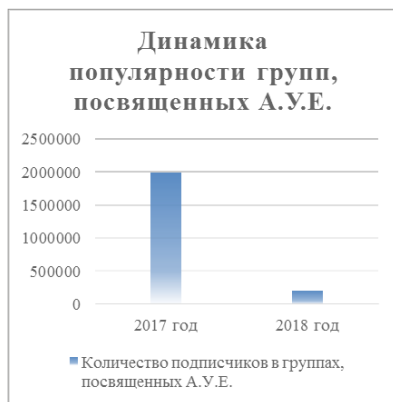


Рисунки 3, 4 / Figures 3, 4.

Количество групп смерти в 2016, 2017 и 2018 гг. и их популярность среди пользователей (общее количество подписчиков).

The number of death groups in 2016, 2017 and 2018 and their popularity among users (total number of subscribers)

• на ноябрь 2017 г. насчитывалось более 2 тыс. групп, посвящённых а.у.е., с числом подписчиков до 290 тыс. Активно блокировать их начали с конца мая 2018 г. С начала блокировок движение а.у.е. присоединилось к ультрадвижению и растворилось в нём. Однако самостоятельных групп движения даже сейчас насчитывается 91 с общим числом подписчиков более 200 тыс. аккаунтов. Ультрадвижение насчитывает более 40 групп, которые суммарно собирают аудиторию в 25 млн. аккаунтов. **Таким образом, после блокировки групп а.у.е. число их снизилось за счёт миграции в другое движение (однако они продолжают существовать, не смотря на блокировку), число последователей беспрецедентно выросло (рис. 5, 6).**



Рисунки 5, 6 / Figures 5, 6.

Количество групп смерти в 2017 и 2018 гг. и их популярность среди пользователей (общее количество подписчиков).

Number of death groups in 2017 and 2018 and their popularity among users (total number of subscribers)

- Установлено, что после блокировки не удаётся полностью заблокировать распространение движения. Более того, число последователей его только растёт – это можно объяснить как запретностью групп (что вызывает интерес подростков), так и широким освещением темы в СМИ.

2. Перемещение групп с одной площадки на другую.

- Установлено, что тотальная блокировка в одной социальной сети приводит к тому, что группы перемещаются в другую сеть. Замечен рост числа последователей колумбайн-групп в социальных сетях Instagram, Twitter и Tumbler после массовой блокировки групп во ВКонтакте.

- В случаях, когда все социальные сети одинаково тотально блокируют деструктивные группы, как, например, группы смерти, деструктивное течение уходит на защищённую платформу, так называемый Darknet.

3. Мутация групп и их полная «перепрошивка».

- Блокировки групп приводят к тому, что они мутируют, изменяя свой сленг, свои поведенческие особенности и тип публикуемого контента. Например, группы смерти каждый день меняют хэштеги, по которым их вычисляют надзирающие органы; их сленг, название групп постоянно видоизменяются.

- Блокировка групп приводит к тому, что группы полностью «перепрошиваются», т. е. меняют своё название, содержание постов, информацию о себе. Такие группы как бы выходят из запрещённого движения, но всё ещё остаются в рамках смежных тем.

4. Выработка группами методов защиты в ответ на блокировку.

Группы защищаются от блокировки несколькими способами:

- создание резервной группы, указанной в самой группе или на персональной странице администратора группы;
- предупреждение друг друга о начале блокировок;
- создание сети из дружеских связей для распространения информации о новой группе;
- создание закрытой группы «для своих» без опознавательных знаков;
- отсутствие опознавательных знаков (аватара, названия, хэштегов) и разбавление контента;
- слияние с другими смежными движениями, не блокируемыми системой;
- использование специфического сленга, напрямую не указывающего на деструктивное течение;
- использование шифров, символов, кодов в тексте, написание текста с ошибками.

5. Выход групп на диалог с лицами и организациями, ответственными за блокировку.

После начала блокировок групп их администраторы и участники начинают вести диалог, публикуют сообщения с прямым обращением к контролирующим органам. Всего можно выделить четыре вида таких сообщений:

- Размещение в информации о группе сообщений о том, что группа не относится к деструктивному течению, не распространяет деструктивное течение и является лишь информационным ресурсом.
- Размещение в информации о группе сообщений с прямой просьбой не блокировать. Например: «Роскомнадзор, не блокируй!».
- Сообщения, оставленные участниками группы в самой группе. Например: «Роскомнадзор, не блокируй эту группу, пожалуйста».
- Сообщения, оставленные участниками группы в других группах с просьбой о помощи. Например: «Роскомнадзор блокирует колумбайн-группы, помогите!».

По результатам исследования нами разработан перечень мер, который может повысить эффективность блокировки деструктивных групп в социальных медиа.

6. Одновременная полная блокировка лидеров движения без возможности восстановления. Данные меры разорвут связи лидеров и на продолжительное время деактивируют движение. Практика показывает, что полная блокировка без возможности восстановления оказывает воздействие на активных лидеров и последователей движения – они перестают вести внешнюю активность и опасаются вести скрытую активность.

7. Одновременная полная блокировка деструктивных групп одного течения (в том числе групп по смежной тематике). Данные меры разорвут связи лидеров и подписчиков и на продолжительное время деактивируют движение. Данная мера также лишает возможности рекламы новых групп для большого числа подписчиков. Практика показывает, что преобладающее число подписчиков после блокировки групп не может найти новые группы данной тематики самостоятельно и переходит в группы смежных тематик.

8. Наибольший эффект окажет одновременная полная блокировка деструктивных групп и лидеров одного течения. Данные меры практически полностью деактивируют движение, так как преобладающее большинство подписчиков не могут найти новые группы и новых лидеров данной тематики самостоятельно.

ВЫВОДЫ

В результате исследования динамики групп риска скулшутинга (колумбайн-групп), суицидальных игр (группы смерти), а также групп подражания криминальному поведению (а.у.е.) установлено, что временное ограничение доступа аккаунтов не приносит долгосрочных результатов. Установ-

лено также, что ограничение доступа группам аккаунтов, произведённое с перерывом во времени более 2-х дней (часть аккаунтов заблокирована в один день, оставшаяся часть в другой день), не имеет должного эффекта.

Установлено, что с момента блокировки: число колумбайн-групп выросло в 8 раз, а число последователей выросло почти в 12 раз; число вовлечённых в группы смерти выросло в 3 раза; число последователей а.у.е. выросло беспрецедентно (точное число невозможно установить в виду миграции движения в ультрадвижение).

Выявлены особенности, влияющие на эффективность блокировки групп: перемещение групп с одной площадки на другую, мутация групп и их полная «перепрошивка», выработка группами методов защиты в ответ на блокировку, выход групп на диалог с лицами и организациями, ответственными за блокировку. Установлены ключевые ошибки блокировки групп и аккаунтов, влияющие на её эффективность, – это «порционная» блокировка (с шагом в 2–3 дня), а также блокировка групп без блокировки её администраторов.

На основании проведённого исследования предлагаем перечень мер для повышения эффективности блокировки деструктивных групп в социальных медиа, в их числе: одновременность блокировки, блокировка групп и их администраторов, одновременная блокировка как прямых, так и косвенных (смежных) групп течения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян Л. С., Мишина С. С. Психологические аспекты суицидального поведения подростков // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 4 (30). С. 119–124.
2. Анхимова Р. В. Криминогенные последствия воздействий средств массовой информации // Научный портал МВД России. 2015. № 1. С. 45–51.
3. Ашманов И. С., Касперская Н. И. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных сетях [Электронный ресурс] // Цифровая гигиена: молодежь в сети, Москва, 28 марта 2019 г. URL: https://saizyral.rtyva.ru/wp-content/uploads/2019/04/Metod_posobie.pdf (дата обращения: 24.12.2019).
4. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2. С. 39–54.
5. Балаева Т. Эффект «Колумбайна». Почему подростки идут убивать [Электронный ресурс]. URL: <http://cryptus.world/2018/01/27/effekt-kolumbayna-pochemu-podrostki-idut-ubivat.html> (дата обращения: 15.02.2018).
6. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101–115.
7. Горбатов С. В. Изучение деструктивного поведения несовершеннолетних // Ананьевские чтения – 2004: материалы научно практической конференции. СПб., 2004. С. 94–95.

8. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
9. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. Социальная сеть как аспект суицидальной активности среди детей и молодёжи (на основе анализа социальной сети «ВКонтакте») // Тюменский медицинский журнал. 2013. Т. 15. № 3. С. 37–38.
10. Ефимова Д. В. Суицид: новые технологии привлечения смерти // Академическая психология. 2016. № 4. С. 31–48.
11. Игумнов С. А., Зарецкий В. В., Шамарова Е. Ю. Сайты аутодеструктивного содержания в русскоязычном сегменте интернет // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. Т. 18. № 4. С. 75–82.
12. Кабанов К. В. Трансформация идентичности подростков в социальных сетях как проблема их психологической безопасности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 83–87.
13. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
14. Пасовец Ю. М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 101–106.
15. Щетинина Е. В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 2 (18). С. 127–130.
16. Bauman S., Toomey R. B., Walker J. L. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students // Journal of Adolescence. 2013. Vol. 36. P. 341–350.
17. Hinduja S., Patchin J. Bullying, cyberbullying and suicide // Archives of Suicide Research. 2010. № 14 (3). P. 206–221.
18. Thompson S. The internet and its potential influence on suicide // Psychiatric Bulletin. 1999. № 8. P. 449–451.

REFERENCES

1. Akopyan L. S., Mishina S. S. [Psychological aspects of suicidal behavior in adolescents]. In: *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2018, no. 4 (30), pp. 119–124.
2. Ankhimova R. V. [The criminogenic impact of the media]. In: *Nauchnyi portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 1, pp. 45–51.
3. Ashmanov I. S., Kasperskaya N. I. [Toolkit for the identification of signs of risk behaviour in social networks]. In: *Tsifrovaya gigiena: molodezh' v seti, Moskva, 28 marta 2019 g.* [Digital hygiene: youth network, Moscow, March 28th, 2019]. Available at: https://saizyral.rtyva.ru/wp-content/uploads/2019/04/Metod_posobie.pdf (accessed: 24.12.2019).
4. Baeva L. V. [Escapism in the digital society: from hikikomori to the “group of death”]. In: *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 2018, no. 2, pp. 39–54.

5. Balaeva T. *Effekt «Kolumbaina». Pochemu podrostki idut ubivat'* [The effect of "Columbine". Why teenagers decide to kill]. Available at: <http://cryptus.world/2018/01/27/effekt-kolumbayna-pochemu-podrostki-idut-ubivat.html> (accessed: 15.02.2018).
6. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. [Incitement to suicide through the use of Internet technologies: social, psychological, criminological and criminal law aspects]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2018, vol. 12, no. 1, pp. 101–115.
7. Gorbatov S. V. [The study of destructive juvenile behavior]. In: *Anan'evskie chteniya – 2004: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ananievskiy studies – 2004: proceedings of the scientific practical conference]. St. Petersburg, 2004, pp. 94–95.
8. Davydov D. G., Khlomov K. D. [Mass murder in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 4 (32), pp. 62–76.
9. Demdoui N. Yu., Denisov Yu. P. [Social network as an aspect of suicidal activity among children and youth (based on the analysis of social network "Vkontakte")]. In: *Tyumenskii meditsinskii zhurnal* [Tyumen Medical Journal], 2013, vol. 15, no. 3, pp. 37–38.
10. Efimova D. V. [Suicide: new technologies attract death]. In: *Akademicheskaya psikhologiya* [Academic psychology], 2016, no. 4, pp. 31–48.
11. Igumnov S. A., Zaretsky V. V., Shamarova E. Yu. [The sites of self-destructive content in the Russian segment of the Internet]. In: *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov* [Mental health of children and adolescents], 2018, vol. 18, no. 4, pp. 75–82.
12. Kabanov K. V. [The transformation of adolescents identity in social networks as a problem of psychological security]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2016, no. 4, pp. 83–87.
13. Karpov V. O. [The cult of Columbine: the major determinants of mass killings in schools]. In: *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 4 (34), pp. 442–446.
14. Pasovets Yu. M. [Social portrait of Russian youth: common features and regional specifics of the financial situation]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Case studies], 2010, no. 3, pp. 101–106.
15. Shchetinina E. V. [Problems of development of a culture of violence in the Internet]. In: *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* [Innovative development of vocational education], 2018, no. 2 (18), pp. 127–130.
16. Bauman S., Toomey R. B., Walker J. L. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students. In: *Journal of Adolescence*, 2013, vol. 36, pp. 341–350.
17. Hinduja S., Patchin J. Bullying, cyberbullying and suicide. In: *Archives of Suicide Research*, 2010, no. 14 (3), pp. 206–221.
18. Thompson S. The internet and its potential influence on suicide. In: *Psychiatric Bulletin*, 1999, no. 8, pp. 449–451.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.01.2020

Статья размещена на сайте: 20.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Самосват Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, руководитель направления исследований, ведущий психолог АО «Крибрум»; e-mail.ru: olgasamosvat1112@gmail.com

Брежнева Татьяна Сергеевна – поведенческий психолог АО «Крибрум»; e-mail.ru: tatyana.995@mail.ru

Шмеерова Евгения Руслановна – поведенческий психолог АО «Крибрум»; e-mail.ru: eva.boychuk@yandex.ru

Olga I. Samosvat – PhD in Psychological sciences, Head of Research, leading psychologist at “Kribrum” JSC; e-mail.ru: olgasamosvat1112@gmail.com

Tatyana S. Brezhneva – behavioral psychologist, “Kribrum” JSC; e-mail.ru: tatyana.995@mail.ru

Evgeniya R. Shmeerova – behavioral psychologist, “Kribrum” JSC; e-mail.ru: eva.boychuk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Самосват О. И., Брежнева Т. С., Шмеерова Е. Р. Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Samosvat O. I., Brezhneva T. S., Shmeerova E. R. The effectiveness of blocking destructive groups in social networks. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072.422

Селезнева Е. В., Галлере И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: ИНВАРИАНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВОЗРАСТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявить представления людей разного возраста и различной культурной принадлежности о психологических характеристиках молодёжи.

Процедура и методы исследования. Эмпирическое исследование с использованием авторского опросника.

Результаты проведённого исследования. Выявлены инвариантные составляющие и возрастные и культурные особенности представлений о психологических характеристиках молодёжи. Показано, что в сознании участников исследования эти представления присутствуют в виде целостных образов.

Теоретическая значимость исследования. Раскрыты содержание и структура представлений о психологических характеристиках молодёжи; показана связь этих представлений с определённым социальным временем и социокультурным контекстом.

Практическая значимость исследования. Выявление особенностей представлений о психологических характеристиках молодёжи открывает возможности для практического использования в рамках решения межпоколенческих проблем и проблем самоопределения и саморазвития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

возраст, психологические качества, социальные представления, образ, инвариантные характеристики, возрастные особенности, культурные особенности

СТРУКТУРА

Введение

Выборка и методы

Обсуждение результатов

Выводы

E. Selezneva, I. Gallere

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 str. 1 prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russian Federation

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF MODERN YOUTH: INVARIANT CHARACTERISTICS, AGE AND CULTURAL FEATURES

ABSTRACT

The purpose of the study was to identify the ideas of people of different age groups and cultural affiliations about the psychological characteristics of youth.

Procedure and research methods. The authors conducted an empirical study using a questionnaire developed on the basis of data obtained during the first stage of the study and based on the subjective scaling method.

The results of the study. The analysis of empirical data showed the invariant components of the ideas about the psychological characteristics of young people, and the distribution of these ideas in depending on age and cultural characteristics of the informants. It is shown that ideas about individual personal qualities and behavioral characteristics of youth are present in the minds of participants in the study in the form of integral images.

The theoretical relevance: the study reveals the content and structure of modern ideas about the psychological characteristics of youth; it shows the connection of these ideas with a certain social period and sociocultural context; it gives better and deeper understanding of age and cultural identity as factors in forming these ideas.

The practical relevance of the study: identifying the characteristics of ideas about the psychological characteristics of young people opens up great prognostic opportunities for practical use in psychological counseling aimed at solving both intergenerational problems and self-determination and self-development.

KEYWORDS

age, psychological qualities, social representations, image, invariant characteristics, age features, cultural features

ВВЕДЕНИЕ

Возраст как период жизни человека, этап его развития и «состояние... в каждый данный момент развития» [2, с. 42] на интрапсихологическом уровне выражается в формировании системы индивидуальных, личностных и субъектных свойств и качеств, необходимых именно для данного возраста как ресурсы развития, а на интерпсихологическом – в специфических поведении и деятельности. Будучи объективной, универсальной, неотъемлемой базовой характеристикой человека, возраст оказывает влияние на всю систему социальных и психологических отношений человека, определяя как основные сферу и форму его активности и наиболее значимые для его идентичности группы, так и особенности отношения к самому себе и мировосприятия.

Однако это влияние оказывается опосредовано сформированными на уровне социального сознания представлениями о том или ином возрасте в целом и о психологических характеристиках, свойственных человеку определённого возраста. При этом в разных социальных, и в частности в разных возрастных и культурных, группах представления о том или ином возрасте (как и любые социальные представления) различаются по содержанию и / или структуре в зависимости от степени фиксации группы на определённых аспектах возраста, принятия той или иной информации о нём, частоты использования того или иного представления [1, с. 44]. В результате реальный мир, который «конструируется» «при помощи социальных представлений, свойственных различным социальным группам», и в котором реализуется социальная активность человека [1, с. 45], изначально не является единым и однозначным для восприятия, понимания и интерпретации. Различия в восприятии, понимании и интерпретации, в свою очередь, приводят к различиям в решениях по поводу той или иной социальной активности. В частности, возрастные и / или культурные различия в представлениях о том или ином возрасте и психологических характеристиках, свойственных людям этого возраста, будут определять как особенности поведения и деятельности людей, принадлежащих к данной возрастной группе, так и особенности взаимодействия с ними людей других возрастных групп, затрудняя или, наоборот, облегчая эти процессы.

Исследования представлений о психологических характеристиках молодёжи имеют особую теоретическую и практическую значимость в связи с особым положением молодёжи как социально-демографической группы в структуре общества и, соответственно, особым отношением общества к этой группе. Переосмысливая (и принимая или отвергая) социальный опыт старших поколений, молодёжь, «реализуя свои инновационные свойства» [11, с. 111], «через систему индивидуальных выборов воссоздает или по-новому конструирует общество как собственную реальность» [6, с. 14]. При этом в силу консервативности социального порядка общественные ожидания перемен, связанные с молодёжью [11, с. 120], сочетаются с опасениями последствий реализации её инновационного потенциала [11, с. 129], что напрямую отражается в представлениях о молодёжи, а следовательно, и в отношениях к ней и взаимодействиях с ней.

Следует учитывать также, что на жизненные траектории и выборы молодёжи влияет изменяющаяся реальность каждого этапа развития общества [6, с. 14], и это не только придаёт своеобразие социальному облику молодёжи и её проблемам [6, с. 14], но и приводит, объективно, к выдвижению на первый план новых или ранее имевших второстепенное значение психологических характеристик, а субъективно, – к изменению содержания и структуры представлений как самих молодых людей, так и людей более зрелых возрастов об этих характеристиках.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить представления людей разного возраста и культурной принадлежности о психологических характеристиках молодёжи.

В соответствии с поставленной целью задачами исследования являются определение инвариантного содержания, а также выявление возрастной и культурной специфики представлений о психологических характеристиках молодёжи.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ

В исследовании приняли участие 288 респондентов: 142 гражданина Российской Федерации (49,3 %) и 146 русскоязычных граждан Латвийской республики (50,7 %).

В настоящей статье будут описаны данные, полученные при анализе результатов исследования в целом по выборке, а также при сравнении:

- граждан Российской Федерации (далее – России) в возрасте 25 лет и младше (54 человека) и 37 лет и старше (35 человек);
- граждан Латвийской республики (далее – Латвии) в возрасте 25 лет и младше (21 человек) и 37 лет и старше (39 человек).

Дополнительно будут проанализированы данные, полученные при сравнении граждан России и Латвии в возрасте 25 лет и младше и в возрасте 37 лет и старше.

В качестве инструмента изучения представлений о психологических характеристиках молодёжи мы использовали опросник, который был разработан на основе полученных в ходе предварительного сбора данных [13] с применением метода субъективного шкалирования.

Опросник включал 76 понятий, описывающих личностные качества или особенности поведения. Респондентам было необходимо по 7-балльной шкале оценить, насколько характерно то или иное качество для молодёжи, исходя из того, что оценкой «7» описывается максимальная степень характерности для молодёжи данного качества, оценкой «1» – практически отсутствие у молодёжи данного качества, а остальные оценки обозначают большую или меньшую степень выраженности конкретного качества у молодёжи.

В качестве основных методов обработки данных применялись ранговый, корреляционный и факторный анализ. Достоверность полученных результатов проверялась с помощью комплекса стандартных статистических методов (λ -критерий Колмогорова-Смирнова, анализ средних значений, U-критерий Манна-Уитни, R-коэффициент Спирмена, факторный анализ с вращением).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проанализируем вначале, какие качества в представлениях участников исследования в целом по выборке (табл. 1) и в выделенных подгруппах (табл. 2) занимают первые десять рангов в верхнем квартиле, т. е., с точки зрения респондентов, являются наиболее характерными для молодёжи.

Таблица 1 / Table 1

Качества, наиболее характерные для молодёжи, в представлениях участников исследования в целом по выборке (по 7-балльной шкале)¹

The most characteristic qualities of young people, in the opinion of the study participants as a whole (7-point scale)

Качества, наиболее характерные для молодёжи	Средний балл
Зависимость от интернета и гаджетов	6,0
Стремление к высокому заработку	5,7
Повышенный интерес к развлечениям	5,5
Свободолюбие	5,5
Влюбчивость	5,4
Подверженность соблазнам	5,4
Стремление к успеху	5,4
Мобильность	5,3
Эгоизм	5,3
Стремление найти свое место жизни	5,3

Таблица 2 / Table 2

Качества, наиболее характерные для молодёжи, в представлениях участников исследования, входящих в разные подгруппы (по 7-балльной шкале)

The most characteristic qualities of young people, in the opinion of different subgroups of the study participants (7-point scale)

Качества, наиболее характерные для молодёжи	Средний балл	Качества, наиболее характерные для молодёжи	Средний балл
Граждане России в возрасте 25 лет и младше		Граждане России в возрасте 37 лет и старше	
Зависимость от интернета и гаджетов	5,9	Зависимость от интернета и гаджетов	5,8
Стремление к высокому заработку	5,8	Стремление к высокому заработку	5,3
Стремление к успеху	5,7	Повышенный интерес к развлечениям	5,2
Стремление найти свое место жизни	5,6	Свободолюбие	5,2
Повышенный интерес к развлечениям	5,6	Стремление к успеху	5,2
Мобильность	5,5	Влюбчивость	5,1

Продолжение таблицы 2 на следующей странице

¹ Стандартное отклонение здесь и далее находится в пределах 1,5–1,7.

Качества, наиболее характерные для молодёжи	Средний балл	Качества, наиболее характерные для молодёжи	Средний балл
Свободолюбие	5,5	Вспыльчивость	5,1
Амбициозность	5,4	Подверженность соблазнам	5,1
Влюбчивость	5,4	Амбициозность	5,0
Активность	5,3	Максимализм	5,0
Граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше		граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше	
Зависимость от интернета и гаджетов	6,4	Зависимость от интернета и гаджетов	5,7
Стремление к высокому заработку	6,3	Стремление к высокому заработку	5,3
Свободолюбие	6,3	Свободолюбие	5,2
Стремление к успеху	6,1	Амбициозность	5,1
Эгоизм	6,0	Повышенный интерес к развлечениям	5,1
Подверженность соблазнам	5,9	Активность	4,9
Неопределённость целей	5,9	Мобильность	4,9
Амбициозность	5,8	Веселость	4,8
Повышенный интерес к развлечениям	5,8	Влюбчивость	4,8
Желание быть не похожим на остальных	5,7	Завышенная самооценка	4,8

Сравнительный анализ таблиц показывает, что и в целом по выборке, и в выделенных подгруппах наиболее высокие оценки получили, заняв соответственно первое и второе ранговые места, такие характеристики молодёжи, как зависимость от интернета и гаджетов и стремление к высокому заработку. Кроме того, в целом по выборке и в выделенных подгруппах к наиболее характерным для молодёжи качествам оказалась отнесена такая характеристика как повышенный интерес к развлечениям.

Можно предположить, что оценка в целом по выборке и во всех выделенных подгруппах зависимости от интернета и гаджетов и стремления к высокому заработку как наиболее характерных для молодёжи качеств обусловлена не просто частной практикой взаимодействий с молодёжью, но в целом современной социокультурной ситуацией, в которой неотъемлемым элементом жизнедеятельности как общества в целом, так и отдельного человека становятся компьютерные технологии, что во многих случаях приводит к возникновению патологической привязанности к активности в виртуальной среде [7], а в структуре социальных и личностных ценностей

на первый план выходит ценность материального благополучия [14]. Приписывая шкалам «зависимость от интернета и гаджетов» и «стремление к высокому заработку» максимально высокие оценки, участники исследования тем самым выражают свою способность достаточно объективно воссоздавать в собственном сознании реальность, фиксируя в изменяющихся образах молодёжи изменения, происходящие с ней вследствие социокультурного кризиса.

В то же время все остальные качества, входящие в первую ранговую десятку, можно рассматривать как обусловленные не столько социокультурным контекстом, сколько особенностями молодости как возрастного периода, для которого характерны потребность в самоопределении, стремление к достижению значительных результатов в деятельности и / или общественному признанию, готовность к активным действиям, стремление к свободе, склонность ставить свои интересы выше интересов других, чрезмерная значимость активности, направленной на достижение удовольствия, склонность легко увлекаться и предрасположенность к вредным влияниям [9; 15].

Последние десять рангов в нижнем квартиле занимают качества, которые, в представлении участников исследования в целом по выборке (табл. 3) и в выделенных подгруппах (табл. 4), наименее характерны для молодёжи.

Таблица 3 / Table 3

Качества, наименее характерные для молодёжи, в представлениях участников исследования в целом по выборке (по 7-балльной шкале)

The least characteristic qualities of young people, in the opinion of the study participants as a whole (7-point scale)

Качества, наименее характерные для молодёжи	Средний балл
Искренность	4,2
Независимость	4,1
Прагматичность	4,1
Радикальность	4,1
Безразличие	4,0
Старательность	4,0
Эрудированность	4,0
Жестокость	3,9
Самостоятельность	3,9
Ответственность	3,8

Таблица 4 / Table 4

Качества, наименее характерные для молодёжи, в представлениях участников исследования, входящих в разные подгруппы (по 7-балльной шкале)

The least characteristic qualities of young people, in the opinion of different subgroups of the study participants (7-point scale)

Качества, наименее характерные для молодёжи	Средний балл	Качества, наименее характерные для молодёжи	Средний балл
Граждане России в возрасте 25 лет и младше		Граждане России в возрасте 37 лет и старше	
Агрессивность	4,1	Грубость	4,0
Ответственность	4,0	Инфантильность	4,0
Старательность	4,0	Эрудированность	4,0
Эрудированность	4,0	Гибкость	3,9
Глупость	3,9	Жестокость	3,9
Прагматичность	3,9	Самостоятельность	3,8
Самостоятельность	3,9	Безразличие	3,7
Независимость	3,8	Старательность	3,7
Безразличие	3,7	Ответственность	3,6
Жестокость	3,7	Глупость	3,4
Граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше		граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше	
Самостоятельность	4,4	Самостоятельность	3,8
Грубость	4,3	Безразличие	3,7
Радикальность	4,3	Глупость	3,7
Безразличие	4,2	Независимость	3,7
Агрессивность	4,2	Грубость	3,6
Прагматичность	4,1	Гибкость	3,5
Старательность	4,0	Жестокость	3,5
Эрудированность	4,0	Нерешительность	3,5
Ответственность	3,9	Ответственность	3,5
Жестокость	3,7	Старательность	3,4

Сравнительный анализ таблиц показывает, что и в целом по выборке, и в выделенных подгруппах к наименее характерным для молодёжи были отнесены такие характеристики, как жестокость, ответственность, самостоятельность и старательность. Кроме того, в трёх из четырёх выделенных подгрупп в качестве наименее характерной была названа эрудированность.

Можно предположить, что оценка жестокости, ответственности, самостоятельности и старательности как наименее характерных для молодёжи

качеств в разных возрастных подгруппах обусловлена разными причинами. Так, у респондентов, составляющих младшие возрастные подгруппы, оценка жестокости как наименее характерного качества молодёжи могла сформироваться как в результате системной рефлексии своих отношений, так и в результате подсознательного или осознанного отказа приписывать себе такое максимально негативное качество. Для респондентов, составляющих старшие возрастные подгруппы, такую оценку можно объяснить скорее опытом взаимодействия с молодыми людьми, а также памятью о собственной молодости. В то же время представление о жестокости как о не характерном для молодёжи в целом качестве согласуется и с результатами научных исследований. В соответствии с научными данными агрессивность (и жестокость как её проявление) как возрастная характеристика скорее присуща детям и подросткам [12] в связи с их эмоциональной нестабильностью и несформированностью систем саморегуляции. Уже при достижении юношеского возраста, как показывают исследования, самоконтроль возрастает, а агрессивность снижается [3].

Оценка ответственности, самостоятельности и старательности как наименее характерных для молодёжи качеств, на наш взгляд, также является результатом системной рефлексии для младших возрастных подгрупп и опыта взаимодействия с молодыми людьми для старших возрастных подгрупп. При этом одним из источников формирования такой оценки, безусловно, является социальный опыт, свидетельствующий о том, что в современном обществе реальная практика реализации ответственности, самостоятельности и старательности для молодых людей затруднена. Результаты научных исследований также свидетельствуют о низком уровне ответственности современной молодёжи и показывают, что основные причины этого связаны со сложными изменениями, происходящими в современном обществе [4; 5].

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь между возрастом респондентов и их представлениями о психологических характеристиках молодёжи (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Взаимосвязь представлений о психологических характеристиках молодёжи и возрастом респондентов в целом по выборке

The relationship of ideas about the psychological characteristics of youth and the age of respondents in the whole sample

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с возрастом респондентов	
	R	p
Гибкость	-0,144	0,015
Глупость	-0,117	0,048
Лень	-0,124	0,035

Продолжение таблицы 5 на следующей странице

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с возрастом респондентов	
	R	p
Мечтательность	-0,125	0,034
Неопределённость целей	-0,127	0,031
Непостоянство	-0,153	0,009
Нерешительность	-0,148	0,012
Спонтанность	-0,139	0,018
Стремление к успеху	-0,154	0,009
Стремление найти свое место жизни	-0,185	0,002
Чувство юмора	-0,227	0,0001
Эгоизм	-0,128	0,030

Как видно из таблицы, чем выше возраст респондентов, тем ниже они оценивают как характерные для молодёжи, с одной стороны, качества, которые выступают как ресурсы развития личности (гибкость, стремление к успеху, спонтанность, стремление найти своё место в жизни, чувство юмора), а с другой стороны, качества, либо напрямую затрудняющие это развитие, либо играющие в этом процессе неоднозначную роль (глупость, лень, мечтательность, неопределённость целей, непостоянство, нерешительность, эгоизм). Можно предположить, что эта неоднозначность представлений обусловлена двумя сосуществующими в пространстве социального сознания и воздействующими на индивидуальные представления возрастными стереотипами: «молодёжь энергична и активна» и «молодёжь незрела и неопытна» [8, с. 101–102].

В подгруппах респондентов – граждан России и Латвии также выявлена взаимосвязь между возрастом респондентов и их представлениями о психологических характеристиках молодёжи (табл. 6 и 7).

Таблица 6 / Table 6

Взаимосвязь представлений о психологических характеристиках молодёжи и возрастом респондентов – граждан России

The relationship of ideas about the psychological characteristics of youth and the age of respondents - Russian citizens

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с возрастом респондентов	
	R	p
граждане России в возрасте 25 лет и младше		
Грубость	-0,298	0,029
граждане России в возрасте 37 лет и старше		
Глупость	-0,487	0,003
Зависимость от интернета и гаджетов	0,425	0,011

Таблица 7 / Table 7

Взаимосвязь представлений о психологических характеристиках молодёжи и возрастом респондентов – граждан Латвии
Interconnection of ideas about the psychological characteristics of youth and the age of respondents - citizens of Latvia

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с возрастом респондентов	
	R	p
граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше		
Безбашенность	0,447	0,042
граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше		
Безответственность	-0,319	0,048
Безразличие	-0,335	0,037

Из таблицы 8 видно, что в подгруппе граждан России в возрасте 25 лет единственной значимо отрицательно связанной с возрастом респондентов оценкой является оценка грубости. Здесь, по существу, речь идёт одновременно об изменении с возрастом самоотношения в сторону более позитивного и о более высокой оценке себя как субъекта межличностных отношений в их эмоциональном, экспрессивном аспекте.

В подгруппе граждан России в возрасте 37 лет и старше чем выше возраст респондентов, тем ниже они оценивают как характерные для молодёжи качества глупость и одновременно выше – зависимость от интернета и гаджетов. На наш взгляд, подобная динамика представлений связана с тем, что в данной подгруппе её участники с изменением возраста, с одной стороны, оказываются способны преодолевать возрастные стереотипы, приписывающие молодёжи глупость, а с другой стороны, объективно оценивая современную социокультурную ситуацию, проявляют нарастающую тревогу за молодое поколение.

Из таблицы 9 видно, что в подгруппе граждан Латвии в возрасте 25 лет единственной значимо положительно связанной с возрастом респондентов оценкой является оценка безбашенности. Таким образом, в данной подгруппе у её участников в изменении возраста изменяется представление о молодых людях, т. е. фактически о самих себе, как о всё более безрассудных, способных поступать вопреки здравому смыслу.

В подгруппе граждан Латвии в возрасте 37 лет и старше чем выше возраст респондентов, тем ниже они оценивают как характерные для молодёжи качества безответственность и безразличие, что говорит о постепенном преодолении возрастных стереотипов.

В то же время сравнительный анализ показал, что в подгруппах респондентов – граждан России в возрасте 25 лет и младше и в возрасте 37 лет и

старше значимых различий в представлениях о психологических характеристиках молодёжи не существует по всем параметрам, а в подгруппах респондентов – граждан Латвии в возрасте 25 лет и младше и в возрасте 37 лет и старше такие различия существуют по ряду характеристик (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Различия в представлениях о психологических характеристиках молодёжи респондентов – граждан Латвии разного возраста
Differences in views on the psychological characteristics of youth of respondents – citizens of Latvia of different ages

Психологические характеристики молодёжи	Средние значения в возрастных подгруппах (баллы по 7-балльной шкале)		p по критерию U-Манна-Уитни
	граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше	граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше	
Восприимчивость к изменениям	5,3	4,3	0,032
Гибкость	5,0	3,5	0,002
Глупость	4,9	3,7	0,034
Лень	5,6	4,5	0,032
Неопределённость целей	5,9	4,1	0,0001
Непостоянство	5,2	4,2	0,021
Нерешительность	5,0	3,5	0,002
Нетерпеливость	5,5	4,5	0,029
Подверженность соблазнам	5,9	4,8	0,032
Поспешность	5,5	4,5	0,016
Эгоизм	6,0	4,8	0,015
Свободолюбие	6,3	5,2	0,025
Спонтанность	5,1	4,2	0,036
Стремление к успеху	6,1	4,8	0,016
Стремление найти свое место жизни	5,7	4,5	0,017
Чувство юмора	5,3	4,0	0,006

Анализ таблицы показывает, что граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше значимо более высоко, чем граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше, оценивают, с одной стороны, качества, которые выступают как ресурсы или мотиваторы развития личности (восприимчивость к изменениям, гибкость, свободолюбие, стремление к успеху, стремление найти своё место в жизни, чувство юмора), а с другой стороны, качества, которые могут тормозить или осложнять это развитие (глупость, лень, неопределённость целей,

непостоянство, нерешительность, нетерпеливость, подверженность соблазнам, поспешность, эгоизм). Такие оценки говорят о том, что участники «младшей» подгруппы при достаточно высоком уровне уверенности в своей способности к развитию обладают и достаточно высоким уровнем самокритичности, а участники «старшей» подгруппы при всём скептическом отношении к перспективам развития молодых людей оценивают их более объективно (или снисходительно).

Чтобы проверить, насколько представления о психологических характеристиках молодёжи обусловлены возрастом участников исследования или их принадлежностью к достаточно близким, но всё же разным культурам, мы провели сравнительный анализ в подгруппах граждан России и Латвии в возрасте 25 лет и младше (табл. 9) и в возрасте 37 лет и старше.

Таблица 9 / Table 9

Различия в представлениях о психологических характеристиках молодёжи в подгруппах граждан России и Латвии в возрасте 25 лет и младше

Differences in ideas about the psychological characteristics of youth in subgroups of citizens of Russia and Latvia aged 25 years and younger

Психологические характеристики молодёжи	Средние значения в подгруппах (баллы по 7-балльной шкале)		p по критерию U-Манна-Уитни
	Граждане России	Граждане Латвии	
Безбашенность	4,4	5,1	0,050
Глупость	3,9	4,9	0,021
Неопределённость целей	4,8	5,9	0,006
Нерешительность	4,3	5,0	0,045
Эгоизм	5,1	6,0	0,019
Подверженность соблазнам	5,3	5,9	0,056
Поспешность	4,9	5,5	0,052

Как видно из таблицы, по пяти качествам между подгруппами граждан России и Латвии в возрасте 25 лет и младше выявлены значимые различия, а по двум – различия на уровне значимости несколько ниже статистической нормы. Интересно, что все эти выступающие как барьеры развития качества участники исследования, входящие в подгруппу граждан Латвии в возрасте 25 лет и младше, оценивают значимо выше, чем участники исследования того же возраста из России. Это позволяет сделать вывод о существовании социокультурных особенностей в восприятии ряда психологических характеристик молодёжи.

В то же время при сравнении представлений о психологических характеристиках молодёжи в подгруппах граждан России и Латвии в возрасте 37 лет и старше было выявлено единственное различие – в оценке такой харак-

теристики молодёжи, как неопределённость целей (соответственно 4,8 и 4,1 балла при $p=0,056$). Это различие хотя и находится за границей статистической значимости, может рассматриваться как подтверждающее определённые расхождения в представлениях граждан России и Латвии 37 лет и старше о психологических характеристиках молодёжи, т. е. о наличии в системе этих представлений социокультурных особенностей.

Факторный анализ с varimax-вращением позволил нам выявить латентную структуру представлений о психологических характеристиках молодёжи. Это было необходимо, так как в социальном и индивидуальном сознании эти представления существуют не изолированно друг от друга, а в виде определённых структур, образующих целостные более или менее полные образы молодёжи.

В результате были выделены факторы, описывающие ряд образов современной молодёжи, присутствующих в пространстве сознания участников исследования как по выборке в целом, так и в выделенных подгруппах (табл. 10)².

Таблица 10 / Table 10

Факторная структура представлений о психологических характеристиках молодёжи по выборке в целом и в выделенных подгруппах

The factor structure of ideas about the psychological characteristics of youth of respondents as a whole and in the selected subgroups

Выборка в целом	Граждане России		Граждане Латвии	
	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше
Образ молодёжи, устремленной к будущему				
Фактор 1 (41,4 % выявленной дисперсии) «радостная устремленность к будущему на основе активности и творчества»	Фактор 1 (45,0 %) «радостная устремленность к достижениям и успеху на основе творчества и активности, сопряженная с завышенной самооценкой и максимализмом»	Фактор 1 (56,5 %) «способность принимать решения и действовать по собственной инициативе ради достижений в области творчества, самоутверждения и социальных контактов, сопряженная с необоснованными претензиями»	Фактор 1 (33,7 %) «сознательная и активная направленность на достижения в области социальных контактов и творчества»	Фактор 1 (57,6 %) «сознательная и активная направленность на достижения в области творчества и социальных контактов, сопряженная со стремлением к материальному благополучию и склонностью к гедонизму»

Продолжение таблицы 10 на следующей странице

² В связи с тем, что ряд факторов как по выборке в целом, так и в выделенных подгруппах включает значительное число шкал, в таблице представлены только обобщённые названия факторов, в которых отражены основные характеристики образов молодёжи.

Выборка в целом	Граждане России		Граждане Латвии	
	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше
Фактор 2 (9,0 % выявленной дисперсии) «грубость как проявление жестокости и высокомерия в сочетании с безразличием и безответственностью»	Фактор 4 (4,1 %) «грубость как проявление жестокости и глупости в сочетании с безразличием и безответственностью» фактор 8 (2,5 %) «агрессивность»	Фактор 2 (7,7 %) «жестокость, проявляющаяся как грубость, агрессивность и вспыльчивость в сочетании с высокомерием, безответственностью и ленью» фактор 12 (1,4 %) «Завышенная самооценка»	Фактор 2 (18,5 %) «грубость как проявление жестокости, высокомерия и безразличия в сочетании с глупостью, легкомысленностью, безбашенностью и эгоизмом»	Фактор 2 (9,1 %) «безразличие, проявляющееся как грубость и безответственность в сочетании с глупостью, агрессивностью и высокомерием»
Образ личностно зрелой и нацеленной на самоосуществление молодёжи				
Фактор 3 (3,1 % выявленной дисперсии) «самостоятельность и прямолинейность как проявление ответственности и целеустремленности»	фактор 3 (4,2 %) «прагматичность, самостоятельность и ответственность в сочетании с прямолинейностью, независимостью и эрудированностью» фактор 9 (2,2 %) «радикальность» фактор 12 (1,7 %) «старательность»	-	фактор 7 (3,8 %) «гибкость» фактор 10 (2,2 %) «прямолинейность» фактор 11 (2,1 %) «смелость»	фактор 5 (2,6 %) «гибкость» фактор 6 (3,1 %) «старательность» фактор 7 (2,1 %) «прагматичность»
Образ недостаточно опытной и не имеющей определенных целей молодёжи				
Фактор 4 (2,8 % выявленной дисперсии) «недостаточность жизненного опыта и неопределенность жизненных целей в сочетании с личностной незрелостью»	фактор 10 (2,2 %) «лень и неопытность»	фактор 7 (2,6 %) «нерешительность в сочетании с желанием быть не похожим на остальных и спонтанностью» фактор 9 (1,9 %) «неосмотрительность и неопытность»	фактор 8 (3,4 %) «самоутверждение, самоуверенность и упрямство» фактор 9 (3,0 %) «свободолюбие» фактор 13 (1,8 %) «лень»	фактор 4 (3,0 %) «непосредственность и неопытность» фактор 6 (2,4 %) «нерешительность» фактор 12 (1,5 %) «самоуверенность»

Продолжение таблицы 10 на следующей странице

Выборка в целом	Граждане России		Граждане Латвии	
	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше
Фактор 5 (2,6 % выявленной дисперсии) «склонность к гедонизму и эгоизм в сочетании с необдуманностью поступков»	фактор 5 (3,4 %) «эгоизм, поспешность и самоутверждение в сочетании с подверженностью соблазнам, самоуверенностью и повышенным интересом к развлечениям»	фактор 3 (4,0 %) «подверженность соблазнам, повышенный интерес к развлечениям и эгоизм в сочетании со стремлением к высокому заработку, самоуверенностью и циничностью»	фактор 12 (2,0 %) «безответственность» фактор 14 (1,3 %) «циничность»	-
Образ молодёжи, ориентированной на материальное благополучие				
Фактор 8 (1,6 % выявленной дисперсии) «стремление к материальному благополучию и общественному признанию в сочетании с потребностью в самоопределении»	-	-	-	-
Образ эмоционально и интеллектуально незрелой молодёжи				
Фактор 9 (1,6 % выявленной дисперсии) «эмоциональная и интеллектуальная незрелость»	фактор 2 (8,7 %) «упрямство, нетерпеливость и обидчивость как проявление эмоциональной неустойчивости в сочетании с неосмотрительностью, наивностью и циничностью» фактор 14 (1,3 %) «легкомысленность»	фактор 13 (1,3 %) «легкомысленность и инфантильность»	фактор 3 (7,9 %) «неосмотрительность в сочетании с максимализмом, идеализмом, мечтательностью и необоснованными претензиями»	фактор 3 (3,4 %) «чрезмерная эмоциональность и переменчивость настроения в сочетании с эгоизмом, подверженностью соблазнам и необоснованными претензиями» фактор 9 (1,9 %) «инфантильность»

Продолжение таблицы 10 на следующей странице

Выборка в целом	Граждане России		Граждане Латвии	
	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше	в возрасте 25 лет и младше	в возрасте 37 лет и старше
фактор 10 (1,5 % выявленной дисперсии) «потребность в доверительных отношениях»	фактор 6 (2,9 %) «стремление войти в какую-нибудь группу в сочетании с желанием быть не похожим на остальных, авантюризмом и стремлением найти свое место жизни»	фактор 8 (2,1 %) «влюбчивость в сочетании с эрудированностью, веселостью и безбашенностью»	фактор 5 (4,3 %) «стремление войти в какую-нибудь группу в сочетании с влюбчивостью, чрезмерная эмоциональностью и желанием быть не похожим на остальных»	фактор 10 (1,7 %) «чувствительность»
Образ молодёжи, ориентированной на будущее				
фактор 12 (1,4 % выявленной дисперсии) «адаптивность и пластичность мышления и поведения»	фактор 11 (1,9 %) «восприимчивость к изменениям в сочетании с коммуникативностью и гибкостью»	фактор 4 (3,5 %) «вера в светлое будущее в сочетании с безразличием» фактор 11 (1,5 %) «восприимчивость к изменениям»	фактор 4 (6,6 %) «вера в светлое будущее и желание открывать новое в сочетании с повышенным интересом к развлечениям, активностью, оптимизмом и неопределенностью целей» фактор 6 (4,1 %) «восприимчивость к изменениям в сочетании с зависимостью от интернета и гаджетов, подверженностью соблазнам и переменчивостью настроения»	фактор 8 (2,0 %) «безбашенность в сочетании с верой в светлое будущее»

Как видно из таблицы, в сознании участников исследования присутствуют образы молодёжи, которые могут быть обозначены как «положительные» или «отрицательные», но которые в действительности в значительной степени точно отражают психологические особенности молодости как возрастного периода как в плане его роли в развитии человека, так и в плане его динамики. Так, образы агрессивной, нравственно незрелой и склонной к гедонизму и эмоционально и интеллектуально незрелой молодёжи, а также образ недостаточно опытной и не имеющей определённых целей молодёжи – это образы, связанные скорее с начальной фазой молодости, когда в структуре личности ещё преобладают черты, характерные для предыдущего возрастного периода.

да – юности, а в образах молодёжи, ориентированной на материальное благополучие и социальные взаимодействия, и образе личностно зрелой и нацеленной на самоосуществление молодёжи отражаются представления скорее о завершающей фазе молодости, когда личность оказывается уже достаточно зрелой, чтобы совершить переход от молодости к взрослости.

Анализ таблицы показывает, что как по выборке в целом, так и в выделенных подгруппах наиболее сильным среди факторов является первый, т. е. центральное место среди субъективных образов молодёжи в сознании у участников исследования занимает образ молодёжи, устремлённой к будущему. Интересно, что этот центральный образ дополняется и углубляется образом молодёжи, ориентированной на будущее. В целом это соответствует выводам учёных о том, что «в молодости будущее определяет собой настоящее и направляет отбор значимых моментов прошлого» [10, с. 288] и что основные свои усилия молодые люди направляют на поиски и апробацию «будущего через экспериментирование с проектами» [10, с. 294].

Все образы молодёжи, выделенные на уровне выборки в целом, за исключением образа молодёжи, ориентированной на материальное благополучие, воспроизводятся и в выделенных подгруппах, что позволяет говорить о высокой степени устойчивости представлений о психологических характеристиках молодёжи независимо от возраста и культурной принадлежности участников исследования.

В то же время, как нам кажется, и в возрастной, и в большей степени культурной спецификой можно объяснить отсутствие в структуре образов молодёжи в подгруппе граждан России в возрасте 37 лет и старше образа личностно зрелой и нацеленной на самоосуществление молодёжи, а в подгруппе граждан Латвии в возрасте 37 лет и старше – образа нравственно незрелой и склонной к гедонизму молодёжи.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Ряд личностных качеств и особенностей поведения устойчиво фиксируется как наиболее / наименее характерный для молодёжи как в целом по выборке, так и в каждой из выделенных возрастных и культурных подгрупп. Это позволяет говорить о данных личностных качествах и особенностях поведения как инвариантных составляющих представлений об этой социально-демографической группе.

Внутри каждой из выделенных возрастных и культурных подгрупп обнаруживается значимая взаимосвязь между возрастом респондентов и / или их культурной принадлежностью и их представлениями о некоторых психологических характеристиках молодёжи, что позволяет говорить о существовании в содержании и структуре представлений о психологических характеристиках молодёжи возрастных и культурных особенностей.

Как по выборке в целом, так и в выделенных возрастных и культурных подгруппах в представлениях о личностных качествах и особенностях поведения молодёжи отражаются, с одной стороны, базовые психологические характеристики молодёжи, обусловленные прежде всего возрастным этапом развития и не зависящие от социального времени и социокультурного контекста, а с другой стороны, психологические характеристики, сформированные под влиянием изменяющейся социокультурной реальности.

Качественный анализ результатов показывает, что представления участников исследования в целом имеют высокую степень когнитивной сложности, что выражается как в множественности образов молодёжи, присутствующих в сознании участников исследования, так и в значительном числе психологических характеристик, составляющих большинство этих образов.

Выделенные в структуре представлений множественные образы молодёжи в своей системности создают целостный психологический портрет молодёжи, в котором отражены как инвариантные характеристики данной социально-демографической группы, так и возрастные и культурные особенности её восприятия и понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 39–49.
2. Выготский Л. С. Педология школьного возраста // Антология гуманной педагогики: Выготский. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002. С. 19–108.
3. Дементий Л. И. Возрастные особенности самоконтроля, импульсивности и агрессивности школьников // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2017. № 2. С. 4–9.
4. Зарубина Н. Н. Молодежь в условиях анонимии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 52–63.
5. Зарубина Н. Н. Этика ответственности современной российской молодежи // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 250–258.
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48.
7. Колесниченко М. Б., Колупаева В. В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–105.
8. Курышева О. В. Возраст как социально-психологический феномен: монография. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2012. 306 с.
9. Курышева О. В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2014. № 1 (21). С. 67–75.
10. Лишаев С. А. Герменевтика молодости: жизнь на просторе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 4. С. 286–298.

11. Луков Вал. А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания: монография. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. 430 с.
12. Нурмухаметова И. Ф., Галяутдинова С. И. Понимание агрессивности и возрастная динамика ее проявлений // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1326–1329.
13. Селезнева Е. В., Галлер И. Психологический портрет современной молодежи: культурно-инвариантные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 18.01.2020).
14. Уколов Р. А. Ценности труда и профессионально-карьерного роста среди молодежи: результаты социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 25–29.
15. Юдина А. И. Экстремальные увлечения современной молодежи: социальный вызов обществу и поиск альтернатив // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 2 (12). С. 97–100.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. [Social cognition and social problems]. In: *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2013, no. 1 (9), pp. 39–49.
2. Vygotsky L. S. [Pedology of school age]. In: *Antologiya gumannoi pedagogiki: Vygotskii* [Anthology of humane pedagogy: Vygotsky]. Moscow, Shalva Amonashvili Publishing House Publ., 2002, pp. 19–108.
3. Dementiy L. I. [Age peculiarities of self-control, impulsivity and aggressiveness in school students]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology], 2017, no. 2, pp. 4–9.
4. Zarubina N. N. [Youth in conditions of anomie: who will take responsibility for the future of Russia?]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2016, no. 2, pp. 52–63.
5. Zarubina N. N. [The responsibility ethics of contemporary Russian youth]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2012, no. 6 (27), pp. 250–258.
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. [Modern sociology of youth: a changing reality and new theoretical approaches]. In: *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], 2017, no. 15, pp. 12–48.
7. Kolesnichenko M. B., Kolupaeva V. V. [Social aspects of youth Internet addiction]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences], 2017, no. 1, pp. 97–105.
8. Kurysheva O. V. *Vozrast kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Age as a socio-psychological phenomenon]. Volgograd, Publishing House of Volgograd State University Publ., 2012. 306 p.
9. Kurysheva O. V. [Psychological characteristics of youth as age group]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy], 2014, no. 1 (21), pp. 67–75.

10. Lishaev S. A. [Hermeneutics of youth: life in the open]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Russian Christian Academy of Humanities], 2016, vol. 17, no. 4, pp. 286–298.
11. Lukov Val. A. *Biosotsiologiya molodezhi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya* [Biosociology of young people: theoretical and methodological foundations]. Moscow, Publishing House of Moscow University for the Humanities Publ., 2013. 430 p.
12. Nurmukhametova I. F., Galyautdinova S. I. [Understanding aggressiveness and age dynamics of its manifestations]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2010, vol. 15, no. 4, pp. 1326–1329.
13. Selezneva E. V., Gallere I. [The psychological portrait of modern youth: culturally invariant features]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 18.01.2020).
14. Ukolov R. A. [The value of work and professional career for young people: results of sociological research]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 15, pp. 25–29.
15. Yudina A. I. [Extreme hobbies of modern youth: social challenge to society and the search for alternatives]. In: *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)], 2017, no. 2 (12), pp. 97–100.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.02.2020

Статья размещена на сайте: 26.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Селезнева Елена Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» Высшей школы государственного управления, РАНХиГС; e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Галлере Инна – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: galler.inna@gmail.ru

Elena V. Selezneva – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Research Sector of the Research Laboratory of Diagnostics and Assessment of Managers, the Graduate School of Public Administration, RANEPa; e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Inna Gallery – postgraduate student at the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; e-mail: galler.inna@gmail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Селезнева Е. В., Галлере И. Психологический портрет современной молодёжи: инвариантные характеристики, возрастные и культурные особенности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Selezneva E. V., Gallery I. Psychological portrait of modern youth: invariant characteristics, age and cultural features. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81.25

Барков И. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В ПРОСОДИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ УГРОЗЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Целью статьи является установление степени влияния гендерного фактора на процесс реализации в немецком языке иллюкутивов угрозы в устной речи.

Процедура и методы исследования. Автором проведён эксперимент, заключающийся в выявлении и анализе частотных, динамических и темпоральных характеристик речевых актов угрозы, реализованных испытуемыми мужского и женского пола.

Результаты проведённого исследования. Полученные данные позволили установить модель развития частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности и слоговой длительности инварианта угрозы. Проведённые эксперимент и исследование позволяют сделать основной вывод, что отличительные характеристики мужского и женского голосов, выявленные в ходе обработки данных и лингвистической интерпретации, не оказывают существенного влияния на идентификацию речевого акта как угрозы, а соотносятся исключительно с гендерными и индивидуальными особенностями говорящих.

Теоретическая и практическая значимость. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, и она может представлять интерес как для лингвистов, так и для криминалистов при проведении фоноскопической экспертизы, в судебном речеведении, а также при изучении основ конфликтологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

просодия, просодические характеристики, гендерный фактор, угроза, концепт

СТРУКТУРА

Введение

Методика проведения эксперимента

Просодия речи и гендерный фактор

Практические результаты эксперимента

Выводы

I. Barkov

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytishi 141014, Moscow region, Russian Federation

EFFECTS OF GENDER ON PROSODIC FEATURES OF A THREAT

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article is to determine to what extent gender factor influences the threat production process in the German language.

Methodology and Approach. Having conducted a phonetic experiment the author compares prosodic features of male and female voices and carries out an analysis of such features as frequency, volume and duration. The study provides frequency, volume and syllable duration patterns based on the acquired data.

Results. The results obtained made it possible to define the model of the pitch frequencies development, as well as the intensity and syllable length of threat invariant. One may conclude that despite the presence of distinctive features of both male and female voices, the gender factor doesn't interfere with the process of producing and identifying a threat and corresponds primarily with individual features of speakers' intonation.

Theoretical and Practical Implications. In practical terms the article may be of interest not only to linguists, but also to forensic specialists conducting phonoscope examinations and to the ones studying forensic linguistics as well as fundamentals of conflict resolution.

KEYWORDS

prosody, prosodic features, gender factor, threat, concept

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, формирование и передача различного рода концептов – неотъемлемая часть процесса коммуникации. Речевая просодия, в свою очередь, может рассматриваться как один из ключевых факторов правильной идентификации концептов речевых актов (далее: РА) и, как следствие, намерений собеседника [3].

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы установить просодические характеристики концепта РА угрозы, а также выявить степень влияния гендерного фактора на процесс реализации РА угрозы в устной речи.

В соответствии с целью исследования были выдвинуты следующие задачи: на основе эмпирического материала выявить частотные, динамические и темпоральные характеристики РА угрозы;

проанализировать полученные данные и установить сходные и различительные черты просодических признаков речевых актов угрозы, связанных с гендерным фактором.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что анализ просодических характеристик РА угрозы, реализованных дикторами женского и мужского пола, позволяет установить степень влияния гендерного фактора на процесс реализации РА угрожающего характера в немецком языке и, таким образом, способствует углублению знаний в области гендерной лингвистики.

Практическая ценность проведённого исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы преподавателями немецкого языка в целях развития речевых способностей обучающихся, а также криминалистами при проведении фоноскопической экспертизы.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА

В настоящем исследовании для выявления и анализа просодических характеристик РА угрозы было осуществлено сравнение варьирующих значений со среднедикторскими значениями соответствующих характеристик. Экспериментальным материалом для изучения просодических характеристик иллокутивов угрозы послужили фразы, реализованные дикторами мужского и женского пола и соответствующие целям исследования. Количество слогов составило 362. Для записи испытуемые получали схожие по лексическому наполнению фразы, всего 9 высказываний угрожающего и 7 высказываний нейтрального характера. Для осуществления статистической обработки полученного экспериментального материала была использована компьютерная программа IBM SPSS Statistics.

Набор экспериментальных фраз включает в себя такие высказывания, как "Entweder das hört auf, oder es passiert was!", "Gib mir das Geld, oder lieg den eigenen Telefonanschluss zu!", "Ich kann es nur noch mal betonen, wenn du mir morgen meinen Kassettenrekorder nicht bringst, dann werde ich dir nie mehr meine Sachen ausleihen!", "Wenn noch irgendwas wegkommt was mir gehört, dann gehe ich zur Polizei!", "Wenn du das noch jemanden erzählst, dann passiert was!" и иные высказывания угрожающего характера.

ПРОСОДИЯ РЕЧИ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР

Авторами исследований о просодии речи предлагается множество определений данного понятия [2; 7; 13, p. 1–17]. В настоящей работе просодия определяется как совокупность характеристик звучащей речи, которые соотносятся с одним акустическим параметром или их комплексом, реализуются в рамках последовательности сегментных единиц и играют смыслоразличительную роль [8; 9, с. 29–37]. Термин «концепт», в свою очередь, рассматривается как единица мыслительной деятельности человека, отражающая информацию о репрезентируемом ею явлении [1; 12].

Просодия речи играет одну из ключевых ролей в процессе восприятия устного высказывания, его интерпретации собеседником и определения типа высказывания [3; 5, с. 358–361; 6, с. 16–19; 14]. Это особенно актуально в отношении РА негативной модальности, таких как упрёки, оскорбления, угрозы, так как в данном случае установление различий между негативным и нейтральным либо иным высказыванием при схожем или идентичном лекси-

ческом наполнении возможно только на основании сравнения просодических характеристик. Таким образом, для того, чтобы отнести высказывание к тому или иному типу РА, необходимо установить совокупность его просодических характеристик, определив показатели тона, громкости и слоговой длительности [3, с. 7].

Исследования по гендерным особенностям речи проводятся такими учёными, как Т. И. Шевченко [10], Т. Г. Медведева [7], О. А. Егорова [4] и др. Авторами отмечается, что гендер является одним из основных факторов лингвистической вариативности, который необходимо учитывать при изучении фонетического аспекта языка. В связи с этим актуальным видится изучение влияния гендерного фактора на процесс формирования концепта на фонетическом уровне.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

В рамках эксперимента экспериментальные фразы были разделены на сегменты, такие как предтакт, ритмический корпус и затакт [11]. При использовании данной схемы становится возможным выявить наиболее существенные точки контраста: начало высказывания (А), первый предупредительный слог (В), первый ударный слог (С), предъядерный (D), ядерный (Е) и заядерный (F) слоги и окончание высказывания (G) [11].

Для проведения эксперимента также было выделено пять тональных уровней [3, с. 8] и проведено сравнение просодических характеристик РА угрозы, реализованных испытуемыми мужского и женского пола. Помимо этого, анализ полученных данных позволил установить модель развития просодических характеристик инварианта угрозы.

В рамках настоящего исследования среднее значение ЧОТ (частоты основного тона) мужского голоса определяется на уровне, равном 150,3 Герц (Гц), или 1,17 относительных единиц (ОЕ) (значения в относительных единицах являются в данном случае отношением значения указанного признака в высказываниях угрожающего характера к значению данного признака в нейтральных высказываниях), женского – 240,8 Гц, или 1,09 ОЕ. В обоих случаях заметно превышение среднедикторского значения, которое составило 128,9 Гц и 221,8 Гц для мужчин и женщин соответственно.

Мелодика РА угрозы, реализованных дикторами обоих полов, обладает двумя выраженными вершинами: ударным слогом первого логически выделенного слова и главноударным слогом высказывания.

Начало фонации высказываний, реализованных диктором-женщиной, выше, чем высказываний, реализованных диктором мужского пола, данный факт может свидетельствовать о стремлении диктора-женщины подчеркнуть негативную модальность высказывания.

При восприятии на слух высказываний дикторов обоих полов очевидно значительное снижение ЧОТ в первом слоге затакта и в области окончания высказывания. Стоит отметить, что особенностью женского голоса в данном случае является более значительное снижение ЧОТ в зоне затакта. Вероятно, данный факт может быть связан с намерением диктора усилить ощущение серьёзности угрозы у собеседника, тем самым повысив шансы на успешный для себя исход акта коммуникации.

Женский голос также характеризуется более широким диапазоном тона (0,57 ОЕ против 0,33 ОЕ). Интервалы подъёма и понижения ЧОТ примерно равны для мужского и женского голосов, за исключением границы между ритмическим корпусом и окончанием высказывания, где более существенное падение, как уже было отмечено, наблюдается в случае женского голоса (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

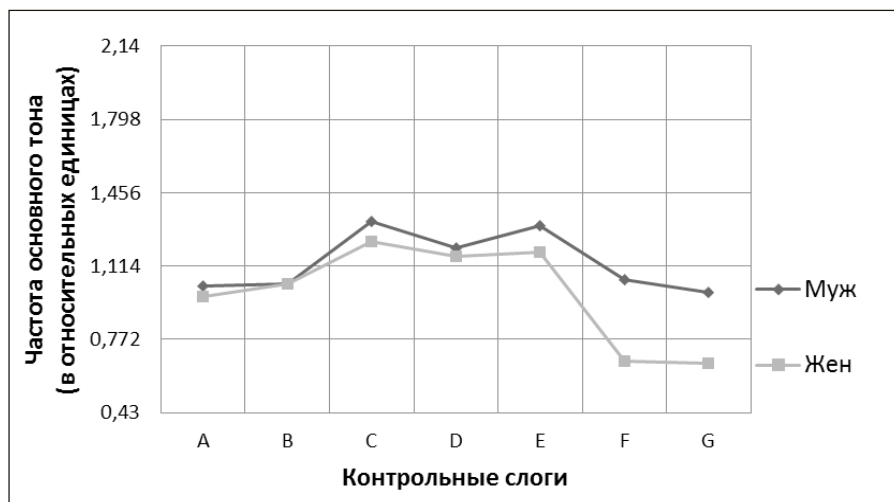
Значения ЧОТ (мужской голос, женский голос)
Values of Fundamental Frequency (male voice, female voice)

	A	B	C	D	E	F	G
ОЕ муж	1,02	1,03	1,32	1,2	1,3	1,05	0,99
ОЕ жен	0,97	1,03	1,23	1,16	1,18	0,67	0,66

Источник: данные автора

Стоит также упомянуть о том, что частотная вариативность в случае иллюкутивов, реализованных диктором-женщиной, охватывает большее количество уровней. Это может отражать большую в сравнении с диктором-мужчиной эмоциональность.

Тем не менее контуры развития ЧОТ иллюкутивов угрозы в обоих случаях характеризуются наличием двух выраженных вершин, незначительным понижением ЧОТ в начале участка каденции (точки D, E, F – предъядерный, ядерный и заядерный слоги) и заметным понижением голоса в точках F и G (рис. 1).



Источник: данные автора

Рисунок 1 / Figure 1.

Графики развития ЧОТ иллюкутивов, реализованных диктором-мужчиной и диктором-женщиной
Charts of Fundamental Frequency progression of male-speaker's illocutives and female-speaker's illocutives

Частотные характеристики инварианта иллокутива угрозы обладают общими для высказываний, реализованных дикторами обоих полов, чертами, такими как возросшее относительно среднедикторского среднее значение ЧОТ, восходяще-нисходящий контур развития ЧОТ, значительное снижение ЧОТ в окончании высказывания (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Значения ЧОТ (инвариант)

Values of Fundamental Frequency (invariant)

	A	B	C	D	E	F	G
OE	1	1,03	1,28	1,18	1,24	0,86	0,83

Источник: данные автора



Источник: данные автора

Рисунок 2 / Figure 2.

График развития ЧОТ инварианта иллокутива угрозы
Charts of Fundamental Frequency progression of threat-illocutive invariant

Множество сходств также можно проследить и между контурами развития динамических характеристик иллокутивов угрозы, реализованных дикторами.

Высказывания дикторов как мужского пола, так и женского обладают несколько более высоким в сравнении со среднедикторским уровнем громкости, что находит своё отражение в полученных экспериментальных данных (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

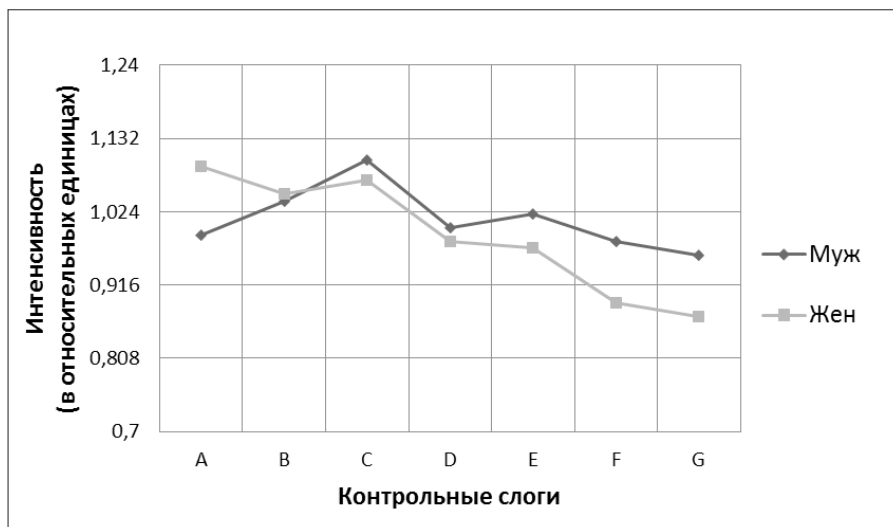
Значения интенсивности (мужской голос, женский голос)
Values of intensity (male voice, female voice)

	A	B	C	D	E	F	G
ОЕ муж	0,99	1,04	1,1	1	1,02	0,98	0,96
ОЕ жен	1,09	1,05	1,07	0,98	0,97	0,89	0,87

Источник: данные автора

Как видно из таблицы 3, диапазон интенсивности женского голоса незначительно выше мужского (0,22 ОЕ против 0,14 ОЕ).

Точкой наивысшей громкости в случае женского голоса, в отличие от мужского, является начало фонации. Помимо этого, падение громкости в окончании фонации в иллокутивах, реализованных диктором-женщиной, более существенно, чем в высказываниях диктора мужского пола. Это может быть обусловлено желанием диктора-женщины усилить контраст между крайними точками высказывания и сделать реализуемое высказывание более резким (рис. 3).



Источник: данные автора

Рисунок 3 / Figure 3.

Графики развития интенсивности иллокутивов, реализованных диктором-мужчиной и диктором-женщиной

Charts of intensity progression of male-speaker's illocutives and female-speaker's illocutives

При анализе графиков развития интенсивности иллокутивов, реализованных дикторами обоих полов, становятся очевидными их сходства, одна-

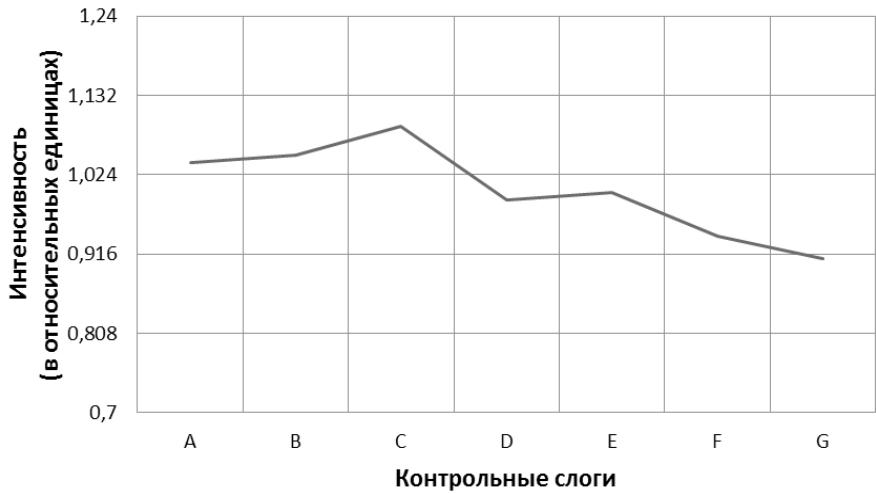
ко в случае мужского голоса, как уже было отмечено выше, контраст между крайними точками высказывания не так велик, как в случае женского. Помимо этого, для мужского голоса более характерно резкое повышение уровня интенсивности в точке С.

Выявленная модель инварианта РА угрозы (рис. 4) обладает такими общими динамическими характеристиками, как присутствие двух вершин контура изменения громкости, пониженная интенсивность в окончании фonaции в сравнении с началом высказывания (табл. 4), а также возросший средний уровень интенсивности высказывания относительно среднедикторских значений.

Таблица 4 / Table 4
Значения интенсивности (инвариант)
Values of intensity (invariant)

	A	B	C	D	E	F	G
OE	1,04	1,05	1,09	0,99	1	0,94	0,91

Источник: данные автора



Источник: данные автора

Рисунок 4 / Figure 4.
График развития интенсивности инварианта иллокутива угрозы
Charts of intensity progression of threat-illocutive invariant

Обращая внимание на графики развития длительности слогов реализованных иллокутивов, стоит отметить, что для высказываний дикторов обоих полов

характерны снижение длительности слога в середине высказывания и её возрастание в зоне затакта. Вероятно, причиной этому может служить желание говорящих немедленно перейти к сути реализуемой угрозы. Таким образом, контур развития слоговой длительности, как и контуры развития двух других параметров, характеризуется наличием двух вершин.

Контуры развития длительности слогов можно наблюдать на рисунке 5. Сходства заметны также в отношении количества охватываемых значимых уровней (3) и диапазонов длительности (0,84 OE и 0,82 OE для мужского и женского голосов соответственно) (табл. 5).



Источник: данные автора

Рисунок 5 / Figure 5.

График развития длительности иллокутивов, реализованных диктором-мужчиной и диктором-женщиной

Charts of length progression of male-speaker's illocutives and female-speaker's illocutives

Таблица 5 / Table 5

Значения длительности (мужской голос, женский голос)
Values of length (male voice, female voice)

	A	B	C	D	E	F	G
OE муж	1,07	0,99	0,99	0,81	1,25	1,39	1,65
OE жен	0,73	1,09	0,91	1	1,19	1,55	1,18

Источник: данные автора

Приведённые выше данные демонстрируют, что одним из различий между высказываниями дикторов мужского и женского пола является большая склонность диктора-мужчины к растягиванию слога в начале и окончании высказывания.

Модель развития темпоральных характеристик инварианта иллюкутива угрозы отражает общие для дикторов обоих полов характеристики при реализации соответствующих РА (рис. 6, табл. 6).

Таблица 6 / Table 6
Значения длительности (инвариант)
Values of length (invariant)

	A	B	C	D	E	F	G
OE	0,9	1,04	0,95	0,9	1,22	1,47	1,42

Источник: данные автора



Источник: данные автора

Рисунок 6 / Figure 6.
График развития длительности слогов инварианта иллюкутива угрозы
Chart of syllable length progression of threat-illocutive invariant

Как уже было отмечено ранее, контур развития слоговой длительности инварианта иллюкутива угрозы характеризуется наличием двух вершин. Помимо этого очевидно сокращение длительности слога в середине высказывания (точка D). В целом же можно говорить о том, что контур развития слоговой длительности инварианта РА угрозы совпадает с контурами развития ЧОТ и интенсивности.

ВЫВОДЫ

На основе эмпирического материала, представленного в исследовании, были выявлены частотные, динамические и темпоральные характеристики РА угрозы, а именно: повышенное среднее значение ЧОТ в сравнении со среднедикторским значением, восходяще-нисходящий контур развития ЧОТ с двумя вершинами в точках С и Е, значительное снижение ЧОТ в зоне затакта, наличие максимальных интервалов подъёма и понижения тона на границах основных участков фразы, восходяще-нисходящий контур изменения интенсивности, более высокие показатели интенсивности в начале фонации по сравнению с окончанием высказывания, увеличенная относительно среднедикторского значения средняя громкость высказывания, наличие двух вершин контура развития длительности слогов, повышение длительности слогов в окончании зоны предтакта и начале зоны затакта, а также заметное снижение слоговой длительности в точке D (слог, предшествующий главному ударному слогу).

Таким образом, в результате осуществления анализа полученных данных можно говорить о том, что отличительные характеристики мужского и женского голосов, выявленные в ходе обработки данных и лингвистической интерпретации, не оказывают существенного влияния на идентификацию речевого акта как угрозы, а соотносятся исключительно с гендерными и индивидуальными особенностями говорящих, так как не имеют значительных расхождений с общими характеристиками инварианта иллокутива угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35–48.
2. Гайдучик С. М. Типология речевых высказываний // Экспериментальная фонетика. 1972. Вып. 1. С. 46–67.
3. Григорьев Е. И. Просодический компонент в распознавании концепта иллокутивного действия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7. С. 7–17.
4. Егорова О. А. Интонационные особенности женской разговорной речи (на материале австралийского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2008. 22 с.
5. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
6. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук (науч. докл.). М., 2003. 90 с.
7. Медведева Т. Г., Шевченко Т. И. Сопоставительный анализ просодических форм выражения эмоций у мужчин и женщин // Просодия текста. М., 1980. С. 203–215.
8. Надеина Т. М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 50 с.

9. Светозарова Н. Д. Просодическая организация высказывания и интонационная система языка: дис. ... докт. филол. наук. Л., 1983. 514 с.
10. Шевченко Т. И. Идентификация мужских и женских голосов в процессе коммуникации // Просодия устного текста. М., 1987. С. 115–123.
11. Essen O. von. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen: Henn Verlag, 1964. 123 S.
12. Jackendoff R. S. Patterns in the mind: language and human nature. New York: BasicBooks, 1994. 248 p.
13. Johns-Lewis C. Intonation in discourse. London: Croom Helm, 1986. 302 p.
14. Dijk T. A. van. Discourse and power. New York: Palgrave Macmillan Education, 2008. 320 p.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. [The language and structure of consciousness]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], 2016, no. 24, pp. 35–48.
2. Gaiduchik S. M. [The typology of speech utterances]. In: *Ekspperimental'naya fonetika* [Experimental phonetics], 1972, no. 1, pp. 46–67.
3. Grigor'ev E. I. [Prosodic component in the recognition of the concept of illocutionary actions]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2014, no. 7, pp. 7–17.
4. Egorova O. A. *Intonatsionnye osobennosti zhenskoi razgovornoj rechi (na materiale avstraliiskogo varianta angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Intonation features of female colloquial speech (on the material of the Australian version of the English language): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Ivanovo, 2008. 22 p.
5. Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst* [Psycholinguistic studies. Word. Text]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 542 p.
6. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dis. ... dokt. filol. nauk (nauch. dokl.)* [Discourse analysis in a cognitive perspective: D. thesis in Philological sciences (scientific report)]. Moscow, 2003. 90 p.
7. Medvedeva T. G., Shevchenko T. I. [Comparative analysis of prosodic forms of expression of emotions by men and women]. In: *Prosodiya teksta* [The prosody of the text]. Moscow, 1980, pp. 203–215.
8. Nadeina T. M. *Prosodicheskaya organizatsiya rechi kak faktor rechevogo vozdeistviya: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Prosodic organization of speech as a factor of speech influence: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2004. 50 p.
9. Svetozarova N. D. *Prosodicheskaya organizatsiya vyskazyvaniya i intonatsionnaya sistema yazyka: dis. ... dokt. filol. nauk* [Prosodic organization of the utterance and the intonational system of the language: D. thesis in Philological sciences]. Leningrad, 1983. 514 p.
10. Shevchenko T. I. [Identification of male and female voices in the communication process]. In: *Prosodiya ustnogo teksta* [Prosody of oral text]. Moscow, 1987, pp. 115–123.
11. Essen O. von. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen, Henn Verlag, 1964. 123 S.

12. Jackendoff R. S. Patterns in the mind: language and human nature. New York, BasicBooks, 1994. 248 p.
13. Johns-Lewis C. Intonation in discourse. London, Croom Helm, 1986. 302 p.
14. Dijk T. A. van. Discourse and power. New York, Palgrave Macmillan Education, 2008. 320 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.07.2019

Статья размещена на сайте: 13.02.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барков Игорь Сергеевич – аспирант кафедры германской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: bariggo@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor S. Barkov – postgraduate student at the Department of Germanic philology, Moscow Region State University; e-mail: bariggo@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Барков И. С. Отражение гендерного фактора в просодии речевых актов угрозы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Barkov I. S. Effects of gender on prosodic features of a threat. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811.11

Юкина Е. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Целью работы является рассмотрение языковых средств и психологических аспектов восприятия образа прошлого на материале англоязычных художественных произведений.

Процедура и методы исследования. Основное содержание исследования составляет психолингвистический анализ текстов художественных произведений на английском языке, включающих концепт «прошлое» разной степени детализации. В статье была проанализирована взаимосвязь данного концепта с психологическим состоянием героев, с деталями их биографии на момент повествования, с сюжетом повествования в целом. В исследовании были использованы следующие методы: словарных дефиниций, сравнительно-сопоставительный, контекстного анализа. Проанализированы типичные синтаксические средства и невербальные компоненты коммуникации при реализации образов прошлого в тексте, определена степень экспрессивности таких описаний.

Результаты проведенного исследования. Среди психологических аспектов были выделены личностная значимость событий, их эмоциональная окраска, чёткость, яркость, виды триггеров воспоминаний, особенности памяти. Было установлено, что события прошлого разной длительности и давности могут частично искажаться в восприятии героев по ряду причин.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в реальных ситуациях психолингвистической реконструкции событий прошлого, например, в юридической, религиозной, медицинской и социологической практиках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

психология, эмоции, семантика, невербальная коммуникация, экспрессивность, оценочность, модальность, прошлое, ностальгия

СТРУКТУРА

Введение

Объекты воспоминаний и их эмоциональная окраска

Формирование образа прошлого на основе догадок и предположений

Модальность формирования образа прошлого

Невербальные характеристики формирования образа прошлого

Психологические особенности формирования образа прошлого в художественных текстах

Выводы

E. Yukina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ulitsa, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF THE IMAGE OF THE PAST REPRESENTATION IN ENGLISH FICTION TEXTS

ABSTRACT

Purpose. The aim of the article is the analysis of language means and psychological aspects of the perception of the image of the past based on the English fictional texts.

Methodology and Approach. The bulk of the research is the psycholinguistic analysis of fictional texts in English, containing the concept "the past" with different degrees of detailing. In the article the connection of this concept with the psychological state of the characters, with the details of their biographies at the moment of narration and with the plot of the narration in general was analyzed. In the research the following methods were used: method of vocabulary definitions, of contextual analysis, comparative-contrastive method.

The author analyzed typical syntactic means and non-verbal components of communication in the realization of the image of the past in the text; the degree of expressiveness of these descriptions was defined.

Results. The following psychological aspects were singled out: personal appreciation of the events, their emotional colouring, degree of detailing and recollection triggers types, memory characteristics. One of the conclusions is that the past events of different duration and time reference can be partly distorted in characters' perception due to a number of reasons.

Theoretical and/or Practical implications. The results of the research can be used in real situations of psycholinguistic reconstruction of the past events, for example, in legal, religious, medical and sociological practices.

KEYWORDS

psychology, emotions, semantics, non-verbal communication, expressiveness, evaluation, modality, past, nostalgia

ВВЕДЕНИЕ

Каждый человек имеет определённый жизненный опыт и, соответственно, хранит в памяти многочисленные факты из своей биографии. Воспоминания о разных людях, местах, вещах, событиях время от времени возникают в памяти, видоизменяясь или оставаясь неизменными, усиливаясь или ослабевая. Такие воспоминания формируют связь прошлого и настоящего в биографии конкретных людей.

Фрагменты образов прошлого посторонних людей также формируются в сознании и воображении человека при коммуникации с ними, поскольку че-

людек достаточно часто делает предположения и умозаключения о недостающей информации на основе имеющихся у него фактов. Кроме того, в жизни встречаются ситуации и целенаправленного воссоздания образа прошлого, например, в судебных процессах, на исповеди, при лечении амнезии и т. п. Следовательно, образ прошлого может формироваться по разным принципам как относительно собственной биографии, так и относительно биографии окружающих. Поскольку жизненный опыт и, соответственно, прошлое в биографии является неотъемлемым атрибутом каждой языковой личности, избранная тема исследования представляется весьма актуальной. Иными словами, актуальность данной темы заключается в наличии воспоминаний и представлений о прошлом практически у каждого человека и во влиянии этой информации и связанных с ней эмоций на поведение личности, в том числе языковое.

В данной статье образ прошлого рассматривается преимущественно в виде воспоминаний героев произведений об их личном опыте в течение жизни; в меньшей степени – в виде предположений и догадок героев о прошлом других.

Изучение воспоминаний человека связано с такими науками, как история, психология, философия, социология. Их отражение в художественных текстах представляет интерес для литературоведения и лингвистики. Поэтому при анализе необходимо учитывать психологические аспекты формирования и сохранения воспоминаний, особенности памяти и восприятия событий героями, эмоциональную окраску воспоминаний, их личностную значимость.

Целью данного исследования является рассмотрение языковых средств и психологических аспектов восприятия образа прошлого героями англоязычных художественных произведений XIX–XXI вв.

В работе были поставлены следующие задачи:

- определить типичные объекты воспоминаний героев и основные виды их эмоциональной окраски;
- определить основные языковые и невербальные компоненты коммуникации, сопровождающие передачу образа прошлого в англоязычных художественных текстах;
- описать основные психологические аспекты, связанные с проявлением и функциями образа прошлого в тексте;
- установить степень экспрессивности и прагматики текстов, содержащих образы прошлого героев.

Ход исследования подразумевал последовательное решение поставленных задач для выявления языковых средств английского языка, используемых при формировании образов прошлого в оригинальных художественных текстах, и психологических аспектов его реализации.

В работе были использованы метод словарных дефиниций, сравнительно-сопоставительный, описательный методы, метод контекстного анализа.

Проведённое исследование обладает научной новизной в плане выявления взаимосвязи невербального поведения людей и реконструкции образов прошлого, факторов искажения информации при воспоминаниях и умозаключениях о событиях прошлого, а также средств передачи модальности в англоязычном художественном тексте при формировании образов прошлого.

Теоретическая значимость исследования выражена в дополнении и углублении существующей информации в таких областях, как теория текста и лингвостилистика, относительно репрезентации в англоязычных художественных текстах образов прошлого различной степени хронологической отдалённости, личностной значимости и эмоциональной окраски.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования содержащихся в статье материалов при анализе речевого поведения людей в ситуациях намеренной реконструкции образов прошлого, например, в религиозной, юридической или психотерапевтической практиках. Материалы данного исследования также могут использоваться социологами, в курсах литературоведения и лингвистики текста.

ОБЪЕКТЫ ВОСПОМИНАНИЙ И ИХ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАСКА

При анализе воспоминаний человека о собственном прошлом можно применить понятие «автобиографическая память». «Содержание автобиографической памяти могут составлять автобиографически значимые события, состояния и представления о себе в различные периоды жизни, которыми определяется уникальность и самоидентичность личности» [4]. Соответственно, данные «вещи» являются наиболее типичными *объектами воспоминаний* о собственном прошлом героев художественных произведений. Они зависят от сюжета произведения и конкретно жизненного опыта самого героя и поэтому могут быть предельно разнородными, так же как и языковые средства их передачи. Такие события и периоды могут быть разными по длительности – от нескольких секунд до нескольких десятилетий.

Что касается *эмоциональной окраски* воспоминаний о прошлом, она может быть скорее позитивной (в этом случае применимо понятие «ностальгия»), скорее негативной (здесь в ракурсе психологии речь может идти о фобиях и психологических травмах) и смешанной (наиболее типичный вариант). Рассмотрим на конкретных примерах каждый из этих типов.

Позитивной окраску воспоминаний можно назвать при наличии у героя связанных с ней разных типов положительных эмоций, а именно, по классификации А. Вежбицкой: эмоций, связанных с «хорошими вещами»; эмоций, связанных с размышлениями о самом себе, самооценкой; эмоций, связанных с отношением к другим людям [1].

Довольно длительные отрезки времени в прошлом с общей позитивной окраской часто воспринимаются героями с высоты прожитых лет скорее как некий единый период. Такими периодами с позитивной или смешанной эмо-

циональной окраской часто становятся детство героя, его юность, мирная жизнь, первая любовь, рождение своих детей, важные личные достижения и др. В таком случае можно говорить о понятии ностальгии.

В словарях русского и английского языков термин «ностальгия» определяется следующим образом: «тоска по родине»¹, «тоска по чему-нибудь утраченному, ушедшему»², «ощущение отсутствия прошлого в том виде, в каком оно было»³; «a feeling of pleasure and slight sadness when you think about things that happened in the past»⁴. Понятие «ностальгия», в отличие от изначального смысла «тоска по родине», в современном понимании включает следующие сематические компоненты: присутствие предмета ностальгии в прошлом, не слишком близком и не слишком далёком; превалирование положительной оценки предмета, невозможность возврата этого предмета [6].

Ностальгия может реализовываться в тексте с разной степенью частоты и интенсивности (от постоянной до эпизодической) и выполнять разные функции для героя. Наиболее типичными её функциями можно считать личностную связь с прошлым и способ уйти от настоящего. Второй вариант, несомненно, более драматичен, поскольку он психологически подразумевает, что герой не смог приспособиться к условиям настоящего и ищет в прошлом стабильности и спасения от текущих проблем. Например: *I am fitted for nothing in this world, for the world I belonged in has gone; Every day my accursed shrinking from realities makes it harder for me to face the new realities*⁵.

Негативной эмоциональной окраской чаще всего обладают такие периоды в проанализированных текстах, как война, социальные потрясения, смерть близкого человека, «черная полоса» в жизни, тюремное заключение, годы бедности или лишений и т. п. Вспоминать об этом героям произведений обычно тяжело и неприятно.

Негативная эмоциональная и семантическая окраска образов прошлого особенно характерна для произведений таких жанров, как детектив, мистерия, триллер, хоррор. Однако и в классических романах встречаются сюжетные мотивы, связанные с тайнами прошлого или с совершёнными в прошлом преступлениями, тяготеющими над героями в настоящем и оказывающими непосредственное влияние на развитие сюжета. Иногда это отражается и в названиях произведений: *Cakes and ale, or skeleton in the cupboard; Why didn't they ask Evans; The Canterville ghost; The murder at the vicarage; Mesmeric revelation* и др.

Так, для героини книги *A sudden change of heart* (1999), Клэр, прошлое было настолько болезненным и страшным, что это влияло на всю её дальней-

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2015. 800 с.

² Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2003. 1248 с.

³ Конт-Спонвиль А. Философский словарь / ред. А. П. Поляков. М.: Этерна, 2012. 752 с.

⁴ Cambridge Advanced learner's dictionary. Cambridge, 2013. 1844 p.

⁵ Mitchell M. Gone with the wind. London: Pan books, 2014. P. 320.

шую жизнь, и она постоянно чувствовала страх и неуверенность из-за этого. Клэр в детстве несколько лет подряд регулярно была жертвой разных видов насилия со стороны своего отца, например: *He would beat me until I couldn't move*⁶. Однако она никому об этом не говорила, в том числе и многие годы спустя, что ещё больше усугубляло её психологическое состояние и снижало возможность построить уже собственную семью.

Чаще всего, как уже отмечалось, в воспоминаниях о хронологически длительных периодах встречается смешанная эмоциональная окраска, поскольку за такой длительный срок человек с большой вероятностью переживает самые разные события и связанные с ними эмоции. С возрастом, как правило, острота эмоций при таких воспоминаниях несколько снижается.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПРОШЛОГО НА ОСНОВЕ ДОГАДОК И ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

Представления героев произведений о фрагментах прошлого других людей могут быть как беспочвенными, так и основанными на серьёзных доказательствах. Основными триггерами догадок и предположений о прошлом других людей, помимо очевидного недостатка информации, можно считать следующие:

- необычное поведение, образ жизни героя, детали внешности;
- противоречие утверждений героя достоверным фактам и деталям;
- невозможность проверки информации.

Рассмотрим подробнее каждый из этих случаев (они могут и сочетаться друг с другом). Так, часто мистический образ определённого героя и его загадочное прошлое становятся сюжетообразующим мотивом в художественных произведениях. Особенно ярко это проявляется при нетипичности поведения или деталей образа героя. В интересах такого человека может быть как поддерживать, так и опровергать или игнорировать предположения окружающих о деталях его биографии в зависимости от коммуникативной ситуации и целей общения. Так, в книге «Великий Гэтсби» наиболее популярными предположениями светского общества о прошлом Гэтсби было то, что он убил человека и был немецким шпионом во время войны: *Somebody told me they thought he killed a man once; "I don't think it's so much **that**", argued Lucille skeptically; "it's more that he was a German spy during the war"*⁷. Оба этих предположения были неверными, а главный герой не считал нужным обсуждать личную жизнь с посторонними людьми.

Иногда конкретные факты или детали указывают на эпизоды из прошлого героя, и опровергнуть такие факты бывает сложно или невозможно. Так, в романе "Gone with the wind" (1936) Скарлетт пыталась притвориться достаточно обеспеченной женщиной перед Реттом Батлером для получения от него денег, но, случайно заметив мозоли на её руках, он сразу понял, что в

⁶ Bradford B. T. A sudden change of heart. New York: Harper Collins, 1999. P. 242.

⁷ Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Edinburgh: Lennex Corporation, 2013. P. 21.

недавнем прошлом она тяжело работала и сейчас просто пыталась обмануть его: *So you have been doing very nicely at Tara, have you? Cleared so much money on the cotton you can go visiting. What have you been doing with your hands- plowing?*⁸.

Читатель или герой также может додумывать детали образа прошлого при недостатке информации и невозможности её получить: *Part of me was convinced that the "cat lady" across the street was right and he was a family pet. ...My other theory was that he'd belonged to an old person who had passed away. Of course, it was possible that wasn't the case at all*⁹. В данном фрагменте герой размышляет о прошлом месте жительства недавно найденного им кота на основе поведения животного. Сам кот, конечно, такую информацию предоставить не может. В книге *My cousin Rachel* (1951) ребёнок, глядя на повешенного за убийство жены мужчину, пытается аналитически предположить, как же на самом деле это убийство произошло: *He may have groped his way home to his cottage behind the church, and his wife lashed out at him for bringing his damp feet inside the door, which broke his dream, and so he killed her. That well might be his story*¹⁰. У повешенного такую информацию тоже, естественно, узнать было нельзя.

В ракурсе грамматики типичными средствами выражения догадок и предположений относительно прошлого других людей являются вопросительные предложения разных типов, средства передачи косвенной речи и страдательного залога при ссылке на сторонний источник или мнение и конструкции с модальными глаголами с семой предположения разной степени вероятности.

МОДАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО

Достаточно часто формирование образа прошлого сопровождается выраженной модальностью высказывания, что можно рассматривать как с точки личностной оценки прошлых событий, так и в плане грамматики. «План содержания субъективной модальности, в основе которой лежит категория оценочности, составляют субъективно-модальные значения (значения эмоционально-экспрессивной и рациональной оценки), а также собственно модальные значения (значения возможности, желательности и необходимости), образующие соответствующие модальные микрополя» [7].

Наиболее типичными формами проявления модальности в воспоминаниях героев о прошлом в ракурсе грамматики можно считать использование следующих языковых средств на уровне синтаксиса:

– модальных глаголов, особенно для формирования условных предложений, отражающих связь определённого периода в прошлом и дальнейших периодов в жизни героя, включая настоящий. Например: *I am sure I would have trusted Philippe, been a better wife, if not for my father's abuse*¹¹;

⁸ Mitchell M. *Gone with the wind*. London: Pan books, 2014. P. 326.

⁹ Bowen J. *A Street cat named Bob*. London: Hodder, 2011. P. 17.

¹⁰ Du Maurier D. *My cousin Rachel*. London: Virago, 2017. P. 8.

¹¹ Bradford B. T. *A sudden change of heart*. New York: Harper Collins, 1999. P. 206.

– вопросы, в том числе риторические: *She knew this girl from somewhere. She was sure of it. But from where?*¹²;

– восклицания: *Oh, but I have been stupid! A hundred little thighs might have told me, if I had any wits*¹³;

– неполные предложения, часто отображающие поток сознания. Например, это возможно при описании состояния людей после травм, катастроф, стрессовых ситуаций, при амнезии: *Sunflowers waving against a blue sky... Amy as a newborn baby, looking like a little pink sausage in a blanket... A plate of salty French fries on a wooden pub table...*¹⁴.

– конструкции *used to do sth* и *would do sth* со значением регулярности и повторяемости в прошлом: *My good mother used to help me*¹⁵.

Перечисленные языковые средства часто указывают на эмоциональную окраску высказывания, например волнение, тревогу, удовлетворение, и высокую степень его экспрессивности.

При формировании образа прошлого в воспоминаниях, размышлениях и догадках героев также часто присутствует оценочность. Она может быть направлена на себя, на других людей и на определённые события. Например:

– на себя: *I loved him to the point of madness. And I thought I'd never love anyone else; I wallowed in that delusion until it was too late, too late!*¹⁶. В данном случае прослеживается критика героиней её собственного длительного заблуждения в прошлом.

– на других людей: *He had waited five years and bought a mansion where he dispensed starlight to casual moth – so that he could “come over” some afternoon to stranger’s garden*¹⁷. Чрезмерно длительное ожидание и подготовка как будто бы случайной встречи вызывают у повествователя, узнавшего об этом, эмоции удивления, недоверия, сомнения.

– на события: *It was beautiful, wonderful- the high point of an artilleryman’s life, which he lived and relieved in his dreams, waking and sleeping, for the rest of his anti-climactic days*¹⁸. В данном фрагменте описывается состояние эмоционального подъёма артиллериста при успешных военных действиях.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО

Помимо лексическо-семантических характеристик, ещё одним важным аспектом реализации воспоминаний в художественном тексте являются их экстралингвистические и невербальные характеристики. К ним можно отнести особенности речи (громкость, тембр, темп, интонация), поведение чело-

¹² Wickham M. Cocktails for three. London: Black Swan, 2010. P. 16.

¹³ Webster J. Daddy-long-legs. М.: Норматика, 2015. С. 78.

¹⁴ Kinsella S. Remember me? London: Black Swan, 2008. P. 18.

¹⁵ Alcott L. M. Little women. М.: Икар, 2015. С. 54.

¹⁶ McCullough C. The Thorn birds. New York: Avon Books, 2015. P. 405.

¹⁷ Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Edinburgh: Lennex Corporation, 2013. P. 55.

¹⁸ McCullough C. The Thorn birds. New York: Avon Books, 2015. P. 508.

века (смех, слёзы, улыбка, жесты, мимика, взгляд, поза), а также молчание. Например, в книге “Rebecca” (1938) воспоминания о прошлом, а именно о сгоревшем имении, сразу отразились на лице главного героя при возникшей в беседе на постороннюю тему ассоциации, хотя он ничего не сказал вслух: *It was the grey look on his face that made me stop abruptly*¹⁹.

Молчание при воспоминаниях, размышлениях и догадках о прошлом может проявляться как в случае собственной внутренней речи, так и с позиции слушателя. Часто оно сочетается с невербальными сигналами, такими как жесты, мимика, поза, слёзы и др. По своим функциям молчание говорящего может быть разных видов, например, медитативным: молчание-припоминание, молчание-размышление – и эмотивным: молчание-переживание, молчание-страдание, молчание-единение [3].

С помощью подобных экстралингвистических средств слушатели ретроспективной информации могут без слов выражать своё отношение (как позитивное, так и негативное) к предмету повествования. Например, в книге *A Sudden change of heart* (1999) пожилая женщина впервые рассказывает слушателям о расстреле всей её семьи в концлагерях, когда она была ребёнком. Присутствующие молчат, поскольку они не могут подобрать слов в данной ситуации, но при этом испытывают, безусловно, сострадание: *Neither Megan nor Laura spoke. Laura wanted to say something to Rosa, but she did not have the right words. There were no right words. Anything she could say would sound trite, even ridiculous, in view of the enormity of what had happened to Rosa all those years ago. It was beyond human comprehension*²⁰. В данном примере представлены все перечисленные выше типы молчания.

Значение невербальных компонентов коммуникации при формировании образа прошлого в литературе нельзя недооценивать, поскольку невербальная информация чаще передаёт достоверные сведения и усиливает вербальную составляющую сообщения: «Каким бы сильным ни было желание отправителя не передавать информацию, например, о своём психофизическом состоянии или эмоциональной реакции на высказывание собеседника, он часто не может это контролировать и передает ненамеренное невербальное сообщение» [2].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

При формировании образа прошлого в художественных текстах нужно учитывать следующие психологические аспекты:

- триггеры воспоминаний;
- степень чёткости воспоминаний;
- реалистичность образа прошлого.

¹⁹ Du Maurier D. Rebecca. Boston: Little, Brown and Company, 2015. P. 10.

²⁰ Bradford B. T. A sudden change of heart. New York: Harper Collins, 1999. P. 302.

Наиболее типичными триггерами воспоминаний о собственном прошлом можно считать следующие: предметы, людей, места, запахи, звуки. При этом они могут быть самыми различными, а воспоминания, соответственно, как позитивными, так и негативными. Такие триггеры могут обладать высокой степенью метафоричности или символизма как общепринятого характера (например, свадебное платье мисс Хэвишем как символ молодости и надежды на счастье в прошлом в книге Ч. Диккенса “The Great Expectations” (1861), так и личностными смыслами. Приведём конкретные примеры таких триггеров:

– тексты:

*How strange that **an article on wood pigeons** could so recall the past and make me falter as I read aloud²¹* (здесь и далее выделено мной – Е. Ю.).

– изображения:

*Here’s another thing I always carry. A souvenir o Oxford days. It was **a photograph** of half a dozen young men loafing in an archway through which were visible a host of spires²².*

– предметы:

*And what was the matter with Legree? And what was there in a simple **curl of fair hair** to appall that brutal man, familiar with every form of cruelty? To answer this, we must carry the reader backward in his history²³.*

– запахи:

*There are moments when the **odour** of lilas blanc passes suddenly across me, and I have to live the strangest month of my life over again.*

*...a particular **perfume** that you had once loved and that brings subtle memories with it ...²⁴.*

– люди:

She sat sandwiched between a young couple and an elderly couple. The picture of what she and Gerry had once been and a glimpse of the future that could have been²⁵.

– детали поведения или внешнего образа:

*The sight of that happy possessive **gesture** (touching his sleeve) has aroused in Scarlett all the jealous animosity which had slumbered during the months when she had thought Ashley was probably dead²⁶.*

Длительность вспоминаемого временного периода не всегда напрямую влияет на яркость и чёткость воспоминаний или связанных с этим событием эмоциональных ощущений. Это справедливо как для позитивных, так и для негативных воспоминаний. Так, минутный личностно значимый эпизод можно помнить и годы спустя в мельчайших деталях. Например, в упомянутом

²¹ Du Maurier D. Rebecca. Boston: Little, Brown and Company, 2015. P. 9.

²² Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Edinburgh: Lennex Corporation, 2013. P. 24.

²³ Beecher Stowe H. Uncle Tom’s cabin. М.: Т8, 2017. С. 303.

²⁴ Wilde O. The picture of Dorian Gray. М.: ИКАР, 2014. С. 196.

²⁵ Ahern C. P.S. I love you. New York: Harper Collins, 2016. P. 18.

²⁶ Mitchell M. Gone with the wind. London: Pan books, 2014. P. 315.

выше эпизоде воспоминаний о смерти всей семьи девочки в концлагерях в книге *A sudden change of heart* она на всю жизнь запомнила день, когда немцы навсегда забрали из дома её родителей и братьев: ***I will never forget the date... I never saw my parents again. Nor the rest of my family***²⁷.

При этом относительно длительный эпизод в собственной жизни (длительной в несколько месяцев) можно забыть, если он не является лично значимым. Конечно, это зависит и от характера человека, его ценностей и т. п. Например, герой романа *The other side of midnight* (1973), встретив через несколько лет брошенную им девушку, Ноэль, даже не узнал её. Лишь в дальнейшем их разговоре он слегка припомнил этот оставшийся в прошлом эпизод, поскольку за эти годы у него было ещё много таких брошенных девушек. ***It suddenly brought back a dim memory of an eager young girl, but good God, there had been hundreds of eager young girls since then, and Noelle was no more than an elusive, half-recalled wisp of memory in his past***²⁸.

Чёткость, яркость и достоверность образа прошлого в восприятии героев художественного текста имеют непосредственную связь с общими особенностями памяти и психики человека. Под влиянием ряда факторов, таких как психоэмоциональные и физические нагрузки, стрессовые ситуации, состояние здоровья и т. п., детали воспоминаний даже о лично значимых периодах или событиях могут либо стираться из памяти, либо искажаться в восприятии человека. Так, описывая психологическое состояние главной героини книги *P.S. I love you* (2004) сразу после смерти её мужа, автор использует фразу *The days after that were a blur to her now*²⁹.

Данное положение особенно справедливо в реальной жизни в судебной практике при опросе свидетелей, потерпевших и т. п. Это отражается и при описании судебных процессов в художественной литературе. Например, в книге *The other side of midnight* описывается допрос свидетеля в судебном процессе:

- Have you ever anyone in this room before today?
- No.
- If you had, you would have remembered?
- Absolutely.
- Have you ever seen me before today?
- No, sir.
- ...that ticket was purchased and used by me, Mr Cocyannis. There were five others in my party. You were our guide. No further questions³⁰.

Как видно из данного диалога, мнение свидетеля о свойствах и возможностях собственной памяти было ошибочным, поскольку он не узнал адвоката, с которым сам недавно общался.

²⁷ Bradford B. T. *A sudden change of heart*. New York: Harper Collins, 1999. P. 304.

²⁸ Sheldon S. *The other side of midnight*. New York: Grand Central Publishing, 1988. P. 297.

²⁹ Ahern C. *P.S. I love you*. New York: Harper Collins, 2016. P. 22.

³⁰ Sheldon S. *The other side of midnight*. New York: Grand Central Publishing, 1988. P. 303.

События прошлого также могут искажаться или в разной степени забываться героями произведений в силу особенностей их возраста, памяти, специфики произошедших с ними событий. В ракурсе психологии, «даже личные воспоминания, закреплённые дневниковой записью, не отличаются высокой точностью, а наибольшей уязвимостью характеризуются временные аспекты воспоминания и его сюжетная составляющая» [5].

ВЫВОДЫ

Образ прошлого в англоязычных художественных текстах можно рассматривать как в виде воспоминаний героев о собственном прошлом, так и в виде их догадок и предположений о прошлом других людей.

Наиболее типичными объектами воспоминаний героев англоязычных художественных произведений являются личностно значимые события и периоды в прошлом. Их эмоциональная окраска может быть всех видов – позитивной, негативной и, наиболее типично, смешанной. В первом случае в ракурсе психологии речь идёт о ностальгии, во втором – об определённых фобиях. Формирование образов прошлого в тексте часто обладает категориями модальности, оценочности и экспрессивности. При этом оценочность может быть направлена на себя, на других людей и на конкретные события.

Основными языковыми средствами на уровне синтаксиса, используемыми при формировании образа прошлого, являются вопросительные и, реже, восклицательные предложения, конструкции с модальными глаголами, конструкции передачи стороннего мнения, такие как косвенная речь и страдательный залог, неполные предложения при передаче потока ассоциаций или воспоминаний, а также конструкции *used to do sth* и *would do sth* со значением регулярности действий в прошлом.

Лексика в текстовых описаниях при репрезентации образа прошлого может быть самой различной ввиду потенциального множества описываемых ситуаций.

Невербальные компоненты коммуникации также играют существенную роль в формировании образа прошлого в тексте, дополняя и расширяя вербальные описания, поскольку они чаще всего указывают на искренние мнения и эмоции о воспоминаемых, обсуждаемых или предполагаемых событиях прошлого.

Основными психологическими аспектами, связанными с формированием образа прошлого в тексте, являются триггеры воспоминаний, степень чёткости и реалистичность образа прошлого.

Триггером воспоминаний может стать фактически любая вещь, но наиболее типичные – это предметы, запахи, звуки, люди, места. Триггером догадок о чём-либо прошлом могут стать отрывочные, часто необычные или противоречащие очевидным свидетельствам, факты из биографии других людей.

Чёткость и яркость воспоминаний о прошлом зависят от возраста самого героя, его характера, жизненного опыта, отдалённости вспоминаемого периода от момента повествования, эмоциональной окраски и, главным образом, от личностной значимости вспоминаемых им событий. При этом реалистичность образа прошлого в собственных воспоминаниях и, тем более, в догадках о прошлом других людей может в определённой степени искажаться.

Можно сделать вывод, что при наличии яркой позитивной или негативной эмоциональной окраски и личностной значимости конкретных эпизодов прошлого любой длительности для героев произведений такие эпизоды в повествовании обладают высокой степенью экспрессивности и прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ионова С. В., Шаховский В. И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 966–987.
2. Мартынова Е. М. Невербальная коммуникация: теории и мнения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 227–233.
3. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 177 с.
4. Никишов С. Н., Осипова И. С., Пронькина Е. Г. Современные исследования проблемы автобиографической памяти в контексте «монопараметрического» подхода // Инновационная наука. 2016. № 8–1. С. 197–200.
5. Нуркова В. В., Василенко Д. А. Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 182–192.
6. Романенко А. П. Риторический подход к изучению ностальгии по советскому // Ностальгия по советскому: монография / отв. ред. З. И. Резанова. Томск, 2011. С. 139–149.
7. Трофимова И. А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте (на материале прозаических произведений А. П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 191 с.

REFERENCES

1. Ionova S. V., Shakhovsky V. I. [Prospection of linguistic and cultural theory of emotions by Anna Vezhbitka]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], 2018, vol. 22, no. 4, pp. 966–987.
2. Martynova E. M. [Non-verbal communication: theories and opinions]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2014, no. 8, pp. 227–233.
3. Melikyan S. V. *Rechevoi akt molchaniya v strukture obshcheniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Speech act of silence in the structure of communication: PhD thesis in Philological sciences]. Voronezh, 2000. 177 p.

4. Nikishov S. N., Osipova I. S., Pron'kina E. G. [Current research problems of autobiographical memory in the context of "monoparametric" approach]. In: *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 2016, no. 8–1, pp. 197–200.
5. Nurkova V. V., Vasilenko D. A. [The power of imagination and the weakness of dating: two sources of distortion of autobiographical memory]. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017, vol. 7, no. 1, pp. 182–192.
6. Romanenko A. P. [A rhetorical approach to the study of Soviet nostalgia]. In: Rezanova Z. I., ed. *Nostal'giya po sovetskomu* [Soviet Nostalgia]. Tomsk, 2011, pp. 139–149.
7. Trofimova I. A. *Sredstva vyrazheniya sub'ektivnoi modal'nosti v khudozhestvennom tekste (na materiale prozaicheskikh proizvedenii A. P. Chekhova): dis. ... kand. filol. nauk* [Means of expressing subjective modality in a literary text (based on the prose by Anton Chekhov): PhD thesis in Philological sciences]. Kaliningrad, 2004. 191 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 05.09.2019

Статья размещена на сайте: 13.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юкина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Московского государственного областного университета; e-mail: sobol-sbr@mail.ru

Elena Yu. Yukina – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Indo-European and Oriental Languages, Moscow Region State University; e-mail: sobol-sbr@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Юкина Е. Ю. Психолингвистические особенности репрезентации образа прошлого в англоязычных художественных текстах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Yukina E. Yu. Psycholinguistic features of the image of the past representation in the English fictional texts. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

НАШИ АВТОРЫ

Демчук Артур Леонович	кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии; старший научный сотрудник	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Институт США и Канады РАН (ИСКРАН)	arthur@leadnet.ru
Казаков Александр Александрович	кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук	Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского	aldr.kazakov@gmail.com
Шишлин Пётр Алексеевич	аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	butrusb@yandex.ru
Абрамов Андрей Вячеславович	кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права	Московский государственный областной университет	abram-off@mail.ru
Багдасарян Вардан Эрнестович	доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени	Московский государственный областной университет	vardanb@mail.ru;ve.bagdasaryan@mgou.ru
Бышок Станислав Олегович	политический аналитик	Автономная некоммерческая организация «Международная организация по наблюдению за выборами “CIS-EMO”»	sbyshok@gmail.com
Володенков Сергей Владимирович	доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	s.v.cyber@gmail.com
Евстафьев Дмитрий Геннадиевич	кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций	НИУ «Высшая школа экономики»	devstafiev@hse.ru

Егоров Владимир Георгиевич	доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права	Московский государственный областной университет	korrrka@mail.ru;kaf-pprava@mgou.ru
Комлева Наталья Александровна	доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории политической науки	Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина	Komleva1@yandex.ru
Крамаренко Наталья Станиславовна	доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии	Московский государственный областной университет	ns.kramarenko@mgou.ru;contactsnsk@gmail.com
Манойло Андрей Викторович	доктор политических наук; член Научного совета при Совете Безопасности РФ, профессор кафедры российской политики	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	cyberhurricane@yandex.ru
Михайленок Олег Михайлович	Доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений	Центр политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук	m-oleg-m@yandex.ru
Петренко Анатолий Иванович	кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методики воспитания и дополнительного образования	Академия социального управления	aipetr@rambler.ru
Прокофьев Вячеслав Фадеевич	доктор технических наук, старший научный сотрудник	независимый исследователь, г. Москва	vfprok@mail.ru
Беклямишев Владимир Олегович	соискатель кафедры истории и теории политики	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	bekliamishev@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Денильханов А. Х.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 3

Дудин П. Н.

БУДДИЗМ ТХЕРАВАДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ЮГО-
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 20

Евгеньева Т. В., Хаметов Э. Ш.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ
СПОРТ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ) 38

Зорин В. Ю. Каменских М. С.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И
ОСНОВНЫЕ МЕГАТRENДЫ 52

Лаврикова А. А., Болотина И. И.

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИИ НА ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «ВЛАСТЬ – ОБЩЕСТВО» 69

Муратшина К. Г., Хамзин И. Р.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ
ТАДЖИКИСТАН В СФЕРЕ ТУРИЗМА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ 88

Скоморохина О. А.

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
КОНТЕКСТЕ ВЫХОДА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 98

ПСИХОЛОГИЯ

Самосват О. И., Брежнева Т. С., Шмеерова Е. Р.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛОКИРОВКИ
ДЕСТРУКТИВНЫХ ГРУПП В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 109

Селезнева Е. В., Галлере И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: ИНВАРИАНТНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВОЗРАСТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ 123

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барков И. С.

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В ПРОСОДИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ УГРОЗЫ 145

Юкина Е. Ю.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ 158

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.

Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0077-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO.

Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow State Regional University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Regional University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow State Regional University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Moscow state University. M. V. Lomonosov;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science of Moscow state University named M.V. Lomonosov;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow State Regional University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana P. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University n. a. F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow State Regional University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow state regional University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvati);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia).

COTACT US:

Our address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

Work schedule: Monday to Thursday from 10-00 to 17-30,

Friday from 10:00 to 16:00,

lunch break from 13:00 to 14:00.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Германова А.Ф.

Технический редактор:

Ахриева Л.М.

Переводчик:

Приказчикова Е.В.

Корректор:

Гладунов И.К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Горбунов А.А.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».
